Сергей
Шаповалов

Император

12+

Сергей Шаповалов

Император

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шаповалов С. А.

Император / С. А. Шаповалов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-2119-5

История времен самого загадочного императора России - Павла Петровича. История самых героических событий конца XIII века: освобождение Ионических островов легендарным адмиралом Ушаковым; взятие Рима русскими моряками; знаменитый Швейцарский поход Суворова.Обложка подготовлена Шаповаловым С.А. Использован портрет работы Митрохина А.Ф. и фотография ордена из запасника Эрмитажа.

ISBN 978-5-5321-2119-5

© Шаповалов С. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть первая: 5
Восшествие 5
Попутчик 5
Гатчинское государство 14
Петербург 44
Первое свидание 49
Смерть Императрицы. 55
Служба 83
Конец ознакомительного фрагмента. 103

Часть первая:

Восшествие

Попутчик

Уж так сложилась судьба. Я покинул отеческий дом, когда мне едва исполнилось четырнадцать. Отец мой, капитан от инфантерии, Добров Иван Иванович скончался от ран, полученных в Шведской компании. У Керникоски, весной, года одна тысяча семьсот девяностого он командовал ротой гренадёров гвардии Семёновского полка, где и был исколот штыками. Хоть батюшка мой и выжил после боя, но протянул недолго. От него осталось небольшое именье в Новгородской губернии с ветхой усадьбой, пашней в три десятины и куском болотистого леса. В подчинение две деревеньки, да около сорока душ крепостных. Доходы от имения были невелики, отчего семья наша еле сводила концы с концами. Семья моя: мама, Инна Вольговна, урождённая Кейр и трое моих младших братьев.

Дед мой по матери, обнищавший шотландский дворянин попал в Россию при Петре Великом, когда государь молодой Российской империи нанимал иностранцев и платил им щедро. Дед служил в армии мушкетёром, сгинул где-то в Персидском походе. По отцу предки шли ещё со стрельцов, но никогда не добивались высоких должностей, посему род считался бедным.

Дела наши после холодного неурожайного лета становились все хуже и хуже. Уж не знаю, что со мной было бы дальше. Возможно, я поступил бы на службу писарем в Новгородскую управу, или же другой какой мелкий чин получил. Но случилось так, что меня призвал к себе наш предводитель дворянства и сообщил, что благодаря героическим заслугам моего отца, я был ещё десять лет назад приписан на действительную службу в гвардии Семёновский полк. По малолетству, как тогда водилось, отправлен в учебный отпуск. И если мне будет угодно, я могу прибыть в Санкт-Петербург и восстановиться на службу.

В Петербург! В гвардию! Да разве мог я о таком мечтать!

Вот это – счастье подвалило! Я, недоросль из бедных шляхтичей – и в гвардию! Есть в мире высшая справедливость! Есть Бог!

Предводитель местного дворянства, добрейший человек, одолжил мне пятьдесят рублей ассигнациями на дорогу и вручил рекомендательное письмо.

Долгих сборов не понадобилось. Я надел отцовский потёртый сюртук, натянул отцовские истоптанные ботфорты, на голову – старую отцовскую треуголку с потрёпанными перьями, на пояс – его боевую шпагу. Братьям наказал беречь маму. Мама всплакнула, перекрестила на дорогу и отпустила с Богом.

И вот я, Семён Иванович Добров, пустился в первое моё странствие из глухого губернского закоулка Новгородской губернии в сияющий Петербург.

Дорога оказалась не из лёгких: поздняя осень, раскисшие дороги, холодные почтовые станции, где я просиживал долгие часы в ожидании экипажей с нарочными курьерами. Но меня согревала мечта о светлом красивом городе и о моей будущей службе. Я представлял себе военные парады. Я – гвардеец в красивом мундире. Дальние походы со славными баталиями…. Чем только я не грезил, сидя в убогих харчевнях при почтовых станциях или трясясь в неудобных казённых экипажах.

Нудное, длинное моё странствие подходило к концу, когда произошла неожиданная встреча, которая перевернула всю мою дальнейшую судьбу.

* * *

Широкая ровная дорога, усыпанная пожухшей листвой, уходила вдаль к далёким пологим холмам, разрезая лес. Позвякивали бубенцы. Двойка неказистых серых лошадок тащила почтовую карету с маленькими окошками. Стекла серые от дорожной грязи. Кучер иногда покрикивал на лошадей. Колеса на оси жалобно поскрипывали, убаюкивая меня.

– Стой, стой! – послышалось снаружи.

Карета остановилась.

– Далеко до Гатчинского замка? – спросил сильный мужской голос.

– Вёрст десять, ваше благородие, – ответил кучер. – Вам в Гатчину надо?

– Нет! Упаси боже, – ответил незнакомец. – А станция с трактиром есть поблизости?

– Так, в полуверсты.

– Подвезёшь за пятак? У моей кареты колесо слетело.

Пока кузнец возится, я, хотя бы, пообедаю.

– Садитесь, ваше благородие. – Кучер спрыгнул с козелков и любезно распахнул дверцу. – Я нынче налегке. Только мешок с письмами, да недоросль подсел на предыдущей станции.

Согнувшись, в карету втиснулся офицер. Плюхнулся на жёсткое сиденье, толкнув локтем мешок с письмами. Офицер был высок, складен, но слегка худощав. Белокурые волосы были завиты буклями на висках, а сзади стянуты в плотную косичку, повязанную чёрной шёлковой ленточкой. Бледная кожа на чисто выбритых щеках. Холодный, немного надменный взгляд выдавал в нем потомственного аристократа. Дорогой бархатный камзол темно-синего цвета с двумя рядами серебряных пуговиц небрежно расстегнут, открывая белоснежную сорочку с шёлковым галстуком. Галстук скрепляла на горле золотая брошь с изумрудами. На руках тонкие кожаные перчатки. Трость с массивным серебряным набалдашником.

– Моё почтение! Панин, Никита Петрович, – представился он. – С кем имею честь путешествовать?

– Добров, Семён Иванович, – ответил я. – Из Новгородской губернии. Шляхтич.

– Ну, это понятно, что дворянин, по вашей шпаге, сударь, да по лицу. А что лицо-то такое чумазое? – недовольно спросил он тоном, привыкшим командовать.

– А, это… нынче у печки спал в почтовой гостинице, – смущаясь, ответил я. – А печку углём топили. Коптила несносно. Чуть не угорел.

– Куда же путь держите? – поинтересовался офицер.

– В Петербург.

– И что вас туда потянуло? Вы один путешествуете?

– Один, – ответил я. – Желаю поступить на службу. С малолетства приписан к полку.

– А, понятно, – разочарованно протянул офицер. – Знакомая история. Младенцев приписывают к полку рядовыми, затем отсылают в учебный отпуск, а звание им повышают регулярно.

– Так, точно-с, – вынужден был согласиться я, хотя его насмешливый тон мне не понравился.

– Ох, не люблю я этих младенцев – рядовых, – честно признался офицер, строго взглянув на меня. – Сидели бы дома. Вас и так в чине бы повысили.

Я промолчал. Знал бы он, отчего я трясусь какую уже неделю по осенним дорогам. Ему-то что? Вон, камзол какой красивый. Одна пуговица стоит, наверное, рублей пять. А сапоги. Я таких хороших сапог сроду не видывал. Подумаешь, выискался правдоборец.

– К какому, хоть, полку приписаны, вы, безусый юнец? – вновь обратился ко мне попутчик с лёгким презрением.

– К Семёновскому, – нехотя ответил я.

– К Семёновскому? – возмущённо воскликнул офицер. – Так вы ещё и гвардеец? Тогда я должен снять перед вами шляпу.

– Довольно вам смеяться надо мной! – Во мне вскипела обида. – Я же не виноват, что меня отец приписал к гвардейскому полку. А сидеть дома я нынче не могу.

– И почему же? Кровь играет? На подвиги тянет? Скука в глуши заела?

– Семья наша, хоть из древнего шляхетского рода, но бедная. У меня трое младших братьев. Не желаю быть обузой для матери…

– Станция! – прервал кучер мои жаркие объяснения. Карета остановилась.

Офицер тут же выскочил наружу, недослушав меня. Я вылез следом, разминая затёкшие, от долгого сидения, ноги.

Перед нами предстал косой почерневший бревенчатый сруб с маленькими окошками. Из трубы валил дымок. Двор грязный, без забора. На дощатый нужник – просто противно смотреть. Конюшня из жиденьких жердей, и смердело оттуда несносно. В конюшне помимо почтовых, перекладных лошадей стояли высокие армейские кони, лениво жевали овёс. В углу свалены в кучу седла. На ржавом гвозде, наискось вбитом в стену, висел перемёт с двумя штуцерами в чехлах.

Из станции взрывами доносился хохот, и чей-то высокий голос визгливо читал стихи. Слов не разобрать, но что-то весёлое. Распахнулась дверь. Выбежал кругленький, простоволосый хозяин в засаленной косоворотке и льняном фартуке.

– Ваше благородие, желаете отдохнуть? – заискивающе спросил он.

– А что у тебя там за шум? – спросил мой попутчик.

– Господа офицеры из отпуска возвращаются. Вот, празднуют.

Панин ещё раз взглянул на лошадей.

– Гвардейцы?

– Так точно-с. Не желаете пройти в гостиницу?

Не желаю, – решительно ответил Панин. – Терпеть не могу эту пьянь гвардейскую.

– А как же тогда? – растерялся хозяин станции. – Откушать, винца испить?

– Вот что…. – Панин по-хозяйски огляделся, заметил несколько бочек. Одна большая стояла вверх дном. – Принеси-ка мне водочки хорошей вот сюда, – указал он на бочку. – Да на закуску – огурцов солёных. И что там у тебя ещё есть: сало, хлеба ржаного, мёд неси…. Давай, живо.

Ишь, как распоряжается, подумал я. Сразу видно, из высоких чинов. Эх, сапоги на нем ладные, из мягкой кожи скроены. Сюртук весь канителью расшит.

– Сию секунду, – поклонился хозяин и быстро побежал обратно.

Никита Петрович, как представился мой попутчик, подошёл к бочке, смахнул скрюченные дубовые листья. Косо посмотрел на меня. Я демонстративно отвернулся.

– Подите сюда, гвардеец. Вы уж не обижайтесь на меня. Нрав у меня такой, крутой. Ну что я поделаю? – вдруг дружелюбно сказал он.

Я нехотя подошёл.

– Так что, Семён из Семёновского полка, поведайте все же, на кой ляд вам эта служба? Думаете, жалование дадут большое? Так оно у вас все на обмундирование уйдёт, да на попойки. Вон, слышите, как гвардейцы отдыхают?

Из станции вновь выкатился хозяин с подносом, уставленным снедью. Подбежал, поставил поднос на бочку. В две стеклянных рюмочки налил водки.

– Семён Иванович, прошу вас, – указал на рюмки Панин.

– Простите, но мне ещё рано, – попробовал отказаться я. Никогда в жизни не пил водки. Вино – и то один бокал по великим праздникам.

– Гвардейцу никогда не рано. Коль попали в Петербург, все равно начнёте.

Панин проглотил стопку, поморщился и захрустел солёным огурцом. Что ж, надо приучать себя к столичной жизни. Как не противилась моя натура, я все же взял рюмку и, подражая своему попутчику, глотнул водку. Она сначала показалась ледяной, потом вдруг вспых-

нула огнём у меня в горле. Я чуть не задохнулся, зашёлся кашлем. Панин похлопал меня по спине и сунул в нос краюху ржаного хлеба.

– С боевым крещением вас, сударь, – засмеялся он. – Я, пожалуй, ещё одну выпью, а вам – достаточно. Вы ешьте, ешьте. Сальца побольше на хлеб кладите.

Панин опрокинул вторую рюмку. Лицо его порозовело и подобрело.

– Так, как, говорите, ваша фамилия?

– Добров. По отцу Иванович.

Постой-ка, – что-то начал вспоминать Он. – Иван Добров. Знакомое имя. Воевал ли где ваш папенька?

– В Шведскую компанию. Был ранен под Керникоской….

– Постой, постой! – воскликнул обрадованно Панин. – Иван Иванович Добров, капитан?

– Так точно-с.

– Господи, да он же для нас, молодых дурней-офицеров отцом родным был! А чего же вы раньше молчали? Эх, вы, скромняга. – Он хлопнул меня по плечу так, что я чуть не подавился. – Да ваш отец – герой! Я же помню, как его изранили в штыковой, – живого места не было. С него тогда сюртук стянули, сукно от крови набухло – хоть выжимай…. Да, были дела. – Он вновь захрумкал огурцом. – Вот, так встреча! Как нынче Иван Иванович поживает?

– Так, представился, – вздохнул я. – Полгода уж прошло.

От ран все. Болел долго…

Панин изменился в лице, побледнел, выплюнул не дожёванный огурец, снял треуголку и перекрестился:

– Что ж ты, Господи, забираешь самых нужных, да так не вовремя. Пусть земля ему – пухом.

Он оглядел меня по-новому, внимательно, с головы до ног.

– Даже не знаю, как с вами быть, Семён Иванович. Честью офицера обязан о вас заботиться впредь, благодаря памяти вашего батюшки.

– Ну, что вы, – запротестовал я. – Сам способен позаботиться о себе. У меня письмо есть рекомендательное от главы нашего дворянского собрания.

Тут дверь из трактира вновь взвизгнула на петлях, распахнулась и с силой хлопнула о стену. Офицеры в расстёгнутых мундирах, без головных уборов, со шпагами наголо вылетели на двор. Их было человек шесть.

–Драться будете по всем правилам благородного поединка! – громко требовал один из них, низенький капитан в артиллерийском мундире красного сукна. Говорил он с восточным акцентом. Да и сам офицер был горбоносым, с темными глазами навыкат. На вид ему не было ещё двадцати пяти, но держался он лидером этого пьяного сборища.

– Так найдите место для поединка! – широко разевая красный рот, орал высокий гвардеец в синем сюртуке Семёновского полка.

–Господа, господа! – вопил маленький белобрысый гусар в малиновом ментике с золотыми шнурами. Его светлые жиденькие усы смешно топорщились над пухленькими губами. – Подумайте о примирении!

– Идите к черту! – гаркнули на него все разом, и он отступил в сторону.

– Вон там, – решил горбоносый артиллерист, – указывая на место, где мы с Паниным угощались водкой, и уверенно двинулся вперёд, увлекая за собой пьяных товарищей.

Мне это не понравилось. На всякий случай я поправил шпагу на поясе, чтобы удобней было её вытянуть из ножен.

–О, Господи, что же это будет? – испугался хозяин трактира. – Они же поубивают друг друга, – с мольбой обратился он к Панину: – Ваше благородие, успокойте их.

–Да и пусть поубивают, – безразлично ответил Панин. – Мне эту пьянь гвардейскую не жалко.

–Господа, – между тем обратился горбоносый артиллерист к нам. – Не могли бы вы очистить поляну. У нас здесь будет проходить честный поединок.

Я с тревогой взглянул на Панина. Но тот не сдвинулся с места, даже не взглянул в сторону артиллериста. Чётко выговаривая каждую букву, громко сказал:

–Пошёл вон, скотина!

Пьяные офицеры замерли, соображая: им не послышалось? Их назвали скотиной? Это как вообще можно? Это кто такое дозволил? Первым опомнился артиллерист с кавказским носом. Он, неистово сверкнул темно-карими глазами и негодующе произнёс:

– Позвольте узнать, сударь, вы меня назвали скотиной?

– Тебя и твою пьяную компашку, – холодно ответил Панин, развернулся и взглянул артиллеристу прямо в лицо.

– Я князь! – выкрикнул артиллерист. – Леван Яшвиль. И не позволю…

– Может вы и князь, когда трезвый. А сейчас – свинья, – холодно прервал его Панин.

– С кем имею честь?

– Бригадир Панин, Никита Петрович. Достаточно, капитан?

– Ваше звание не даёт вам право так со мной разговаривать. Вы не смеете меня оскорблять. Я – князь.

– Поединок?

– Прямо здесь!

– Вызываете?

– Да. За вами выбор оружия.

– Мой секундант – вот этот юноша, – указал Панин на меня, – оружие – штуцера.

– Что? – не поняли остальные.

– Кавалерийские штуцера. Сходимся с двадцати шагов, – спокойно пояснил Панин.

Минуту офицеры соображали.

–Таких правил не существует, – запротестовал маленький светлоусый гусар. – Шпаги или дуэльные пистолеты.

Кто же со штуцерами проводит дуэли?

–Или как я сказал, или вы все будете разжалованы в рядовые! – гаркнул Панин.

Офицеры напряглись. Я почувствовал опасность: все же их было шестеро здоровых пьяных гвардейцев против нас – двоих. Рука сама потянулась к рукояти. Со скрежетом шпага полезла из ножен. Фехтовал я плохо, но отпор дать бы смог.

– Пустое! – твёрдо сказал мне бригадир Панин, заставляя вложить оружие обратно в ножны. Отдал мне свою трость с серебряным набалдашником. Указал на маленького гусара. – Несите штуцера. Отсчитайте двадцать шагов – и никакого примирения.

Пьяные офицеры сбились в кучу и быстро начали трезветь, обсуждая передрягу, в которую попали.

– Это что же такое, господа? – говорил красноротый семёновец. – Вроде, я должен был с Истоминым драться на шпагах. А тут такое вышло…

– Со штуцера, эдак с двадцати шагов пулей так разнесёт, что в руку, что в ногу, а в грудь, так все ребра перемелет, – задумчиво произнёс кавалергард в синем драгунском колете.

– Да, о чем вы! – возмутился худощавый Истомин, со злостью вгоняя свою шпагу в ножны. – Ежели Яшвиль этого бригадира застрелит, – нас всех в Сибирь, пожизненно.

Это же – Панин.

– А ежели бригадир Яшвиля прикончит? – спросил красноротый семёновец.

– Ничего? – пожал плечами Истомин.

Все устремили взгляд на артиллериста, как на приговорённого к смерти.

–Что я должен делать, господа? – вскипел капитан Яшвиль. Нервный пот выступил у него на смуглом низком лбу.

– Вам решать, – с какой-то обречённостью произнёс драгун.

– Довольно разговоров, господа, – спокойно сказал Панин, принимая из рук маленького гусара один из штуцеров. Взглядом знатока проверил кремний, порох на полке. – Мы стреляемся или глазки будем друг другу строить? – Протянул мне штуцер. – Семён Иванович, будьте любезны, проверьте.

– Что я должен делать? – шёпотом спросил я, принимая оружие.

– Перезарядите. Не доверяю этим пьяницам.

Я попросил у маленького гусара патрон. Он растеряно полез в лядунку, вынул бумажный картуш. Надо было как-то его засунуть в ствол. Я никогда не заряжал штуцеры, да ещё с картуша.

– Семён Иванович, – недовольно покачал головой Панин, видя мою растерянность. – Прежде шомполом выковырните пыж из ствола. Только аккуратней.

Я так и сделал. За пыжом выкатилась свинцовая пуля и высыпался порох.

– Отлично, – похвалил меня Панин. – Теперь зубами надорвите картуш. Немного насыпьте пороха на полку. Теперь остальной порох сыпьте в ствол. Там же в картуше пуля и пыж. Плотнее забейте шомполом.

Я все так и сделал. Отдал перезаряженный штуцер Панину.

– Благодарю, – сказал он. – Вот видите, секундантом быть не так уж и сложно.

Гусар в малиновом ментике отсчитал двадцать шагов. Яшвилю всунули в руку второй штуцер. Ствол дрожал, как заячий хвост. Офицеры растеряно смотрели на дуэлянтов. Маленький гусар воткнул шпагу, означавшую середину и упавшим голосом скомандовал: «Сходитесь».

Я ещё ни разу не присутствовал на дуэлях, и мне откровенно было страшно. А если кого убьют? Что тогда? А если моего попутчика пристрелит этот горбоносый капитан? Панин же меня назначил секундантом. А что должен делать секундант? Я мысленно воззвал к небесам. Я так сильно сжал рукоять шпаги, что хрустнули костяшки на пальцах.

Тем временем Панин уверенно шагнул вперёд, гордо выпрямив спину. Тяжёлый штуцер он держал легко одной рукой, направив гранёный ствол в сторону противника. Яшвиль засеменил, неожиданно нажал на спуск. Штуцер бахнул, подбрасывая ствол. Пуля высоко прожужжала над головой Панина, сбив с берёзы ворону. У офицеров невольно вырвался вздох облегчения. Холодок пробежался по мне волной от затылка до самых пяток.

Дуэлянты сошлись к середине. Бригадир был выше своего противника на целую голову. Панин упёр в горбатый нос грузинского князя ствол штуцера.

–Стреляйте, – пискнул Яшвиль. – Да стреляйте же! – потребовал грозно он, сверкая черными очами.

– Ага, теперь я вижу – князя, – философски произнёс Панин, отвёл ствол и выстрелил возле уха капитана. Тот отскочил в сторону.

– Стройся! – рявкнул бригадир, и офицеры тут же встали в шеренгу, пытались оправить мундиры, застёгивали пуговицы и крючки. – Слушай мой приказ! Всем прибыть в полки сегодня же и доложить командирам о своём безобразии. Каждому – по трое суток гауптвахты. – И притворно ласково добавил: – Кто ещё пожелает меня вызвать на поединок – милости прошу. Я всегда к вашим услугам, господа.

К станции подкатила широкая карета с шестёркой откормленных коней, запряжённая цугом. На правой передней лошади сидел форейтор. Карета остановилось. Кривоногий кругленький лакей, похожий на гнома, соскочил с козелков, любезно распахнул дверь и откинул подножку.

– Прощайте, господа. – Панин легко запрыгнул в карету. Обернулся, посмотрел на меня, подумал. – Берите-ка свои пожитки, Семён Иванович, да я вас довезу.

– Премного благодарен…, но я не знаю, право, – начал мяться я.

– Экий вы стеснительный. Я вам приказываю. Вы на почтовых и до завтра не доберётесь. Садитесь. – Строго сказал лакею: – Захар, тебе придётся вместе с кучером на козелках.

– Я? Но я же…

– Ничего, проветришься. Вон от тебя как несёт. Ты что, опять вино со шнапсом мешал?

Маленький лакей виновато пожал плечами, печально моргнул и послушно полез на козелки.

Да, это не почтовый пыльный экипаж. В почтовых каретах вечно пахло мышами и лошадиной мочой. Здесь же витал тонкий аромат косметических масел и изысканного дорогого вина. Просторный салон был затянут весёленьким голубым атласом. Диваны мягкие, обитые бархатом. На чистых окнах зановесочки с кисеёй. Карета шла мягко, чуть покачиваясь на рессорах.

А я все никак не мог отойти от недавних событий. Передо мной сидел человек, который так легко угомонил пьяную толпу гвардейцев. И сейчас был спокоен, как будто совершил обыденное дело. Сидел, сложив ногу на ногу, и беззаботно читал книгу.

– Я восхищаюсь вами! – с жаром произнёс я.

О чем это вы? – холодно спросил Панин, оторвав взгляд от страницы.

– Вы так бесстрашно шли на выстрел. А вдруг пуля попала бы в вас? – с ужасом вспомнил я.

– Да полно вам. Капитан был в стельку пьян. Он еле удерживал штуцер. Если бы с пистолетов стрелялись, – у него ещё был бы шанс в меня попасть.

– Но если бы попал? – не унимался я.

– Да что вы, ей богу! – беззаботно усмехнулся он. – Попал, значит пришёл мой час. Во всяком случае, предпочитаю погибнуть от пули молодым и красивым, нежели в старости на обмоченной постели, в окружении родственников, с нетерпением ожидающих, когда же можно будет пожрать на поминках. – Он непринуждённо рассмеялся, а после зло сказал: – Терпеть не могу всю эту пьянь! Нацепили офицерские шарфики – и думают, им все дозволено. Не такую Россию хотел построить государь наш, Пётр Алексеевич. Не такое он задумывал государство. Вы молоды ещё, и мало видели. А я, знаете, изъездил землю нашу вдоль и поперёк. И при императрице камергером был. Уж я-то знаю, какой бардак творится, что на окраинах, что в столице…, впрочем, скоро сами все увидите.

Мы ехали молча. Панин вновь принялся читать, я глядел в окошко на редеющие леса и открывающиеся пахотные угодья. Бригадир отложил книгу и спросил у меня:

– Вы говорили, у вас рекомендательное письмо. К кому же оно?

– К Аракчееву, Алексею Андреевичу.

– К кому? – Панин чуть не подпрыгнул на месте.

– Предводитель нашего уездного дворянства хорошо знает Алексея Андреевича. Вот, он и рекомендовал. Да с отцом моим они были знакомы…

– Вы самого-то его встречали когда-нибудь, Аракчеева?

– Не имел чести, к сожалению.

– Человек-гранит. От одного его взгляда не по себе становится, – с уважением произнёс Панин. – Вот уж кто настоящий русский офицер – так это Аракчеев. Вы же знаете, батюшка его был беден.

– Знаю, – кивнул я. – Всего-то двадцать душ крепостных, да небольшое хозяйство.

Отец привёз его в Петербург. Хотел устроить в инженерный шляхетский кадетский корпус. А чтобы поступить туда, надобно обмундирование, да залог на учебники, бумагу, чернило и прочую мелочь – и того, рублей двести.

– Двести? – ужаснулся я.

– Да, так, вот. А откуда у Аракчеевых деньги такие? Они едва сотню наскребли, да почти вся на дорогу ушла. У вас-то у самого есть деньги на мундир? Гвардейский стоит дорого. На одни пуговицы рублей двадцать уйдёт.

– У меня? – упавшим голосом переспросил я, вспоминая, что дорогой немало потратил, хотя старался экономить. – Сотни нет. Но, на мундир, думаю, хватит.

– Ладно! Не переживайте. Придумаем что-нибудь, – ободрил он меня. – Однако, чтобы попасть в общество гвардейских офицеров, надо многим обзавестись. Боюсь, жалования вашего будет недостаточно.

– А что нужно настоящему гвардейскому офицеру? – допытывался я. – Шпага у меня есть, пистолеты тоже.

– Наивный вы ещё. Помимо шпаги и пистолетов надо иметь несколько сменных мундиров: для баллов, для театров, для дружеских попоек, ну и для дежурства. Да и каждый мундир должен стоить не менее ста рублей. Сюртук гражданский нужен хороший, да жилетов пару. Плащей на каждый сезон, да не из дешёвого сукна, а из дорогого, английского. Шубу надо заказать. Как зимой без шубы? А всякие платья исподние, чулки шёлковые, башмаки несколько пар, сапоги для плаца, да для выездки, всякие перчатки, муфты меховые, шляпы…. Много чего. А чтобы попасть в высшее общество, надобно снять хорошую квартиру с приличным столом, и каретой обзавестись.

– Да как же…. Так это… – я совсем растерялся, представляя, сколько на все вышеперечисленное надо денег.

– В том-то и дело, – мрачно сказал Панин. – Но не кручиньтесь. Уж поможем сыну капитана Доброва. Многие батюшку вашего помнят. Так вот, – продолжил Панин рассказ, – О чем мы до этого разговаривали? Ах, да, об Аракчееве. Приехали Аракчеевы в Петербург, а тут как раз директор корпуса, Мордвинов, Михаил Иванович, возьми, да и помри. Нового директора пока назначили, пока в дела ввели – на все время надо. Отец с сыном каждый день ходили с просьбой в корпус, и все никак эту просьбу у них принять не могли. Уже совсем отчаялись. С голодухи отощали. Решили было обратно ехать, к себе в имение. Последний раз перед отъездом пришли в корпус. Повезло. Новый директор наконец-то появился, Мелиссино, Пётр Иванович. Был он в это время у себя в кабинете. К нему их не пустили. Но когда Мелиссино решил выйти пообедать, мальчишка Аракчеев кинулся к нему и изложил свою просьбу со слезами, с соплями…

– И его приняли?

– Дело в том, что Мелиссино сам был сыном бедного лекаря. Его отец семью черт знает откуда привёз: кто говорят из Венеции, другие толкуют – с Крита. Но, не важно. Пётр Иванович человек умнейший, да к тому же в людях никогда не ошибался. Выслушал мальчишку, задал пару вопросов, взял прошение, прочитал. Приказал ждать. А через час Аракчеев уже был принят в корпус.

– Повезло.

– Аракчееву? – Панин криво усмехнулся. – Думаешь, легко ему пришлось? Инженерный шляхетский кадетский корпус – это не простое учебное заведение. Попробуй в него поступи. Меня, оболтуса, тоже туда пытались устроить. А я, дурень, экзамен не выдержал по арифметики. А как уж батюшка мой старался…

– О вашем батюшке я много наслышан. Генерал-Аншеф. Герой Семилетней войны. А в Турецкую он прославился, взяв Бендерскую крепость. И о дядюшке я вашем читал. Он ведь воспитывал наследника, Павла Петровича.

– Точно! – кивнул бригадир и чему-то рассмеялся. – Весьма польщён. Однако, вы хоть из глубинки, но о свете кое-что знаете. Батюшка мой действительно героическая личность, но дядя, Никита Иванович Панин – уж тот – человечище! Советником самой императрицы был, мало того, нередко в споры с ней вступал. Многие важные политические вопросы без него не

решались. А о чем мы до этого говорили? Ах, да! Аракчеев. Представляете, каково учиться бедному, я бы сказал, совсем бедному шляхтичу среди сынков богатых, титулованных родителей. Ох и натерпелся же он. Мне рассказывал мой приятель, сокурсник Аракчеева: поставили его на караул по дневальной части. Стоит Аракчеев, как положено, смирно. А тут старшекурсники подошли и начали над ним издеваться. Мол, мундир то у него из дерюги сшит, поношенный. Пуговицы – дешёвка медная.

Сапоги – заплата на заплате.

– И что Аракчеев?

– А ничего. Зубы сжал, скулы напряг, смотрит стеклянными глазами куда-то поверх голов. На лице никаких эмоций. Подходит к ним мой знакомый и говорит: «Что ж вы, господа, смеётесь над бедностью? Бедность – не порок. В библии сказано». Ему старшие говорят: «Что ты, – мол, – вмешиваешься? Пусть он сам за себя ответит». «Отвечай!» – требуют. Аракчеев и говорит: «Успею. Придёт время – отвечу. И вы за все ответите». Да так уверенно сказал, что у старших вся охота шутить пропала. И вон, смотри, каких вершин достиг. Сколько ему? Двадцать семь, а он уже при наследнике. Говорят, сам Мелиссино рекомендовал Павлу Петровичу Аракчеева, как исполнительного офицера и хорошего артиллериста.

– Стой! – Раздался строгий окрик.

– Это куда нас занесло? – забеспокоился Панин, отодвигая бархатную шторку.

– Проезжай!

Карета вновь тронулась. Мимо промелькнула полосатая будка, поднятый шлагбаум. Солдаты в добротных мундирах, в напудренных париках. Гренадёрки с треугольным медным налобником. Ружья с длинными штыками.

– Это что такое? – забеспокоился Панин и приоткрыл окошко. – Иван! – закричал он кучеру. – Иван, сволочь, ты куда везёшь?

– Так, через Гатчину, Никита Петрович, – ответил кучер.

– Сдурел! – гневно воскликнул бригадир. – Я же сказал тебе: окольной дорогой надобно. Куда к чертям в Гатчину завернул?

– Так, Никита Петрович, окольная дорога здесь одна, а на почтовой станции сказали – мост чинят. Не проехать…

– Тогда гони до следующей заставы, да коней не жалей.

Понял?

– Как скажете, – обиженно ответил кучер.

Кони рвали постромки. Карету мотало во все стороны. Панин бросал беспокойные взгляды в окно, при этом бормотал проклятия. Вдруг карету перестало мотать. Колеса попали на ровную дорогу, удивительно ровную. Копыта бойко отстукивали. Форейтор покрикивал. Рессоры поскрипывали. Кучер посвистывал.

Вдруг в этот стройный шум вмешался нарастающий топот. Прозвучала отрывистая команда: Стой! – и упряжка сбавила шаг. Вскоре карета остановилась совсем. Её окружили вооружённые всадники в чёрной форме гусар.

– Влипли! – с досадой воскликнул Панин и, высунувшись в окно, наглым тоном спросил: – Ротмистр, в чем дело? Я – бригадир из Ровненского гарнизона, Никита Панин.

– Ротмистр Вуич, – безразлично ответил рослый гусар. – Приказываю вам повернуть карету и следовать к Гатчинскому замку.

– Позвольте, я везу документы особой важности, – возмутился Панин.

– Вы находитесь на территории Гатчинского государства и должны подчиняться его законам, – металлическим голосом отчеканил ротмистр.

Панин плюхнулся обратно на диван.

– Чёрт старый, Иван. И надо было ему сюда ехать?

Между тем карета тронулась в сопровождении всадников.

– Объясните, что произошло? – попросил я.

– Указ здесь такой действует: коль проезжаешь по земле Гатчинского государства, обязан заехать в замок и выказать почтение наследнику российского престола, Павлу Петровичу, – нехотя объяснил Панин и строго добавил, застёгивая мундир и потуже затягивая на поясе офицерский шарф: – Вот, что, Семён, приведите себя в порядок, да шпагу нацепите. Как остановимся – мигов вылетайте за мной из кареты, срывайте шляпу и – в глубокий реверанс.

Реверансы делать умеете?

– Обучен.

– Уж – постарайтесь. А главное – много не болтайте.

– А что нам грозит?

– Как бы на гауптвахту суток на трое не загреметь. Ох, влипли!

Гатчинское государство

Вскоре послышался отрывистый визг флейты и треск барабанов. Впереди вырос замок. Длинное мрачное строение, подковой охватывающее обширный плац. Центральная цитадель состояла из трёхэтажного строения с двумя квадратными башнями по краям, дальше тянулись двухэтажные пристройки, опять же, заканчивающиеся восьмигранными башнями. В своей архитектуре замок был прост и величественен. Строгие формы, высокие окна, никаких излишеств в виде лепнины или колоннад. Серая скала под серым осенним небом.

А на плацу проходили военные учения: маршировали колонны гренадёров; кавалерия упражнялась в построениях; егеря отрабатывали штыковую атаку.

Карета резко остановилась. Панин сам распахнул дверцу, не дожидаясь лакея, и выпрыгнул наружу. Вслед за ним и я. Сделал все в точности, как велел мой спутник. Мы склонились в глубоком реверансе перед кучкой людей в темной военной форме, скроенной на прусский манер. Фрачные сюртуки с длинными фалдами, белые лосины, высокие ботфорты, треугольные шляпы.

– Панин! – высоким голосом, произнёс самый маленький офицер. Что-то комичное было в его фигуре. Тщедушный. Темно-синий мундир делал его ещё меньше. Огромные ботфорты – явно не по ноге. Треуголка с широченными полями. Под ней маленькая голова в напудренном парике. Но во всей одежде был порядок: ни единой складочки, ни пятнышка. Бант на шее сиял белизной. Перчатки на маленьких руках чистые, белоснежные. – Довольно поклонов. Поднимитесь! Рад видеть вас в моих владениях.

– И я безмерно счастлив встречи с вами, Ваше Высочество, – Ответил Панин с притворной радостью.

– Если счастливы, куда же вы так спешили? Мимо хотели проехать? Указа моего не знаете? – подозрительно спросил маленький офицер. Лицо его было неприятное, бледное.

Нос слегка вздёрнут. Глаза глубоко посажены с нездоровыми тенями вокруг.

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Я везу важные государственные бумаги, – попытался оправдаться бригадир.

– Какие же? – допытывался офицер. – Неужели до того важные, что вы решили загнать лошадей? Я наблюдал вашу скачку. Так и расшибиться недолго. Наверняка везёте отчёты из Ровно: сколько пороху в погребах, сколько ядер, сколько выбыло рядового состава из-за болезней, сколько рекрутов поступило… и прочую ерунду.

– Вы правы, Ваше Высочество, – вынужден был согласиться Панин.

– А не посадить ли мне вас эдак суток на трое на гауптвахту, да в вахтпараде погонять в строю с гренадёрами? Любите вахтпарады? Прусский шаг знаете?

– Смилуйтесь, Ваше Высочество, – взмолился бригадир Панин. – У вас на гауптвахте трое суток, да потом в Петербурге за опоздание неделю ареста дадут…

– Да бросьте вы, – раздражённо махнул маленькой ручкой, затянутой в белоснежную перчатку, офицер. – В Петербурге вас никто не хватится. В генеральном штабе – полный бардак. Среди офицеров – повальное пьянство. Гвардия распустилась…. Офицеры все по балам да по театрам торчат. Забыли, где плац находится. А это кто с вами? – ткнул он небрежно тростью в мою сторону. – На слугу не похож: со шпагой. Шляхтич? А почему такой чумазый?

– Простите его, Ваше Высочество, – вступился за меня Панин. – Он неделю с Новгородской губернии добирается, на почтовых.

– И что с того? – грозно возразил офицер. – Дворянин в любых обстоятельствах должен выглядеть опрятно. Представьтесь! – потребовал.

– Добров, Семён Иванович, – отчеканил я, как можно твёрже, хотя ещё не понял: кто этот маленький тщедушный офицер. Но коль бригадир перед ним робеет, значит – чин высокий. – Следую к месту службы в Семёновский гвардейский полк.

– К месту службы? – с сомнением произнёс маленький офицер. Достал из кармана белый, как майское облачко, платок и громко высморкался. – Не рановато ли? Сколько вам?

– Четырнадцать, скоро будет – пятнадцать.

– В Семёновский, говорите? Небось, с пелёнок приписан, служивый? – с презрением сказал он. – Ох, не люблю я этих офицеров-младенцев. – И обратился к своему окружению: – Приезжает такой вот офицер впервые в полк уже майором, а сам не знает, как ружье надо держать, как пистолет зарядить, как шаг чеканить, в званиях не разбирается…

Все смотрели на меня осуждающе, будто я преступник.

– Ваше Высочество, – вновь вмешался Панин. – Перед вами сын капитана Доброва. Помните его? Под Керникоской он в самый ответственный момент сражения повёл в штыки Семёновский полк. Тогда мы смяли шведов.

Маленький офицер смешно дёрнул головой. Уже по-другому взглянул на меня, более внимательно. Глаза у него были какие-то детские, наивные, совсем не шли к его грозному лицу.

– Ещё бы! – воскликнул он. – Такого не забыть. Так вы его сын?

– Старший, – ответил я – И отец вас отпустил?

– Он скончался недавно.

– Соболезную, – смутился офицер, подумал. – Что ж. Прошу прощения, за столь жёсткий приём. Но все же – вы дворянин, и должны выглядеть соответственно. Запомните! – У него есть рекомендательное письмо, – вставил Панин.

– Рекомендательное, – хмыкнул офицер. – И кому рекомендуетесь? К Римскому-Корсакову, небось? Так он и читать его не будет.

– К Аракчееву, – поправил я.

– К кому? – Маленький офицер удивлённо заморгал короткими белёсыми ресничками. – К Алексею Андреевичу?

– Сосед он наш, – объяснил я. – Отец мой с его отцом дружны были…

В это время на пригорок, шагах в пятидесяти от нас, артиллеристы в красных мундирах выкатывали на позиции пушки, готовясь к стрельбе. Маленький офицер, а за ним и весь его штаб переключили внимание на батарею. В поле стояли мишени из пустых бочек, поставленных пирамидками друг на друга.

А вот и Аракчеев, – указал маленький офицер на бомбардира, командовавшего батареей. – Вот, настоящий бог сражений. Нет, вы поглядите, господа, как он вымуштровал солдат: ни одного лишнего движения, каждый на своём месте. Действуют быстро, слаженно – сразу видна хорошая выучка.

Одно из орудий дёрнулось, откатилось назад, изрыгая облако серого дыма. До нас с опозданием долетел грохот выстрела, и одна из мишеней разлетелась в щепки.

– О! Что я вам говорил! – Радостно воскликнул маленький офицер. – С первого же выстрела – и в точку.

Второе орудие бахнуло, и вторая мишень разлетелась. Потом третье и четвёртое. Последний выстрел был не столь удачным, но все равно, самая верхняя бочка превратилась в облако щепок.

– Пойдёмте, господа! – приказал маленький офицер и широкими шагами направился к батарее. Все последовали за ним.

– Объясните мне, кто это? – шёпотом попросил я у Панина.

– Вы сдурели! – сердито сдвинул брови бригадир. – Это же сам наследник, Великий князь, Павел Петрович. А вон те двое юношей – его сыновья: Александр Павлович и Константин Павлович. Вы, Семён, смотрите, не сболтните лишнего, а лучше – вовсе молчите, – пригрозил мне Панин.

Пушкари остужали орудия, чистили стволы банниками. Стоял острый запах уксуса.

– Смирно! – скомандовал высокий нескладный офицер в форме полковника с грубыми чертами лица, и артиллеристы тут же бросили свои занятия, выстроились возле орудий. Полковник сделал чёткий строевой шаг в сторону приближавшегося наследника Павла Петровича и громко отрапортовал:

– Стрельбы проведены успешно. Все мишени поражены.

– Видел, видел! Молодцы! – похвалил пушкарей наследник. – Надо же, все четыре сбил! Я горжусь вами, Алексей Андреевич. А что о пушках скажете? Голландцы не подкачали? Хорошие прислали?

Полковник набычился, и неопределённо ответил:

– Воевать с ними можно.

– Та-ак! – грозно протянул наследник. – Давайте-ка, Алексей Андреевич, говорить откровенно: орудиями вы недовольны.

– Недоволен, – честно ответил полковник.

– На этот раз что?

– Расчёты надо произвести. Не так что-то. Или ядра тяжёлые, или стволы короткие.

– Объясните, – требовал Павел Петрович.

– При фунтовом заряде пороха ядро летит не больше пятисот шагов. Если полуторафутовым заряжать, так часть пороха из ствола выносит, искрит, как фейерверк.

– Вот оно, что? – задумался Великий князь.

– Расчёты надо произвести, – повторил полковник и несмело добавил: – Единорог шуваловский, он, все же, лучше.

Павел Петрович недовольно вздёрнул подбородок.

– Где же я вам возьму единороги? Нет у меня денег на единорогов. Хорошо, хоть эти, – кивнул он на пушку, – посол Голландии подарил. Сделайте расчёты и принесите мне к завтрашнему утру.

Рядом развернулась вторая батарея, и пушкари принялась палить по мишеням. Но на этот раз ядра не долетали, зарывались в дёрн, разбрасывая комья земли. Лишь последним выстрелом удалось сбить бочки.

– Это что за безобразие? – гневно закричал наследник, размахивая тростью, и бросился к командиру батареи. – Что за стрельба? Вы что, впервые пушку увидели?

– Никак нет! – испуганно отвечал здоровенный мордастый капитан, вытянувшись в струнку.

– А почему ядра у вас не долетают?

– Порох сырой.

– Что? – гневу наследника не было предела. Он кинулся к зарядным ящикам, вынул один из зарядов, разодрал холстину и, стянув зубами белоснежную перчатку, сунул руку в порох. Выплюнул со злостью перчатку и заорал: – Аракчеев, откуда сырой порох? Кто принимал? Я вас за это в солдаты разжалую!

– Позвольте объяснить, – спокойно попросил Аракчеев. Лицо его не выражало ни капельки страха.

– Ну! Жду! – требовал наследник, нервно сжимая в руке горсть сырого пороха.

Порох я приказал намочить. Он изготовлен по моему рецепту.

– С водой, что ли? Зачем?

– Не с водой. Дело в том, что в походе всякое случается. Бывало и такое, что артиллерийские заряды промокали под дождём или при неудачной переправе через водные преграды; при этом армия лишалась огневой поддержке. Я же пытаюсь приготовить порох, который бы и сырым возможно было употребить при стрельбе.

– Не врёшь? – недоверчиво взглянул на него Павел Петрович.

– Сами видите – стреляет, хоть и сырой.

Гнев наследника моментально улетучился.

– Ух, и голова у тебя светлая, – хохотнул Великий князь. Настроение его менялось в одно мгновение. – Расскажешь сегодня после ужина о своих опытах. – Бережно положил разорванный мешок картуша на зарядный ящик. Адъютант подал оброненную перчатку. Павел Петрович натянул её на руку. Потом повернулся к остальным офицерам: – Господа, сегодня я намерен отужинать в Арсенальном зале. Жду вас всех. Панин, вы тоже оставайтесь, – приказал он бригадиру. – Завтра отвезёте свои доклады, и товарища вашего отмойте. Я и его желаю видеть на ужине, – указал он тростью на меня. – Кстати, Аракчеев, этот юноша к вам с рекомендацией. Вы уж позаботьтесь о земляке. Он – сын героя. Капитана Доброва помните?

– Будет исполнено, – пообещал Аракчеев и пристально осмотрел мои истоптанные сапоги, перевёл взгляд на шпагу, пересчитал пуговицы на сюртуке. – Добров, говорите? – недоверчиво переспросил он.

– Так точно, Добров Семён Иванович, – подтвердил я.

Наследник, неуклюже шагая, и смешно подпрыгивая при ходьбе, направился к замку.

– Ваше Высочество! Ваше Высочество! – вприпрыжку ринулся за ним офицер сопровождения.

– Что ещё? – недовольно обернулся наследник.

– Надобно дать приказ батареям свернуть позиции. Иначе Аракчеев до утра стоять будет.

– Верно, – согласился Великий князь и, что есть мочи, гаркнул: – Свернуть позиции! Пушки в депо, солдатам – по казармам!

* * *

– Дайте-ка. – Аракчеев протянул ко мне широкую грубую ладонь. Я не сразу сообразил, что от меня требуют, но после понял и достал из-за пазухи серый конверт с сургучовой печатью.

Аракчеев внимательно осмотрел герб на сургуче, сломал печать. Вынул исписанный мелким почерком листок, начал читать. Окончив, засунул письмо обратно в конверт. Ещё раз пристально взглянул мне прямо в лицо, своими волчьими светло-карими глазами и недовольно произнёс:

– Что же вы в таком виде перед наследником предстали?

Я, было, набрал воздуха в лёгкие, чтобы выдать оправдание, мол, целую неделю в дороге, ночевал где попало, но Аракчеев опередил:

– Не надо ничего говорить. Все ваши слова – ничего не значат. И запомните: никогда не оправдывайтесь, а тут же исправляйтесь.

***

В солдатской бане стоял запах нагретых досок, пара и горящего угля. На каменном полу громоздились огромные деревянные лохани, наполненные водой. В каменных печах пылал огонь. Чугунные заслонки накалились до бордового цвета. Сверху на печах шумели железные ведра, готовые закипеть. Широкие деревянные лавки потемнели от влаги.

– Может, мне не стоит мыться? – с надеждой спросил Панин. – Я и без того недавно парился в Полоцке. Бани в Полоцке хорошие.

– Приказано – извольте выполнять, – жёстко ответил Аракчеев. – И прошу вас: будете собираться к ужину, не надевайте шёлковых бантов и всяких побрякушек. Павел Петрович не любит всей этой показной роскоши.

– Как скажете, – пожал плечами Панин.

– А у вас, юноша, есть белая сорочка? – спросил меня Аракчеев.

В моем дорожном сундуке есть чистое белье. – Я открыл свой потёртый кожаный кофр с медными уголками. Матушка собирала сама меня в дорогу и положила пару рубах из грубого выбеленного холста.

– Вы это называете – чистым? – с сомнением спросил Аракчеев, взял из кофра сорочку, повертел её, резко рванул, и ткань тут же расползлась пополам. – Вам принесут одежду.

Аракчеев вышел твёрдой уверенной поступью. Я вздохнул, с грустью рассматривая куски разорванной холстины, которые ещё недавно были рубахой.

– Ух, Семён, – грустно усмехнулся Панин. – Достался тебе командир. Но ничего, не печалься. Придумаем что-нибудь.

Здоровые гренадёры разложили нас на лавках и нещадно тёрли мочалами из лыка, а потом обливали водой, то холодной, то горячей. Стегали дубовыми распаренными вениками и вновь окатывали водой. Сначала тело моё горело, и я ещё ощущал боль от хлёстких ударов, но вскоре потерял всякую чувствительность.

– Ой, полегче! – молил Панин. – Я в бане или в застенке?

– Не ворчите, ваше благородие, – отвечали раскрасневшиеся гренадёры. – Живы останетесь. Даже кожа пока не слезла. – И вновь, пуще прежнего работали вениками.

Мне выдали чистую солдатскую исподнюю рубаху, солдатскую блузу, белые лосины и солдатский сюртук синего сукна с длинными фалдами. Подкладка малиновая. Новые медные пуговицы сияли словно золотые. Обшлага тоже малиновые с золотой каймой.

– Выглядите молодцом, – усмехнулся Панин, когда я оделся и застегнул все пуговицы и крючки. Он помог мне правильно надеть небольшой парик с буклями на висках и маленькой косичкой на затылке.

Появился Аракчеев.

– Готовы? Прошу следовать за мной.

Я робко шествовал за Паниным и Аракчеевым по великолепным анфиладам Гатчинского зама. Такой красоты и такого величия я ещё никогда не видел. Высокие потолки с лепниной и расписными плафонами казались мне творением божественным. Огромные гобелены, зеркала в массивных золотых рамах. Лакеи в ярких ливреях распахивали перед нами высоченные двери.

– Что, Семён, одурел от красоты? – усмехнулся Панин.

– Под ноги смотрите, – строго напомнил Аракчеев.

И вовремя. Я чуть не споткнулся о пёстрый ворсистый ковёр с затейливым восточным орнаментом.

Офицерам накрыли в нижнем Арсенальном зале. Длинный дубовый стол был убран белой скатертью. Кроме бронзовых канделябров на столе ничего не стояло. Все командование гатчинского гарнизона уже собралось. Офицеры шумно обсуждали политические вопросы. Как только появился Панин, все бросились к нему с расспросами: как там, в Польше нынче; какие вести доносятся из Франции; со Швецией мы будем заключать союз?

– Во Франции, господа, появился новый Марс, бригадный генерал Наполеон, – сообщил Панин. – Слыхали о таком? Недевиче, как десять лет назад он только вышел из Парижской военной школы младшим лейтенантом, а теперь уже ему доверили возглавить армию. Каково, господа?

– И чем же он отличился? – настороженно спросил Аракчеев. – Говорят, сей Марс отличный артиллерист.

– Вы верно подметили, – согласился Панин. – При разгоне мятежа, он вкатил на улицы Парижа пушки и показал, как можно делать фарш из людей при помощи картечи.

– Стрелял из пушек в свой народ? – гневно сдвинул кустистые брови Аракчеев. – Экое геройство!

– Во Франции нынче нет единого народа. Все делятся на роялистов, якобинцев, жирондистов и на прочую дрянь. Даже нет деления на мужчин и женщин, есть только гражданин, а есть не гражданин – тот враг революции. Франция погибнет, если к власти не придёт человек с железной рукой и каменным сердцем.

– Наследник Российского престола! – прокатилось под сводами.

Офицеры выстроились в шеренгу и застыли. Быстрым, тяжёлым шагом вошёл Павел Петрович. На этот раз он надел сюртук генерал-адмирала Российской империи с голубой Андреевской лентой через плечо. Всё в одежде идеально – ни единой складочки. Белокурые волосы завиты в аккуратные букли. За ним следовали двое старших сыновей: Александр и Константин в прусских приталенных мундирах. Наследник прошёлся вдоль строя офицеров, внимательно осматривая каждого. Остановился напротив Панина.

– Для чего вам эта побрякушка, Никита Петрович? – скривил он недовольно бледные губы.

– Орден Святого Антония преподнесён главой города Ровно, – ответил Панин.

– С чего это поляки вас так полюбили? – и, не дожидаясь ответа, перешёл к моему осмотру.

Я затаил дыхание. Мне до сих пор не верилось: сам наследник престола, Великий князь Павел передо мной. Разве такое возможно?

– Хорош! – удовлетворённо кивнул он. – Мундир вам идёт. И выправка гренадёрская. Лицо отмыли, – теперь вижу в вас благородную кровь. Отец ваш бесстрашным был и честным. Помню его. Нынче не хватает таких людей в России. Ох, как не хватает! Надеюсь, вы пошли в отца.

Закончив осмотр, наследник громко произнёс:

– Приступим к молитве, господа офицеры! Кто искренне чтит Бога, тот за правду стоит.

Молитва длилась не меньше получаса. Великий князь сам, лично читал псалмы, а офицеры хором вторили ему. Наконец всем разрешили сесть за стол. Лакеи внесли и расставили перед каждым простые приборы: оловянные тарелки, железные вилки и ножи. Панин удивлённо пожал плечами и шепнул мне, чтобы никто не услышал:

– Как в придорожной харчевне.

Потом появились блюда, от которых Панин пришёл в полное недоумение: тушёная капуста с луком и варёные колбаски. В кувшинах оказался клюквенный морс.

Мой товарищ плохо смок скрыть удивление столь скромному угощению. Он привык к хорошему столу. Даже в походах кормили лучше. А тут…. От внимания наследника не ускользнуло брезгливое выражение лица Панина.

– Никита Петрович, вы не любите капусту или баварские колбаски?

– Как же, Вше Высочество, – сконфузился Панин, не зная, что ответить. – Очень люблю.

– Я могу вас понять. Вы приехали в гости к наследнику Российского престола, а тут – капуста. Но, видите ли, дело в том, – объяснял Павел Петрович, – мне матушка, Ея Величество выделяет скудные средства. Приходится на всем экономить, чтобы хоть как-то содержать армию, госпиталь, офицерскую школу, конюшни…. Вот, не знаю, как замок отапливать нынешней зимой. Большую часть комнат придётся закрыть. Вино у меня есть, но вина я не подаю на стол, потому что мало кто из нынешних офицеров знает норму. А пьяниц я не переношу. Морс – он полезней.

– Полностью с вами согласен! – поспешил заверить его Панин.

Железные вилки и ножи противно скрежетали по олову.

– Позвольте задать вопрос. Семён Иванович, кажется? – обратился наследник ко мне.

Я невольно вздрогнул, отложил приборы и хотел вскочить, но чуткий Аракчеев, сидевший рядом, схватил меня за плечо и не дал подняться. Прошипел в самое ухо:

– За столом не вскакивают. Дозволено разговаривать сидя.

– Так точно, Ваше Высочество, – ответил я. – Добров Семён Иванович.

– Давайте посмотрим на юное поколение будущих офицеров из провинции, будущую гвардию, надёжу и опору нашего отечества. Вы владеете языками?

– Моя маменька из шотландских дворян. Она обучала меня французскому и английскому. Свободно общаюсь, пишу и читаю.

– Отлично! – был вынужден согласиться наследник.

– Наш местный лекарь, немец по происхождение, обучал меня немецкому и латыни?

– Латыни? – встрепенулся наследник. – И каковы ваши успехи в латыни? – поманил лакея. – Подай юноше мою любимую книгу. Неужели провинциальный лекарь, пусть даже – немец, может преподавать латынь?

Лакей принёс увесистый том в потёртом кожаном переплёте и бережно передал его мне. Я вытер руки о салфетку, раскрыл книгу. Пожелтевшие страницы и тщательно выведенная готическая вязь, говорили о том, что книга была очень старая, из какого-нибудь европейского монастыря. Наверное, над ней не меньше года трудился монах переписчик, терпеливо выводя букву за буквой, слово за словом….

– Знакомо ли вам это сочинение? – спросил Наследник.

Я пробежался по первым строкам.

– Приходилось читать, – вспомнил я. Именно по такой же книге наш лекарь и учил меня латыни.

– Вот, как? – У Павла Петровича явно поднялось настроение. Он прекратил жевать и отложил вилку с ножом. – Ну, и что у вас в руках?

– Сочинение аббата Рене-Обер де Верто «История рыцарей святого ордена Иоана Иерусалимского».

– Ну, читайте, читайте, – заёрзал на стуле Павел Петрович. – А лучше сразу переводите.

– «Я, имярек, рыцарь ордена, клянусь, моему господину и повелителю, и преемнику князя апостолов, и его наследникам в постоянной верности и послушании. Клянусь, что я не только словом, но и оружием, всеми своими силами буду защищать таинства веры…. Обещаю также повиноваться великому магистру ордена и быть послушным, как того требуют уставы…. В любое время дня и ночи, когда будет получен приказ, клянусь переплыть все море, чтобы сражаться против неверных королей и князей…»

– Клятва! Клятва рыцарей! – Лицо наследника сияло радостью и неземным блаженством. – Каков слог! Какие возвышенные слова! Вот, были же времена, благородные времена, где правила рыцарская честь, где вместо длинных, заковыристых договоров достаточно было только клятвы. Ох, господа, куда катится мир? Что нынче за нравы? Нет, надобно возрождать рыцарство. Не знаю как, но в наше нелёгкое время ох, как не хватает бесстрашных, бескорыстных, благородных воинов, у коих сердце пылает отвагой. В одной руке карающий меч, но в другой – библия, на устах слово божье. – И обратился ко мне: – Достаточно, молодой человек. Я вижу, вы образованы не хуже своих сверстников из столицы. Не правда ли, Никита Петрович?

– Согласен с вами, – тут же кивнул Панин. – Меня хоть и обучали латыни лучшие гувернёры, но, вот так, сходу перевести, признаюсь, не смог бы.

– А арифметику кто вам преподавал? – продолжил мой допрос Великий князь.

– Французский учитель, – ответил я. – Наш сосед, граф

Корин, приютил дворянина, бежавшего от революции. Раньше месье де Пурпо преподавал в Парижской военной школе. У него я брал уроки.

– Грифельную доску и уголь, – потребовал наследник. – Я вам, юноша, задам задачку, а вы, будьте добры, решите её. – Лакей сунул мне в руки небольшую прямоугольную доску для письма, загрунтованную белой краской, огрызок угольного карандаша и линейку с делениями в дюймах. – Рассчитайте площадь этой досочки, отталкиваясь от условия, что короткая ея сторона в два раза меньше длинной. А измерить я вам разрешу только диагональ. Все уяснили? Решайте. И давайте, объясняйте ход своих мыслей, – потребовал наследник Российского престола.

Сначала я растерялся, но собрался, поразмыслил и понял в чем хитрость.

– Диагональ делит данную дощечку на два равных треугольника с прямым углом. Она же, эта диагональ, является для них гипотенузой, – уверенно начал я.

– Так! – одобрительно кивнул Павел Петрович.

– А, исходя из теории греческого математика Пифагора, следует, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Вычисляем квадрат гипотенузы. Зная из условий, что маленькая сторона короче длинной в два раза, вычисляем соответственные квадраты, извлекаем, перемножаем, получаем площадь.

– Сообразил! – Павел Петрович с силой швырнул вилку на стол. – Аракчеев, он сообразил.

– Ответ верен, – согласился Аракчеев. Видать не раз уже задавали эту каверзную задачку начинающим офицерам.

– Панин, вы поняли? – обратился наследник к Никите Петровичу.

Панин с усилием проглотил кусок колбаски и сказал немного растеряно:

– Понять, то – понял, но я бы вот так, с ходу не сообразил.

– Вот что, отрок, – решительно сказал Павел. – Вскоре прибудет вюртембергская осадная батарея. Я вас назначаю командиром.

Панин подавился, зашёлся кашлем. Аракчеев звонко хлопнул его ладонью по спине.

– Никита Петрович, вы так удивились? – усмехнулся наследник.

– Весьма, Ваше Величество, – ответил Панин. – О такой быстрой карьере даже я не смею мечтать.

– А потому что вы, Панин, при всем моем уважении к вам, – балбес. Да, балбес, – развеселился Павел Петрович. – Вот, захотели бы – и стали министром. А вы – ленитесь. Вот, вас матушка наша Екатерина Алексеевна и выперла в Ровно. Выперла, потому что таких балбесов у неё целый двор. Отец ваш, Пётр Иванович, вот это – человечище! А дядюшка ваш, Никита Иванович, мой наставник? Да таких людей в России было: раз, два – и обчёлся! Сколько в детстве и в отрочестве мы с вашим дядюшкой бесед провели: о русском народе, о полководцах великих, о деяниях святых…. Что за человек! Что за светлая голова!

– Стараюсь во всем походить на отца и дядюшку, – заверил наследника Панин.

– Стараетесь? Да как-то вам все не удаётся. Лень-матушка вперёд вас родилась. – Павел заметил, как Аракчеев насупился. – Что-то не так Алексей Андреевич?

– Позвольте возразить, Ваше Высочество, – резко сказал полковник.

– Слушаю, – разрешил Павел Петрович.

– При всем моем уважении к сему отроку и к героическому отцу его, мал он ещё командовать батареей.

– А вы его научите, – тут же предложил наследник. – На поощрения не скупитесь, да наказывайте строже. Не поспит несколько ночей за учебниками, да на гауптвахте посидит недельку, – так сразу военную науку поймёт. Построже с ним. Я хочу получить хорошего офицера.

– А не сломается? – с сомнением взглянул на меня исподлобья Аракчеев, отчего дыхание моё перехватило.

– Не посмеет! – твёрдо заверил Павел Петрович. – Вон, какой у него взгляд упрямый.

Я пришёл в себя, когда почувствовал, как слуга пытается выдернуть из моих рук грифельную дощечку. До моего сознания все никак не доходило: меня, четырнадцатилетнего мальчишку из глухомани, первый день оказавшегося здесь, в Гатчинском замке, назначили командиром батареи? Сказка какая-то.

После скудного ужина, Павел Петрович пригласил в свой кабинет Аракчеева, Панина и меня, как будущего командира вюртембергской осадной батареи. Так же позвал ещё нескольких офицеров. В этом обществе я почувствовал себя совсем неуютно. Статные военные с мужественными чертами лица, обветренные, загрубелые, пропахшие порохом и конским потом… и я – вчерашний школяр, не умевший даже правильно зарядить штуцер.

Небольшой овальный зал был увешан картинами: сцены преимущественно батальные. Жарко пылал камин. Длинный прямоугольный стол завален бумагами, стопками книг, чертёжными инструментами. Остальная мебель в кабинете состояла из нескольких мягких стульев и небольшого диванчика с кривыми ножками. Павел повелел подать чай. Сразу же зашёл разговор об артиллерии.

– Нужен новый подход к полевым стрельбам, – твердил Аракчеев. – Не годится старая тактика. Ну что это: развернуть на господствующих высотах батареи и защищать их.

– Разве такая тактика устарела? – требовал разъяснений Павел.

– А если нет этих высот? А если надо вступать в бой с марша? Артиллерия должна быть подвижной. Надо по-новому формировать батареи.

– Как?

– У каждой батареи должно быть своё конное депо. К каждой пушке должны быть приписаны упряжные лошади. Передок сцепки нужно сконструировать по-другому. Установить на него зарядный ящик.

– Интересно! – кивнул Павел Петрович. – И что это меняет в тактике?

– Орудие не будет завесить ни от кавалерии, ни от снабжения. Подъехала такая сцепка на позицию, развернулась, дала несколько залпов. Если войска наступают – батарея меняет позицию, продвигаясь вперёд; если отступают – отодвинулось на нужное расстояние.

– Прошу вас изложить письменно ваши соображения и предоставить мне. Всё подробно распишите по пунктам, – приказал Павел. – А вы что скажете на это, Панин?

– Полностью согласен с Александром Андреевичем. Век лихих кавалерийских наскоков уходит. Нынче на поле боя пушки решают исход битвы.

– Из чего вы это вывели? – заинтересовался Павел Петрович.

– Изучал внимательно отчёты об осаде Тулона. Капитан

Бонапарт Наполеон так умело расставил батареи, что сначала смог выгнать английские корабли с рейда, а после легко взял форты.

– Согласен с вами, – сказал наследник. – Блестящий план придумал этот Наполеон. Я тоже читал эти отчёты. Вы же помните, перед тем, как он возглавил осаду, сменилось несколько командующих, бездарно предлагавших в лоб штурмовать стены. Конечно, у них бы ничего не вышло, тем более что осаждённому Тулону англичане подвозили подкрепление с моря. А вот так, умно осадить с суши и с моря, да ещё грамотно использовать артиллерию… Талант у этого Наполеона.

Беседу прервал камердинер. Он сообщил о прибытии важной персоны, генерала-губернатора Курляндии, Петра Алексеевича фон Палена. Только что его карета въехала на территорию Гатчинского государства. Генерал-губернатор Курляндии просит аудиенции.

– Сюда его! – потребовал Павел. Обратился к остальным: – Вот, ещё один интересный человек. Отважный и честный, готовый служить России до гроба.

Вошёл высокий вельможа, одетый с простотой и опрятностью немца. На вид ему перевалило за сорок, но он был крепко сложен. Лицо благородное, гладкое, с правильными чертами и внимательными темно-карими глазами. Светлый дорожный сюртук без всяких излишеств, светлые панталоны, грубые тупоносые башмаки с пряжками. Он просто и элегантно поклонился наследнику. Быстрым взглядом окинул обстановку, оценил каждого из присутствующих. Чем-то этот человек напоминал матерого лиса. Такой в капкан не попадётся и от гончих легко ускользнёт.

– Рад видеть вас, генерал, – поприветствовал его Павел. – Жаль, что вы не успели к ужину.

– Я с удовольствием позавтракаю утром, – ничуть не расстроился фон Пален. – Как говорили римляне: – Мой ужин предназначен врагу, но завтрак никому не отдам.

Говорил он мягко, вкрадчиво, но во всем его облике, в неспешных движениях, в манере говорить чувствовалась скрытая сила.

– С какими намерениями в Петербург? – поинтересовался наследник.

– Государственные дела. Обязан прибыть в сенат и доложить о состоянии дорог, укреплений, портов, а также о настроениях местного населения Курляндии.

– Присаживайтесь. Угощайтесь чаем. Мы, как раз беседуем о переустройстве артиллерии. Обсуждали осаду Тулона. Как вы оцениваете действие англичан?

Из англичан плохие солдаты, – сказал фон Пален, грациозно присаживаясь на стульчик за чайным столиком. – Сколько не читал о громких победах английского оружия – все сплошь подлость. А как только попадается сильный противник, англичане вечно получают по зубам. Вот какая штука, господа. Осада Тулона – тому пример.

– Что скажете о бригадном генерале Франции, Наполеоне? – задал вопрос Павел.

– Наполеон! – фон Пален повертел указательным пальцем в воздухе. – Ежели он был бы законным императором, Франция покорила бы половину Европы.

– Ну, вы скажете тоже, – усмехнулся Павел. Скулы его порозовели, глаза сверкнули. – Какой из него император? Император должен быть от Бога. А это корсиканский карлик – от дьявола. Император должен служить отечеству, как апостол, и делами своими, рвением своим подавать пример всем остальным подданным. Судьба императора – сгореть ради процветания государства. Да бог с ними: с Францией и Англией. Нам надо здесь и сейчас думать о будущем России. Вот, господа. – Павел достал с книжной полки три толстых тетради в бархатных обложках и положил перед гостями на стол. – Здесь я подробнейшим образом описал, как надо переустроить Россию. Вот в этой тетради – армия, в этой – флот, в этой – гражданское законодательство.

– Поистине – гигантский труд, – удивился Панин.

– Может быть, некоторые мои рассуждения покажутся странными, но вы потом поймёте, что я прав. Эти записи я вёл, не просто поддаваясь бурной юношеской фантазии. Нет! Здесь все глубоко продумано. Множество вечеров мы проводили с моим воспитателем Никитой Ивановичем Паниным, вот так, беседуя за чашкой чая с генералами нашими и генералами иных держав. О чем мы только не спорили: об устройстве армий, о политических движениях, о будущих моделях мироустройства.

– Но позвольте узнать, в чем основные принципы, изложенные в этих трудах? – поинтересовался фон Пален.

– Прежде всего – прекратить все войны! – решительно сказал Павел. – Россия слишком много проводит военных компаний. Из казны на армию уходят почти все деньги. Солдат надо одеть, обуть, накормить, снабдить оружием, а инвалидам потом надобно платить хоть какую-то пенсию. А народ? Бабы солдат рожать не успевают. Рекрутские наборы стали настоящим проклятьем. – Он решительно хлопнул ладонью по столу. – Мужик должен растить хлеб. Стране необходим покой хотя бы на несколько лет. С Пруссией пять лет воюем; со Швецией все не помиримся; Польшу одиннадцать лет терзаем; с Турцией беспрестанно сталкиваемся; с Пер-

сией…. А тут ещё Оренбургские волнения. Вспомните Емельяна Пугачёва. Сколько простого народу и шляхтичей побили да перевешали в этой смуте? И ради чего? До сих пор никто толком объяснить не может. Нет, нужен долгий мир!

– Вы правы, – согласился фон Пален. – Все эти народные восстания из-за рекрутских наборов. Вот ещё казакам спокойного житья не даём.

– Правильно! – воскликнул Павел. – А вспомните, кем был Пугачёв, возомнивший из себя моего отца, Петра Голштинского? Казак, дезертировавший из войска. А сколько народу поднял, какую смуту всколыхнул? Нет, нужен мир! Немедля! У меня здесь все по пунктам расписано. – Он открыл одну из тетрадей и начал зачитывать: – Прежде всего, надо отказаться от завоёванных земель.

– От всех? – ужаснулся Панин.

– Нет, от тех, что мы захватили в последних войнах. Эти земли мы вынуждены удерживать силой. Надобно там, на местах армии содержать. А у нас, вон, на Урале угли тлеют. У нас Сибирь до конца не изведана. Как за всем уследить? Земли, завоёванные в последние годы надо вернуть. Далее, – продолжил он, – прекратить войны и не начинать новых. Обустроить войска для обороны, а не для наступления. Вы со мной согласны?

– Вполне, Вше Высочество, – подтвердил фон Пален. – Для обороны всегда нужно значительно меньше средств и личного состава, нежели для нападения.

– Прекратить ненужные перемещения войск и обустроить их на квартиры, – продолжал Павел Петрович. – Построить фортификации вдоль главных границ Швеции, Австрии, Пруссии, Турции, а также в Сибири против киргизцев, башкирцев.

– Лучше бы последних вообще приручить, – предложил Панин. – Вождей задобрить, к присяге привести…

– Вот, когда наступит мир и благоденствие, эти дикари сами присягнут русскому царю, – согласился Павел. Он весь кипел, бурлил идеями. – А вот ещё что я задумал. Коль производить рекрутские наборы, то из тех губерний, где стоят наши армии. А потом вообще брать в солдаты только детей этих же солдат.

– Это мудро, – кивнул Панин. – Пока пахаря научишь строем ходить, да ружье заряжать – год нужен, не меньше.

– И самое главное: создать новый воинский устав, да такой, чтобы каждый, от фельдмаршала до рядового знал в точности, что ему надо делать и в каких случаях.

– Полностью согласен с вами, Ваше Высочество. Пора применить всеобщий порядок. А то у нас в каждом городе свой гарнизонный устав, – заметил фон Пален.

– Но, вот, когда? Когда я успею все это воплотить? Когда? – Он с силой захлопнул тетрадь и швырнул её на стол. Губы его нервно затряслись. – Я пишу с тринадцати лет. С тринадцати! – повысил голос наследник. Скулы порозовели. – В шестнадцать я должен был вступить на престол. Матушка моя, Екатерина Алексеевна обещала гвардии и народу, что я в шестнадцать лет стану вседержавным императором. А мне уже за сорок, и я все ещё числюсь в наследниках. Где же справедливость, господа? – Он вдруг перешёл на крик, грозя кулаком кому-то вверху. – Я должен был преобразовать страну, сделать Россию самой могущественной, самой образцовой страной. А что в итоге? Сижу в Гатчине, как сурок в норе. А что вокруг твориться? Сначала всеми делами заправляли бездари и лихоимцы Орловы, теперь – Зубовы. Кругом – бардак и самоволие. Разве мало нам Пугачёва? С запада надвигается якобинская зараза, а окружение императрицы пьянствует! Ай! – вдруг пронзительно воскликнул он и схватился за виски. Лицо его перекосилось в страшной гримасе, побагровело, из носа закапала тёмная кровь. Наследник сполз с кресла на пол.

– Лекаря! – рявкнул Аракчеев и бросился к Павлу. – Господа помогите.

Небольшое тщедушное тело наследника легко подняли и уложили на диванчик. С шумом ворвался лекарь в сопровождении двух помощников и принялся колдовать над Павлом. В воздухе резко запахло нюхательными солями и спиртом.

– Выйдете, выйдете, господа, – настойчиво попросил Аракчеев.

Мы с Паниным и фон Паленым оказались в темной галерее. Иные офицеры попрощались с нами и быстро разошлись, ссылаясь на дела. За высокими окнами с тяжёлыми бархатными портьерами опустились серые сумерки.

– Не знаете, что мы наблюдали? – с тревогой спросил Панин. – Наследник не здоров?

– До меня доходили слухи, что его ещё в юности пытались отравить, – вспомнил фон Пален. – Думаю, мы наблюдаем последствия этого инцидента.

– И кто желал его смерти? – с ужасом шепнул Панин, оглядываясь по сторонам, как будто нас могли подслушивать.

– Если я вам начну излагать свои версии, то боюсь вскоре оказаться в казематах Петропавловской крепости. Так что, попытайтесь сами додуматься.

Какое-то время мы шли молча. Шаги гулко отдавались под мрачными темными сводами замка.

– Не подскажете, что было на ужин? – вдруг спросил фон Пален.

– Капуста с колбасками, – ответил я, громко сглотнув. Желудок мой напомнил, что ему так и не дали нормально насытиться с этими задачками да вопросами.

– Изумительный ужин! – с сарказмом подтвердил Панин. – И клюквенный морс.

– Понятно. Голодные? – сообразил фон Пален. – Я тоже, знаете, с дороги. Пойдёмте-ка я вас накормлю.

Мы вышли во двор, и фон Пален уверенно зашагал в направлении казарм. Мы с Паниным удивлённо переглянулись и последовали за ним. Фон Пален по-хозяйски вошёл в солдатскую трапезную, где пахло кислыми щами, свежим хлебом и жареным мясом. Низкий потолок едва освещали сальные свечи. Строгими рядами стояли широкие дубовые столы и такие же дубовые скамьи. Фон Пален кликнул дежурного унтер-офицера.

– Дружок, осталось что-нибудь?

– Караульный котёл.

– Отлично! Тащи. Надеюсь, караульных не объедим?

– Никак нет, ваше благородие. Для караула всегда с лишкой готовим.

На столе тут же появились наваристые щи с кусками зажаренного сала и перловая каша с бараниной. Огромные ломти грубого хлеба и куски коровьего масла. Глиняные кружки с темным, пахучим квасом.

– Вот это – ужин! – удивился Пани. – А что же тогда так скудно офицеров угощают?

– Таков порядок, – криво улыбнулся фон Пален. – Вот парадокс, Никита Петрович: солдат кормят на убой. И не дай бог, кто из рядового состава пожалуется на плохую пищу, – ответственного офицера сразу в карцер на неделю.

Цокая шпорами, тяжело протопал Аракчеев.

– Караульный котёл готов? – спросил он у дежурного унтера.

– Так точно! – ответил тот. – Кто пробу снимал?

– А вот, господа офицеры.

– Присаживайтесь к нам, Алексей Андреевич, – любезно предложил ему фон Пален.

Аракчеев недовольно засопел, втянул голову в плечи, длинные руки заложил за спину.

– Господа, ну как вам не стыдно, – с укором сказал он. – Трапеза предназначена для солдат. Хотите поесть плотнее – на то харчевня у дороги стоит. А за такие фокусы можно на гауптвахту загреметь.

– Просим прощения, Алексей Андреевич. Впредь не допустим сего безобразия, – заверил его фон Пален и, понизив голос, спросил: – Как Павел Петрович?

– Спит, – коротко ответил Аракчеев. – Вечерний вахтпарад я отменил, но к утреннему будьте готовы. Спокойного отдыха, господа. – И удалился.

– Он доложит о нашем незаконном ужине? – настороженно спросил Панин.

– Аракчеев? Никогда, – уверенно ответил фон Пален. – Но при случае вам все припомнит.

Коль вы всех и вся здесь так хорошо знаете, помогите нам вырваться. Нам нужно в Петербург, – взмолился Панин. – В долгу не останемся.

– Извольте, – просто сказал фон Пален, – только после утреннего вахтпарада. Ночью вы отсюда не уедете. На всех дорогах караулы. Шлагбаумы закрыты. Будете прорываться силой – караульные стреляют без предупреждения. Нужен пропуск, выписанный Аракчеевым. А он его вам не выпишет без дозволения Павла Петровича.

– Давайте все же попробуем уговорить Аракчеева, – настаивал Панин. Уж очень ему не хотелось оставаться в этом мрачном, холодном замке.

– Аракчеева? – хохотнул фон Пален. – Уговорить? Не смешите. Проще уговорить столетний дуб сплясать менуэт.

Плотно поужинав, мы отправились обратно в замок. В холле встретили Великого князя Александра. На юноше была накинута епанча, подбитая соболиным мехом. В руках он держал треугольную шляпу, украшенную белыми перьями.

– Вынужден вас покинуть, господа, – сказал он с тяжёлым вздохом.

– В столь поздний час? – удивился фон Пален.

– Коль Ея Величество, императрица требует к себе, – время суток не имеет значение.

По парадной лестнице спешил Великий князь Константин, так же одетый к дороге.

– Очень рад был с вами вновь повидаться. Вам повезло застать нас с братом в Гатчине, – сказал Александр. – Обычно мы проводим все время подле Императрицы. Бабушка с самого рождения опекает меня и брата. К отцу отпускает редко, да все торопит, чтобы мы поскорее возвращались.

– Но на дворе скоро полночь, – удивился Панин.

– У отца припадок. Когда он придёт в себе – неизвестно. Обычно доктор после припадка даёт ему снотворный порошок. Мы решили не ждать до утра, – выдал планы подошедший Константин.

Константин был ниже брата на полголовы, чуть уже в плечах и больше походил лицом на отца, нежели красавец Александр.

Быстрыми тяжёлыми шагами из сумрака анфилады вышел Аракчеев.

– Ваше Высочество, все же решили ехать сейчас? – недовольно спросил он.

– Вы уж простите нас, Алексей Андреевич, – развёл руками Великий князь Александр. – Сами знаете, императрица нагрузила меня государственными делами. Все твердит: будущий император должен с малолетства уметь управлять державой.

– Александр Павлович, – попробовал прервать его Аракчеев, намекая, что не стоит говорить так откровенно при посторонних.

– Ах, бросьте, Александр Андреевич, – махнул рукой Александр. – Уж графа Панина я знаю с детства, и у фон Палена гостил как-то в Риге. Это достойнейшие и честные люди.

– Благодарю, вас, – поклонился фон Пален. – Но что же вас так расстраивает? Быть в центре государственных дел, на мой взгляд, намного интересней, нежели проводить время здесь, в Гатчине. От вахтпарада до вахтпарада.

Аракчеев недовольно покачал головой, но промолчал.

Александр вздохнул:

– Меня все это очень тяготит: мои государственные обязанности, которые мне вовсе не по душе; намёки бабушки, о том, что я должен наследовать власть за ней; упрёки отца, поэтому же поводу…. По утрам я присутствую при докладах, веду государственную переписку…. Но

я ни в чем не разбираюсь. Для меня политика, юриспруденция, договоры – тёмный лес. Ну, какой из меня император? А отец видит во мне соперника, думает, что я его предал. Но как я могу его предать? В чем здесь моя вина? – несвязно говорил он, глядя куда-то мимо нас, что выдавало его неуверенность. Вдруг он неожиданно прервал речь и быстро кинул: – Прощайте, господа.

Лакеи раскрыли двери. Пахнуло осенней сыростью. Александр и Константин вышли в ночь. Скрипнула дверца кареты, свистнул кнут, топот копыт – и все стихло.

– Позвольте вас спросить, – после долгой паузы осторожно обратился фон Пален к Аракчееву.

– Вы не поняли Александра? – догадался полковник.

Я думал – все это глупая молва. Неужели и вправду императрица хочет после себя передать престол внуку, минуя законного наследника?

– Ничего вам не могу сказать конкретного, господа. Не в моей это компетенции. Моё дело – артиллерия, – безразлично ответил Аракчеев.

– Но вам никогда не приходило в голову: что будет, если такое все же случится? – пытал его фон Пален.

– На кой вам это, господа? Живите сегодняшним днём, – недовольно буркнул полковник. – И не прислушивайтесь ко всякого рода болтовне. А ежели вам интересны дворцовые сплетни, так вон, – он брезгливо кивнул куда-то в сторону, – у графа Кутайсова спросите. Он полон сплетен, как комод бабьим бельём.

***

Кавалерские покои оказались вполне приличными, с просторными залами. Мебель простая, но добротная, подобрана со вкусом. Камины, правда, топили только в спальных комнатах, да и то – скудно. Кровати узкие, жёсткие, но удобные. А может мне так показалось после недели ночёвок на почтовых станциях.

Панин с фон Паленым раскурили трубки и беседовали о политике. В дверь осторожно постучали. Панин и фон Пален удивлённо переглянулись: кого это принесло в столь поздний час? Не дожидаясь приглашения, в комнату вошёл невысокий грузный человек. Одет он был не по правилам Гатчинского государства: малиновый бархатный колет; лосины нежно-розового цвета; башмаки с огромными блестящими пряжками. Лицом он тоже не походил на северянина. Смуглая гладкая кожа, совиные тёмные глаза и хищный горбатый нос. Мясистые губы слегка растянуты в угодливую улыбку. Вид у человека был нездешний и слегка отталкивающий.

– Разрешите? – произнёс он нагловато.

– Милости просим, – ответил фон Пален. – С кем имеем честь?

– Кутайсов, Иван Павлович, гардеробмейстер Его Высочества.

Мы по очереди представились.

– Рады вас видеть, – сказал фон Пален. – Аракчеев нам о вас рассказывал.

– Ах, что хорошего может сказать обо мне этот солдафон, – недовольно скривил губы гардеробмейстер. – Для него, кто не в военном мундире – тот недостойная тварь. А у меня, знаете, должность ответственная. Я парикмахерскому искусству учился в Париже и в Берлине у лучших мастеров.

– А к нам, вы, с каким вопросом? – с нетерпением подал голос Панин, которому ужасно хотелось поскорее лечь в кровать.

– Я по весьма деликатному дельцу. – Он повернулся к фон Палену. – Не ошибаюсь, вы же генерал-губернатор Курляндии?

– Да. Нахожусь в этой должности с прошлой осени. До этого три года был правителем Рижского наместничества.

– Вот вы мне и нужны, – расплылся Кутайсов в жабьей улыбке. – Решил я приобрести земли в Курляндии. Да боюсь оплошать. Места те не совсем хорошо знаю. Может, вы мне, как-нибудь, дадите пару советов?

– С удовольствием, – с готовностью ответил фон Пален.

– Вот и отлично! – обрадовался Кутайсов, достал из кармана колета золотую табакерку, усыпанную изумрудами. Достал таким образом, чтобы все могли полюбоваться столь дорогой вещичкой. Открыл крышечку. Предложил нам ароматный табак. Все, и я в том числе, вежливо отказались. Тогда он сам набрал щепоть, сунул в широкую ноздрю, зажмурившись, с удовольствием чихнул, спрятал табакерку обратно в карман.

– Как здоровье Павла Петровича? – осторожно поинтересовался Панин.

– Припадок прошёл, если вы об этом, – беспечно ответил Кутайсов. – Здоровьем наследник никогда не отличался. Вечно хворает, вечно простуды, а уж эти припадки у него часто случаются. Никакие лекари помочь не могут. Светила медицины из Франции, из Германии, даже из Турции приезжали. Осматривали, какие-то порошки прописывали – все без толку. А надо-то ему всего лишь покой. Он, знаете, все в делах, все в суете с утра до ночи. – Кутайсов понизил голос. – И уж очень беспокоится об этом манифесте.

– О каком? – заинтересовался фон Пален.

Императрица, говорят, сочинила манифест. Написала его втайне от всех. Сама же запечатала и строго-настрого приказала вскрыть только после её кончины. А в нем Её Величество требует, – он заговорил почти шёпотом, – чтобы власть передали Великому князю Александру, а Павла Петровича упекли бы в Петропавловскую крепость, а потом – на Соловки. Вот так. – Он скорчил печальную гримасу.

– Если никто не видел текст сего манифеста, то откуда такие слухи? – не поверил Панин. – При дворе много всякой чепухи несут. Не стоит всему верить.

– Не чепуха! – обиделся Кутайсов. – Мне сам Александр Павлович, Великий князь о том поведал. А ему императрица, матушка наша, намекала. Впрочем, не хотите – не верьте. Спокойной ночи. Рад был с вами познакомиться.

И он удалился, так быстро, как будто чего-то испугался.

– Что скажете об этом человеке, господа? – усмехнулся фон Пален.

– Мерзкий тип, – брезгливо передёрнул плечами Панин.

– А ведь он каждый день приставляет лезвие бритвы к горлу наследника.

– Брадобрей – он и есть брадобрей, – с нескрываемым презрением кинул Панин и рухнул на тахту. – Он же без роду, без имени. Насколько помню, его генерал Репнин взял в плен при Бендерах. Он был маленьким мальчиком. Потом Николай Васильевич прислал его наследнику в подарок.

– А я слышал, что его освободили из турецкого плена, когда генерал Толебен освобождал Кутаиси, – высказал свою версию фон Пален. – И что он не турок, а чистокровны грузин, да ещё княжеского рода.

– Княжеского рода? – привстал на локтях Панин. – Да вы на рожу его льстивую посмотрите. Разве это князь?

– Тише, тише, Никита Петрович, – зашипел на него Фон Пален. – Какой же вы неосторожный, а ещё при дворе служили. У стен есть уши. Вот увидите, этот самый Кутайсов лет через пять в графы выбьется, а то и в князья. – Фон Пален обратился ко мне: – Вот вам, молодой человек, две лестницы, по которым можно взобраться, чтобы сделать себе имя и состояние: первая – Аракчеев, как верный и преданный пёс, и вторая – Кутайсов, льстивый угодник. Оба пути трудные. Вам надо выбирать, ведь у вас нет влиятельных родственников или покровителей.

– Покровителей нет, – согласился я. – Но путь Аракчеева мне более приемлем. Уж лучше воевать, чем бороды брить.

– Достойный ответ, – усмехнулся фон Пален и одобрительно похлопал меня по плечу.

***

– Господа офицеры! Подъем! Форма парадная! – разнёсся в гостиной громкий голос Аракчеева. Офицеры вскакивали с постелей. Слуги внесли свечи.

– Господи! – в ужасе воскликнул Панин, взглянув на циферблат золотых часиков, вынув их из кармашка жилета. – Ещё только четыре утра!

– Уже четыре утра, – безжалостно поправил его Аракчеев.

– А где мой лакей? – поинтересовался Панин. – Кто мне поможет одеться?

– Сами, уважаемый Никита Петрович. Сами! Никаких лакеев, – поторапливал Аракчеев.

– Кофе в постель не подать? – издевательски засмеялся фон Пален, натягивая бот-форты. – Торопитесь. Опоздаем к построению, потом останемся без завтрака.

Жуткий ледяной ветер гулял по плацу, пытаясь задуть факела. Редкие снежинки кружились в бешеном вихре. Сквозь рваные облака проглядывали звезды. Иногда показывалась неполная луна. Ровными шеренгами застыли полки гренадёров и егерей. Эскадроны кирасир, драгунов и гусар подтягивались к флангам.

Наследник в парадном мундире, под знамёнами Гатчинского государства уже стоял на парапете у главного входа и внимательно наблюдал за построением. Справа и слева от него застыли адъютанты.

– Опаздываете! – упрекнул он Панина и фон Палена. – Слева от меня, – указал наследник.

Подбегали командиры подразделений и докладывали: сколько больных, сколько в наряде и какие есть жалобы от рядового состава. Когда подбежал очередной командир роты гренадёров, Павел Петрович недовольно сдвинул брови:

– Почему вы докладываете, капитан Стошев? Где майор Коганов?

– Подвернул ногу, – ответил капитан. – Нынче в лазарете.

Бригадир Панин, Никита Петрович, – окликнул наследник. – Приказываю вам на время вахтпарада возглавить роту.

Панин удивлённо захлопал глазами, открыл было рот, чтобы возразить.

– Цыц! – толкнул его локтем фон Пален. – Выполняйте.

– Но я не умею, – протестующе шепнул он.

– Вы сдурели! – так же шёпотом возразил фон Пален. – Бригадир, и не умеет командовать ротой? Выполняйте, ради бога! Иначе загремим на гауптвахту.

– Слушаюсь! – гаркнул Панин и побежал вслед за капитаном Стошевым.

– Фон Пален, приказываю возглавить вахтпарад, – не унимался наследник.

Губернатор Курляндии шёпотом выругался и громко ответил:

– Слушаюсь!

Поспешил в центр плаца.

– А вы что там застыли? – набросился наследник на меня. – Ваша батарея вон, справа выстроилась.

– Слушаюсь! – и я бросился в указанном направлении.

Статный, седой секунд-майор с недоумением посмотрел, как я пристраиваюсь к шеренге.

– Назначен вашим командиром, – виновато объяснил ему.

– Становитесь рядом, – все понял секунд-майор. – Шпагу наголо. Маршировать прусским шагом умеете?

– Нет. Если честно признаться, совсем никаким не умею.

– Тогда следите внимательно за мной. Ничего страшного, ничего сложного, – успокоил меня бывалый вояка.

– Прекратить разговоры! – рыкнул в нашу сторону Аракчеев, возглавлявший артиллерийскую бригаду.

Срывая голос, фон Пален отдавал команды к началу вахтпарада. Взвизгнули флейты, загрохотали барабаны. Звуки марша ветер то уносил, и музыку еле было слышно, то усиливал. Полки тронулись по плацу, будто огромная часовая пружина двинула сложный механизм. Повороты, остановки, развороты выполняли слаженно, чётко. Наследник наблюдал молча, внимательно следя за каждым подразделением. Скулы его напряглись. Кисть правой руки сжималась и разжималась в такт шагов. Когда мимо него Панин вёл свою роту, он неодобрительно покачал головой и назидательно произнёс:

– Лентяй, вы, голубчик. Солдаты лучше вас ногу тянут.

Меня он приметил сразу. По позвоночнику скатилась струйка нервного пота, невзирая на промозглый ветер.

– Старайтесь, старайтесь! – крикнул мне Павел Петрович. – Вот так! Да что ж вы сутулитесь? Разверните плечи, гвардеец!

Фон Пален по-немецки давал команды: менять направление движения, выполнять фигуры разворота или пассы с оружием. Вахтпарад продолжался около получаса. Наконец была дана команда финального построения, после чего полки развели по казармам.

За завтраком, который состоял из краюхи белого хлеба с куском солёного сыра и чашки несладкого кофе, Павел Петрович делал замечания офицерам: иных хвалил, а были и такие, которые получали выговор.

– Я не думал, что вы справитесь, – обратился он к фон Палену. – Сказать, что я удивлён – не верно. Я восхищён вами.

– Мне весьма лестно слышать от вас столь незаслуженную похвалу, – скромно ответил фон Пален.

– Откуда такие познания в муштре?

– Я сам из Курляндских дворян, и многие мои родственники служили в армии Фридриха Великого.

– А вы труды самого Фридриха читали?

– Изучал. В них есть много интересного и полезного в плане устройства армии и государства.

– Вы мне нужны, – решил Павел Петрович. – Я попрошу императрицу, чтобы вас перевели в моё распоряжение. В Курляндии сейчас все спокойно. Найдут другого губернатора. Бездельников при дворе полно.

– Приму за честь, – ответил фон Пален жарко, но неискренне. – Однако имею к вам одну просьбу.

– Какую же?

– Прошу отпустить меня и Панина в Петербург. Как только разделаюсь с делами, думаю день-другой, тут же прибуду в Ваше распоряжение.

– Езжайте, – тут же согласился Павел. – Панина я не хотел так быстро отпускать: уж очень собеседник интересный. Я тут наметил совершить боевой манёвр из Гатчины в Павловское. Представляете, с полной выкладкой, с артиллерией, со стрельбами и взятием водных преград – все по-настоящему. Хотел, чтобы Панин возглавил штурмовую колонну.

– Панин, он, конечно, вояка отважный, – согласился фон Пален. – Слышал, в Шведскую компанию даже с эскадроном драгунов орудие отбил. Но вот, в чем его беда: недалече, как вчера вечером прохаживались мы с ним вдоль рва.

– Когда это? – хотел возразить Панин, но фон Пален под столом наступил ему на ногу: – молчи!

– Так вот, – продолжал он. – К нему на сапог прыгнула лягушка, и он чуть не потерял сознание.

– Это правда? – спросил наследник, в упор взглянув на Панина.

– Смертельно боюсь всяких тварей, – брезгливо передёрнул тот плечами.

– Представляете, Ваше Высочество, если при форсировании водной преграды во время манёвров на Никиту Петровича нападёт эдакая зелёная жаба? Все – штурмовую колонну вы потеряли.

Офицеры грохнули смехом. Панин пожал плечами – а что я сделаю? Павел Петрович не смеялся. Он прекрасно понимал, что вся эта история – вранье. Фон Пален встретил пристальный взгляд наследника и покраснел.

– Возьмите с собой Доброва, – сказал Павел Петрович. – Пусть передаст от меня письмо Римскому-Корсакову. Он сейчас командует Семёновским полком. Добров получит все необходимые документы и прибудет обратно в Гатчину. А насчёт тварей, – недобро взглянул он на Панина. – Вы видите в них гадких, мерзких существ, а представьте, что они думают, глядя на вас? Человек в их глазах, может быть, тоже гадкое и мерзкое чудовище. Так что, ко всем творениям Божьим надо относиться с уважением.

***

До Петербурга решили ехать в карете Панина. Так веселее. Да и карета Никиты Петровича широкая, вместительная. Узкий двухместный экипаж фон Палена ехал следом порожняком.

– Я вам весьма благодарен, что вы вырвали нас из замка дракона, – сказал Панин, доставая из саквояжа бутыль вина. – Настоящее, Рейнское, – похвастался он.

– Ох, чувствую, припомнит мне наследник эту выдумку с жабой, – поморщился фон Пален.

– Откройте тайну, как вам удаётся так легко разговаривать с наследником, так просто отшивать Аракчеева, легко заводить дружбу с такими типами, как Кутайсов, да и вообще вести себе по-хозяйски в любой ситуации?

– Простите меня, Никита Петрович, вам сколько?

– Четверть века.

– А мне уже половина. Я старше вас в два раза. Потом, прошу не обижаться, но многих титулов вы достигли благодаря орденоносному отцу и умнейшему дяде.

– Согласен, есть такой грешок, – развёл руками Панин. – И ничуть не обижаюсь на ваши слова.

– А я, видите ли, все сам добивался, честной службой, ну и интригами…. Куда без них? Так, вот, научился держать себя правильно в любой ситуации. Знаете, я есть натура, что-то между Аракчеевым и Кутайсовым.

– Бросьте вы! – Панин подал ему медную чарку с вином. – Мне же известна ваша роль в присоединении Курляндии к России. Если б не ваша настойчивость и изворотливый ум….

– Все равно бы присоединили, – махнул рукой фон Пален. – Дело было решённое. А почему вас в Ровно сослали? Вы же, помнится, были при дворе, камергером.

– Трудно сказать, – пожал плечами Панин. – Не схожусь с людьми. Говорят, взгляд у меня холодный, и вообще – облик, что у статуи. Дамское общество не устраиваю: видите ли – гордый слишком.

– Ах, вот оно что, – рассмеялся фон Пален. – С дамами надо быть обходительней. Да и друзей не обижать. Вон, что это вы Семёну не налили вина?

– Спасибо, господа. Я воздержусь, – поспешил запротестовать я.

– Это вы бросьте, Семён Иванович. Коль попали в компанию, уважьте товарищей. – И фон Пален протянул мне наполненную чарку. – Иначе мы подумаем, что вы – шпион.

Я же в семнадцать лет получил звание бригадира, – поведал свою историю Панин. – Императрица ни в одну военную компанию Павла Петровича не отпускала, боялась за него. А тут в восемьдесят восьмом, в Шведскую компанию Павел все же настоял, и его царица отпустила. Отец мой сразу же отправил меня следом, волонтёром, чтобы я был ближе к наследнику. Ну и бестолковая война, я вам скажу. Мы проигрывали, но как-то шутя: отходили, пушек и

знамён не теряли. Шведы побеждали, но с ужасающими потерями. В итоге: король Густав так ничего и не выиграл, а только ослабил армию. Возвернувшись из похода, я встретил на одном из балов фею, которая завладела моим сердцем.

– Вы говорите о Софье Владимировне, вашей супруге? – догадался фон Пален.

– Да, о моей Софьюшке. Но вы же знаете, она из рода Орловых. А мой батюшка смертельно враждовал с этим семейством. Он так и не дожил до моей свадьбы.

– Земля ему пухом, – перекрестился фон Пален. – Давайте выпьем за упокой души его.

Не чокаясь, опрокинули по чарке вина.

– Но вы, как изволили только что сказать, своими трудами и честной службой добились столь высокой должности, – напомнил Панин. – Как вам удалось?

– Ну, я-то немного покривил душой, – признался фон Пален. – На самом деле ваш покорный слуга происходит из древнего остзейского дворянского рода. Отец мой – барон. Аренд Дитрих Пелен был известный в Курляндии человек. Вёл родословную ещё от тевтонских рыцарей. Род старинный, но немецкий, посему в российских делах не прославлен. Пришлось собственной доблестью делать карьеру. Интриги, конечно, интриги. А куда без них: без лести, без взяток?

– А воевали вы где? – поинтересовался Панин.

– С турками. Начинал в конной гвардии. В Первой Турецкой ранен под Бендерами, за что получил Георгия четвертой степени; во Второй, за взятие Очакова – Георгия третьей степени. Ранение дало о себе знать, пришлось оставить военную службу и перейти на дипломатическую. Вот, вёл переговоры о присоединении Курляндии и Пильтенского округа к Российской империи. Как видите – удачно. Ну, что ещё обо мне хотите услышать? Женат на Юлии Ивановне фон Шеппинг. Нажил десятерых детей.

– Десятерых? – не поверил Панин.

– Представьте! И все, слава Богу, живы и в здравии. Старшей Натали, двадцать два исполнилось, а младшему Николаусу только шесть годков.

– Вы – счастливчик. Но поведайте мне, Пётр Алексеевич, если это не составляет большого секрета, по какому делу в Петербург едите? – спросил Панин, хитро прищурив один глаз.

– Нет никакого секрета, – просто ответил фон Пален. – Дочь моя, Софья воспитывается при Императорском обществе благородных девиц. Слыхали о таком? Матушка Императрица утвердила сие воспитательное заведение пять лет назад, дабы дать России образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества. Её Величество, поклонница прогрессивных идей Монтеня, Локка и Фенелона.

– Кадетский женский корпус? – усмехнулся Панин.

– Зря острите. Готовят их отменно: языки, танцы, этикет – все на высшем уровне. Ученицам Сен-Сирского института далеко до наших дочерей. Мадмуазель Софии прочат должность фрейлины.

– Вот как! – выразил искренне восхищение Панин. – Поздравляю. Но все же, хоть вы и говорите, что старше меня в два раза и опытнее в делах, но я тоже чувствую людей. – Он бросил косой взгляд на собеседника. – Скрываете вы что-то.

– Не доверяете? – прищурил в ответ один глаз фон Пален.

– Ну, если начистоту.

– Хорошо, давайте начистоту, – согласился генерал-губернатор Курляндии. – Я вижу в вас благородного и честного человека. Да и дурного о вас ничего не слышал. Так что, могу довериться. Только учтите, отныне вы идёте со мной рука об руку, хоть на парад, хоть на эшафот.

– Согласен! – махнул рукой Панин. – Но, если дело стоит того.

– Стоит, я вас уверяю, – загадочно произнёс фон Пален. – И Семён теперь наш сообщник.

Ну, так говорите! – загорелся Панин.

– Учтите, я доверился вам.

– Слово дворянина – не погублю и не предам, – слегка обиделся Панин.

– Вы помните год назад, а может того меньше объявился некий пророк из Никола-Бабаевского монастыря?

– Да, что-то припоминаю, – кивнул Панин. – Кажись, монаха Авелем звали. Книжку неугодную сочинил с какими-то пророчествами, за что и был заключён в Шлиссельбургскую крепость.

– Если бы каждого монаха за книжки в Шлиссельбургскую крепость сажали – казематов бы не хватило, – усмехнулся фон Пален. – А книжка у него была не простая. В ней описаны многие события, которые свершились и должны свершиться. И заметьте, ни в одном своём пророчестве этот Авель не ошибся.

– Так за что его в крепость?

– Вот! – фон Пален многозначительно поднял указательный перст и, понизив голос, таинственно произнёс: – За предсказание смерти императрицы.

– Господь с вами! – Панин испугано перекрестился. – Откуда вы знаете?

– Из уст того, кто его допрашивал. Да и сама императрица с глаза на глаз беседовала с монахом, после сего и приказала заточить его, дабы не болтал лишнего.

– И когда сие несчастие должно случиться?

– На днях.

Вы шутите? – Панин испуганно вытаращил глаза и принялся неистово креститься.

– Помилуйте, Никита Петрович, кто такими вещами шутит, – обиженно фыркнул фон Пален.

– И вы хотите этим воспользоваться? – Панин пристально взглянул на него.

– Почему бы – нет. Новый император будет раздавать должности новым людям. Если заметили, Павла Петровича не очень жалуют при дворе. И он нынешних министров недолюбливает. Возможно, мы только что проявили себя с лучшей стороны перед будущим вседержителем. Если бы вы ещё не выкаблучивались, возможно, уже готовились на высокую должность.

– А вы, однако, дьявол! – с уважением произнёс Пани.

– Чего и вам желаю, – посоветовал фон Пален и выпил очередную чарку вина.

– За нас и нового императора! – согласился Никита Петрович и тоже выпил.

– Простите, господа, но мне ужасно неприятно слышать от вас такие речи! – возмутился я и не стал пить.

– А вы привыкайте, – холодно ответил генерал-губернатор Курляндии. – Ещё не к такому придётся привыкать, если, конечно, не хотите всю жизнь тянуть лямку где-нибудь под Оренбургом и окончить службу пьяницей-полковником.

– Хочу признать, что Семён Иванович – умнейший человек, – попытался защитить меня Панин.

– Я понимаю. Наследник просто так не поставил бы его командиром батареи. И чем же вы так понравились Павлу Петровичу?

Лицо фон Палена сделалось каким-то деревянным, глаза безжизненные. Стало не по себе, глядя на него. Как будто стоишь голый перед толпой.

– Он хорошо разбирается в математике. Превосходно знает языки: французский, немецкий, английский, латынь…

– Английский? – встрепенулся фон Пален. – И насколько хорошо вы понимаете английский?

– Превосходно, как и русский, как и французский, благодаря матушке, – ответил я. – Она из старинного шотландского рода.

– Вот оно что! – серьёзно задумался фон Пален. – А не соизволите провести сегодня вечер со мной. Уж сильно вы мне пригодитесь.

– Почту за честь, – заверил я. А что мне ещё делать вечером в незнакомом городе?

– Вот и отлично. Я перед вами буду в неоплатном долгу.

Какое-то время мы ехали молча. Я находился под впечатлением пребывания в Гатчинском замке. Сразу столько нового обрушилось на меня, что я никак не мог поверить, что все со мной происходит наяву. Я внезапно попал в другой мир.

– Что с вами, Семён? – обратил на меня внимание фон Пален. – Вы выглядите, как будто вас контузило в голову.

Вы не могли бы мне рассказать о наследнике? – попросил я.

– О Павле Петровиче? А что вы хотите о нем знать?

– Все!

– Все я не знаю, но Никита Петрович мне поможет. Уж он-то хорошо осведомлён.

– Кое-что, – кивнул Панин.

– Как вам известно, – начал фон Пален. – Павла Петровича родила, тогда ещё, Великая княгиня Екатерина в двадцать пять лет. Я правильно говорю?

– Да, вы совершенно правы, – откликнулся Панин. – Двадцать пять. В шестнадцать лет её привезли в Россию. Пётр третий был племянником матушки Елизаветы и объявлен наследником престола.

– Насколько я помню, у Петра был какой-то мужской дефект, – вспомнил фон Пален. – Вы нас простите, Семён, может это и анекдот. Но вся история построена на анекдотах.

– Нет, не анекдот. Он действительно обладал дефектом, – подтвердил Панин, – посему целых шесть лет супруги жили раздельно, и Пётр не показывался в спальне у жены.

– Зато, как мне известно, в эту спальню зачастил граф Сергей Салтыков, бывший тогда на должности камергера. – Сергей Васильевич ещё тот Ловелас, – кивнул Панин.

– Но Павел Петрович, все же сын Петра третьего? – попросил уточнить я.

– Его долго уговаривали и все же уговорили на небольшую операцию, – сказал Панин. – Всего-то делов – один надрез – и он уже нормальный мужчина.

– Вот, тогда-то матушка наша и забеременела.

– А сама матушка Екатерина откуда происходит? – спросил я.

– Город Штеттина, столица Померании. Знаю, что отец её, Кристиан Август Ангальт-Цербский, происходил из цербст-дорнбургской линии Ангальтского дома и состоял на службе у прусского короля. Он был полковым командиром, комендантом, затем губернатором города Штеттина, где будущая императрица и появилась на свет. Как-то он даже баллотировался в курляндские герцоги, но неудачно, службу закончил прусским фельдмаршалом. Так что, как её звали до крещения? – спросил фон Пален у Панина.

Панин задумался, вспоминая, через минуту сказал:

– Если не изменяет память, принцесса Фредерика София Августа Ангальт-Цербстская. А после крещения – Екатерина Алексеевна.

– Так вот, – продолжил фон Пален. – Основная её задача была произвести наследника российского престола, что она с честью и выполнила в сентябре пятьдесят четвёртого. Счастливая мать просила показать ей ребёнка, но не тут–то было. Матушка Елизавета тут же приказала отнести младенца в её покои. У Императрицы были свои виды на ребёнка: он принадлежит Российской империи. Его окружили заботами кормилицы и няньки.

– Да, это печальная история, – подтвердил Панин. – Мать не допускали к младенцу. Лишь пару раз разрешила матушка Елизавета взглянуть на ребёнка, и то, с её личным присутствием.

– Няньки же были из простых, – продолжал фон Пален. – А сами знаете поговорку: у семи нянек дитя без глаза. Вот и нашего маленького Павле Петровича кутали, пеленали, укрывали…. В итоге мальчик рос болезненным. От малейшего сквозняка тут же подхватывал насморк, вечно болело горло, да и желудком был он слаб.

– Вы бы нянек его видели, – усмехнулся Панин. – Была из них старшая, Агафья. Нет, чтобы мальчику былины про богатырей рассказывать, она все ему про чертей, да про утопленников. После этих сказок Павел Петрович боялся любого шума. Спал только со свечой. Однажды матушка Елизавета пришла к нему со своим шутом-карликом. Павел принял его за чёрта. Такую истерику закатил, что его еле успокоили. После этого матушка Елизавета решила приставить к ребёнку воспитателя Фёдора Бехтерева.

– Посланник при Версальском дворе? – попросил уточнить фон Пален.

– Да. Обладал хорошими манерами. Тонко разбирался в придворном этикете. И вообще – слыл остроумным и начитанным.

– Почему уже его вскоре отставили?

– Разве мог Бехтерев сравниться с моим дядюшкой, Никитой Ивановичем?

– Ну, конечно же, – рассмеялся фон Пален.

Вы не представляете, что за человек мой дядюшка! С ним поговоришь, и чувствуешь себя вошью, ничтожеством. Он, казалось, знал все, разбирался во всем. Искуснейший дипломат. Двенадцать лет удачной работы в Стокгольме. Наследнику нужен был именно такой просвещённый наставник.

– И как же он взялся за воспитание Павла Петровича? – поинтересовался я.

– У него были очень интересные методы. Не просто воспитывать малыша с неуравновешенной психикой. Попробуй-ка! Павел Петрович рос капризным, неусидчивым. Никита Иванович приставил к нему шесть лакеев. Лично отбирал, чтобы были спокойные, внимательные, ответственные. Вот эти лакеи бегали за Павлом Петровичем и выполняли все его капризы. А между играми, когда ребёнок слегка утомлялся, Никита Иванович ненавязчиво предлагал Павлуше заняться наукой. Дядюшка сам потом признался, что Павел Петрович был способным ребёнком. Он быстро освоил грамматику и арифметику. Научился читать и свободно говорить на французском и немецком.

– Говорят, он очень любил читать библию, – вспомнил фон Пален.

– Да, дядюшка мне говорил, что во время чтения псалмов, по щекам мальчика вечно текли слезы. А ещё у него была странная черта характера: он совершенно не разделял плохие поступки и хорошие, милосердие и жестокость. Он мог пустить слезу по поводу несчастной собачки, которая мёрзнет на улице под дождём, и, в то же время, с азартом швырял камнями в кошку.

– А как родители на это смотрели? – спросил я.

– Матушке Елизавете некогда было заниматься ребёнком, – ответил фон Пален. – На её плечах забота о государстве Российском. Матери, как я уже говорил, было запрещено видеться с ребёнком. Впрочем, у неё появилось новое увлечение. Салтыкова после рождения Павла отправили в Стокгольм. Но свято место пусто не бывает. Екатерина Алексеевна увлеклась секретарём английского посла Станислава Понятовского, в будущем последнего короля Польши. У отца же было иное увлечение. Он болел пруссоманией. Пётр в Ораниенбауме строил какую-то крепость. Выписал из любимой Голштинии солдат и занимался с ними манёврами. А тут Екатерина Алексеевна вновь забеременела, и явно не от него.

– Ох, и суматоха тогда поднялась во дворце, – вспомнил Панин. – Понятовского тут же выперли в Польшу. Петра уговорили всеми правдам и неправдами признать ребёнка своим. Родилась дочь. Её крестили Анной Петровной. Красивый ребёнок, явно не от Петра. Мог вскоре возникнуть скандал. Но Анна вскоре умерла, и про этот инцидент постарались быстренько забыть. После этого матушка Елизавета вызвала моего дядюшку на серьёзный разговор. Она изложила ему свои мысли по поводу будущего императора. По её мнению, Пётр абсолютно не подходил для управления такой огромной державы, как Россия. Она называла его бездарным мальчишкой, способным только играть в солдатики. Следующим царём должен

стать Павел. Императрица потребовала, чтобы дядюшка подошёл к воспитанию будущего правителя с полной ответственностью.

– Ваш дядюшка поистине гениальный человек, если смог из сумасбродного мальчишки воспитать государственного мужа, – сказал фон Пален.

– Да, представляете, как нелегко ему пришлось. Мальчишка, пусть и наследник, был разбалован и не обуздан. Гнев его неожиданно сменялся на искреннюю нежность, то вдруг опять переходил в жестокую злость. Но Дядюшка, имея железную выдержку и опыт дипломата, смог войти в доверие к Павлу Петровичу, приручил его и направил все его эмоции в нужное русло. Учтите, что наследник ещё ребёнком был лишён родительской любви. Он не знал, что такое материнское тепло. Конечно же, это – ужасно: сирота при живых родителях. Помню, как дядюшка рассказывал о том, что Павел часто интересовался: как живут другие дети? Их тоже воспитывают кормилицы? Матерей так же к ним не пускают?

– Не представляю, как Никита Иванович выворачивался, – согласился фон Пален. – Помните, тогда ещё началась война с Пруссией. Вначале мы проигрывали, а потом такого пинка дали Фридриху Великому, что он сдал Берлин. Петра это привело в уныние. Он мечтал о союзе с Пруссией, а матушка Елизавета наоборот, поддерживала тесные отношения с Францией и Австрией. Тогда ко двору зачастил барон де Бертель, посланник Людовика. Он пытался убедить матушку Елизавету отстранить от наследия Петра и напрямую передать корону внуку. Она даже начала подумывать отправить племянника куда-нибудь в Германию с долгой миссией. Опасалась, что Пётр, управляемый Голштинским двором, ещё чего доброго задумает покушение на неё. Не знаю, правда это или нет, но говорят, что однажды в компании своих голштинцев, в подпитии, Пётр раскрыл планы на будущее. Он ждёт – не дождётся, когда матушка Елизавета скончается. Тогда он начнёт масштабные преобразования в стране. Прежде всего, он объявит свою супругу Екатерину в неверности и разведётся. Павла же он объявит незаконнорожденным и тем самым лишит его престолонаследия. Мать и сына отправит в Шлиссельбургскую крепость на вечное заточение. А новой императрицей станет его любовница, Елизавета Воронцова. И были определённые династии, которые хотели её видеть на троне, рядом с императором.

– Однако в шестьдесят первом матушки Елизаветы не стало, – развёл руками Панин. – А Павлу Петровичу тогда шёл восьмой год.

– Я помню, как пришёл приказ в войска приостановить наступление и отступить. В то время мы заняли Берлин, а непобедимая армия Фридриха драпала, сверкая пятками. Наши офицеры и солдаты приняла этот приказ, как предательство. Но России, возможно, это принесло облегчение. Все же семилетняя война сожрала всю казну. Но союзники в лице Франции и Австрии были в недоумении от столь резкого поворота событий. А какое послание Пётр написал Фридриху, восхищаясь им и заверяя в дружбе? Сам Фридрих принял своё спасение за чудо, ниспосланное небом. Он уже готов был распрощаться с Восточной Пруссией, а тут – такой подарок!

– Сепаратный мир возмутил всех, – вспомнил Панин. – Россия не только отказывалась от всех завоёванных земель, но и готова была объединить армии в борьбе с вчерашними союзниками.

– Офицеры срывали с себя ордена, – грустно произнёс фон Пален. – Их лишили славы, завоёванной неимоверными усилиями. Тысячи убитых и раненых были принесены в жертву напрасно. А ещё Пётр больше настроил армию против себя, когда решил переодеть солдат в прусскую форму.

Во многих полках вместо отцов-командиров были поставлены выходцы из Голштинии, которые даже по-русски не говорили.

– Зачем-то сунулся реформировать церковные порядки, – вспомнил Панин. – Рясы поменять на пасторские рединготы. Бороды священникам сбрить. Да ещё решил провести секуля-

ризацию части имущества церкви. Отняв земли у монастырей, он ополчил против себя духовенство.

– Гроза должна была грянуть раньше, – сказал фон Пален. – Но помните, какой он делает хитрый ход: создаёт указ, освобождающий шляхетство от военной обязанности в мирное время и закрепляет за дворянами право на владение крепостными. То бишь теперь мужики стали собственностью, согласно реестру, как и поголовье скота. Этим указом он подкупил дворянство.

– Но из-за этого начали вспыхивать крестьянские бунты, – напомнил Панин. – Вспомните, сколько поместий сожгли.

Пришлось в ситуацию вмешиваться армии.

– И в этот момент гвардию начинают подбивать к неповиновению братья Орловы. Многие офицеры их поддерживают.

– Надо сказать, что и мой дядюшка принимал непосредственное участие в подготовке к перевороту. Только он думал, что станет регентом при малолетнем императоре. Но у матушки Екатерины были свои планы.

– Главное событие произошло в конце июня шестьдесят второго, – сказал фон Пален с ехидной улыбкой. – Пока Пётр развлекался в Ораниенбауме, матушка Екатерина тайно покинул Петергоф, где он держал её под арестом, и приехала в Петербург. Здесь её уже ждали. Духовенство и гвардия поддержали переворот. В Зимнем дворце в присутствии дипломатов и высших чиновников Екатерину объявили спасительницей России. Я помню, как на площади перед дворцом собралась огромная толпа народу. Требовали показать императора. Екатерина вышла на балкон в мундире гвардии Семёновского полка. На руках она держала перепуганного Павлушу. Толпа взорвалась приветствиями, так, что стены Зимнего содрогнулись. На следующий день Екатерина во главе восставших полков направляется в Петергоф, откуда прислала своих эмиссаров к

Петру в Ораниенбаум с актом об отречении от престола. У Петра было два выхода: отречься или погибнуть. Его голштинцы готовы были оказать сопротивление, но их было слишком мало, да и сам Пётр струсил.

– Дядя мне рассказывал, что Пётр разрыдался, как ребёнок, молил о пощаде, просил отпустить его в родную Голштинию. В конце концов, сам переписал акт, где полностью отрекался от Российского престола без всяких условий. Подписал его и передал эмиссарам. Дядюшка, от имени Екатерины гарантировал ему сохранение жизни, но за пределы России выезжать ему запретил. Теперь Пётр имел статус государственного узника и должен был следовать в Ропшу. Вроде бы мягко с ним поступили: ни в Петропавловскую крепость, ни в Шлиссельбург, а в прекрасный дворец в Ропше.

– Согласен с вами, – подтвердил фон Пален. – Ропша – чудесный уголок для охоты, прогулок и размышлений. Вот, пока Пётр горевал в этом дворце, Екатерина неделю спустя опубликовала манифест об отречении Петра и о её восшествии на царствие.

– Пётр Алексеевич, а вы были участником тех событий? – спросил я.

– Непосредственным, – кивнул он. – Но я был младшим офицером конного гвардейского полка. Наш полк одним из первых перешёл на сторону матушки Екатерины. Но моё участие в перевороте весьма незначительное. Всего лишь один из двадцати тысяч солдат и офицеров.

– И что же произошло дальше? – спросил я.

– Охрану Петра доверили Алексею Орлову, – сказал Панин. – Волку доверили стеречь козлёнка. Уж не знаю, что там произошло, все как-то непонятно и неправдоподобно. Но официальная версия смерти свергнутого императора: скончался от геморрагического припадка, впав в прежестокую колику. Конечно же, полнейшая ерунда, но все сделали вид, что поверили. А иначе как? Иначе можно скомпрометировать новую императрицу: мол, взошла на трон через кровь, через убийство.

– Похоронили Петра в Александро-Невской лавре, – сказал фон Пален.

– А почему не в царской усыпальнице, в Петропавловском соборе? – спросил я.

– В том-то и дело, – ответил Панин. – Петра не успели короновать, значит, он не царская особа, и не обязан быть похоронен рядом с Петром Великим. Да и похоронил его как-то быстро без всякой помпезности. Ни Екатерина, ни Павел Петрович не присутствовали на погребении.

– А матушка Екатерина, вопреки партии тех, кто желал видеть её всего лишь регентшей, к ним относился и ваш дядюшка, короновалась в Москве с благословления церкви.

– Чтобы дядюшка не возмущал общественность, царица возвысила его в ранг личного советника. После этого назначения он не мог полностью отдавать себя воспитанию Павла, поэтому царевичу назначили лучших педагогов. Франц Урлих Эпинус – известный учёный, преподавал ему математику. Анри Николаи, Франсуа Лаферье и Лавек преподавали языки и литературу. Заметьте, приглашён был лучший богослов, умнейший человек, архимандрит Платон. Ну, а Григорий Николаевич Теплов, тот самый, что составлял манифест об отречении Петра, преподавал политические науки, в том числе и устройство государства, законотворчество, юриспруденцию. Сами понимаете: с такими учителями Павел Петрович получил блестящее образование. Но Никита Иванович думал, впрочем, как и многие из его партии, что к шестнадцатилетию царевича они подготовят России просвещённого монарха, и он вступит на престол, а его мать отойдёт на второй план.

– Вы ещё забыли сказать про Семена Порошина, – напомнил фон Пален.

– Да, конечно, воспитатель маленького Павла, – согласился Панин. – Знаю, что он был из простого дворянского рода. С отличием закончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус. При нем же был оставлен учителем геометрии и арифметики. После был замечен Петром и возведён в ранг флигель-адъютанта. Дядюшка мой выделил его и приставил к Павлу. Порошин был удивительным человеком: воспитанным, выдержанным и преданным.

– Почему же ваш дядюшка его потом отставил, да ещё сослал в действующую армию, при этом не в гвардию, а в Старооскольский пехотный полк? – спросил фон Пален.

– Тёмная история, – пожал плечами Панин. – Говорят, он вёл дневник, где подробно записывал обо всем, что происходит при дворе. Как-то записи попали к моему дядюшке.

Но ходят ещё слухи, что в опале Порошина повинна фрейлина Анна Петровна Шереметьева. Порошин в неё влюбился и даже пытался посвататься. Но на неё имел виды мой дядюшка. Анна Шереметьева являлась наследницей огромного состояния государственного канцлера, князя Алексея Михайловича Черкасского. А тут какой-то Порошин из нищих шляхтичей, никому не известных.

– Но ваш дядюшка все же с ней был помолвлен, – напомнил фон Пален.

– Мало того, готовили грандиозную свадьбу. Но несчастная девушка заболела чёрной оспой и скончалась. Вот, так распорядилась судьба. Порошин тоже умер через год. Тоже – молодым.

– Судьба! – Развёл руками фон Пален.

– А между тем, Павел Петрович подрос, и матушка Екатерина с ужасом заметила в нем привычки и склонности своего бывшего супруга. Его кумиром тоже стал Фридрих Великий. Царевича тянуло ко всему прусскому. К тому же возникла сильная неприязнь между Павлом Петровичем и Григорием Орловым, тогдашним фаворитом царицы. Решив, что сыну надо непременно жениться, дабы умерить спесь, Екатерина начинает подыскивать ему невесту. После долгой переписки с главным знатоком европейских дворов, бароном Ассебургом, выбор императрицы пал на дом Гессен-Дармштадский, в коем подросли три принцессы: Луиза, Амалия Фредерика и Августа Вельгельмина. Екатерина решила пригласить всех трёх претенденток в Петербург, чтобы Павел сам выбрал себе невесту.

– Я помню, Андрей Разумовский был отправлен с флотилией из четырёх кораблей за невестами. Каждой из претенденток предоставлялся целый фрегат.

– Да, за невестами был послан лучший друг Павла Петровича, Андрей Разумовский. Юноша с прекрасными манерами, остроумный и к тому же – красавец.

– И как проходили смотрины? – спросил я.

– Как обычно: беседы на разные темы, знание французского, танцы, этикет…. Но Павел Петрович с первого же взгляда влюбился в Вильгельмину. И, как не странно, её величество одобрила выбор без колебаний. В августе семьдесят третьего, несмотря на протесты отца, ландграфа Гессен-Дармштадского Августа, Вильгельма была крещена в православную веру и получила имя Великой княжны Натальи Алексеевны.

– Как вы только все эти даты помните? – удивился фон Пален.

– Хорошая память и долгое служение при дворе, – объяснил Панин. – Венчание состоялось в сентябре в Казанском соборе. Был произведён грандиозный салют. Представляете, в этот день, по приглашению императрицы прибыл в Петербург Дидро. Он подумал, что салют дают в его честь. Я помню, какой грандиозный бал закатила императрица. Танцевали всю ночь. Приглашён был чуть ли не весь Петербург. Ужин на три тысячи персон, не считая фуршетов в перерывах между балетами.

– Что вы можете сказать о принцессе? – спросил фон Пален.

– Близко я с ней не общался, но хочу заметить, что девушка очень красивая, к тому же не глупая, образованная, но не зануда. Нрав у неё был весёлым, и в то же время она умела кокетничать тонко и непринуждённо. Павел влюбился по уши. Таким одухотворённым и мечтательным его ещё не видели. Матушка Екатерина вздохнула с облегчением. Её непутёвый сын был увлечён загородными поездками, охотой и иными развлечениями, поэтому не лез в политику и не мешал ей своими претензиями на престол. Но вскоре матушку императрицу начинает раздражать чрезмерная ветреность невестки. Наталия Алексеевна не желает учить русский язык, и вообще ей не нравится русский образ жизни. Она – немка, и немкой желает остаться. Екатерина обрушивается с упрёками на дядюшку. Но тот ничего не может поделать. Тогда она его удаляет из дворца, а на его место назначает генерала Николая Салтыкова. Павел негодовал по поводу нового гувернёра. К тому же Салтыков настойчиво советовал удалить от супружеской четы лучшего друга Павла, Андрея Разумовского. Павел Петрович возмущался, отправился к императрице и потребовал справедливости. Но царица жёстко поставила его на место. Вот тут-то и появилась пропасть в отношениях между матерью и сыном.

– Мне известно, что ваш дядюшка хотел поднять бунт или что-то в этом роде, – напомнил фон Пален.

– Да какой там бунт, – махнул рукой Панин. – Обиделся, конечно, что его отлучили от всех дел. Решил напомнить матушке Екатерине, что она народу и гвардии обещала передать трон, как только Павел Петрович достигнет совершеннолетия. Были у него сторонники. И немало. Даже в сенате несколько министров. С Павлом Петровичем он провёл беседу: мол, надо что-то делать. Не сидеть же ему в наследниках до глубокой старости. Но кто-то пронюхал. Скорее всего, генерал Салтыков и преподнёс царицы сей замысел, как подготовку переворота. Список заговорщиков составил. Матушка Екатерина пришла в неописуемый гнев. А поделать ничего не может. Нельзя же арестовать половину сената, да дядюшку моего, как зачинщика, а вместе с ними и наследника. Вызвала она к себе сына и невестку. Вот тут Павел Петрович, извините за выражение, сдрейфил. Раскаялся во всем и умолял забыть сей нелепый инцидент.

– И что же матушка? – спросил фон Пален.

– Сожгла на глазах у сына и невестки список заговорщиков, потребовала, чтобы впредь заговоры не устраивали, иначе она поступить жестоко, напомнив участь сына Петра Великого, Алексея.

– В те годы нелегко пришлось императрице, – сказал фон Пален. – Помните, на юге России сколько Лжепетров появилось? Аж четверо. Все хотели смуту поднять. Потом Пугачёв,

тоже объявил себя опальным императором. Напугал тогда он всех. Города брал один за другим. На Москву хотел идти.

– Почему армия не справлялась с ним? – спросил я.

– Тогда война с Турцией велась. Все силы были брошены на отвоевания побережья Чёрного моря. Когда Румянцев сокрушил османов, подписал выгодный мир, только тогда двинул армию на подавления уральского бунта. В семьдесят пятом бунтари были повержены, а сам главарь схвачен, привезён в Москву и там же казнён.

– Почему Наталья Алексеевна не родила ребёнка Павлу? – интересовался я.

– Трудно сказать, – задумался Панин. – Говорят, у неё были тайные связи с Андреем Разумовским. Всякие слух ходят. Якобы она подмешивала порошок опия в вино Павлу Петровичу. Тот засыпал крепким сном, а Наталья Алексеевна с Разумовским предавались любовным утехам. Но это – только сплетни. Доктора говорили о каком-то костном дефекте у невестки. Два года она никак не могла зачать. Тогда матушка Екатерина совершает пешее паломничество в Троицко-Сергеевскую лавру. Было это в мае. А в начале июля у Натальи Алексеевны появились признаки беременности. Вот так молитвы помогли зачатию. Но все закончилось печально. Ребёнок родился мёртвым, а сама роженица скончалась спустя несколько дней.

– Как воспринял смерть жены Павел Петрович? – спросил я.

– Он обезумил от горя. Часами рыдал, стоя на коленях перед образами. То вдруг его охватывал приступ ярости, и он вне себя от гнева, крушил мебель, срывал портьеры. Однажды чуть не выпрыгнул в окно. Лакеи стащили его с подоконника и скрутили. Екатерина приказала убрать от него всякое оружие. Затем отвезла его в Царское село.

– И тогда пошёл слух, что Наталью Алексеевну можно было спасти, но матушка Екатерина не дала врачам этого сделать, – вспомнил фон Пален.

– Эти сплетни понёс барон де Корберон, бывший тогда поверенный в делах французского двора. Якобы он за обедом беседовал с хирургом Моро, и тот возмущался, какие врачи при дворе бездарные, и что великую княгиню можно было спасти, – объяснил Панин. – Но барон де Корберон всегда слыл сплетником. Мало кто ему поверил. Между тем, матушка Екатерина приказывает очистить покои умершей великой княжны, чтобы ни что не напоминало Павлу о её присутствии. И вдруг один из лакеев обнаруживает в тайнике за камином шкатулку. Ключа к ней нет. Екатерина вызывает мастера, и тот вскрывает её. В тайнике оказалась любовная переписка Натальи Алексеевны и Андрея Разумовского.

– Вы уверены, что все так и было? – с недоверием спросил фон Пален.

– Опять же – только слухи, – развёл руками Панин. – Императрица вызывала убитого горем Павла и читала ему эти письма. Как говорится: клин клином вышибают. Павел, прочитав пару писем, чуть не сошёл с ума. Он крушил все на своём пути, пока его не скрутил приступ. После снотворного и нескольких часов сна Павел Петрович смирился и признал правоту матери. Андрей Разумовский тут же был удалён от двора. Его отправили в Ревель с какой-то дипломатической миссией. Самому Павлу Петровичу Екатерина предложила путешествие в Берлин, где он будет принят обожаемым им Фридрихом. Сопровождать Великого князя будет принц Генрих Прусский. Но поездка в Берлин была устроена вовсе не для отвлечения Пала Петровича от горя, а для смотрин ещё одной невесты Софии Доротеи Августины Луизы Вюртембергской. Фридрих Великий после разгрома его русскими войсками, начал терять своё величие, посему был особенно заинтересован в браке принцессы с русским наследником. Союз с Россией ему нужен был, во что бы то ни стало. К Софии в то время сватался принц Людвиг Гессен-Дармштадтский, но Фридрих грубо посоветовал принцу поискать другую невесту. Софии Доротеи уже нашли партию. Хоть жених ещё не знает о её существовании, но это все – мелочи. Все уже было решено. Молодая, красивая девушка, которой едва исполнилось семнадцать, с прекрасным воспитанием. Образованная, кроткая, сентиментальная, она не рас-

ставалась с томиком Жан– Жака Руссо. Павел при первой же встречи был очарован белокурой нимфой с ясными голубыми глазами.

– Ну, вы скажете тоже, – не поверил фон Пален. – Так уж и с первой же встречи.

– Посудите сами, Павел Петрович все это время прибывал в глубоком трауре, а тут вдруг танцевал на балу и предался веселью. Потом, сам король Фридрих, его кумир, представил ему Софию Доротею. Как только принцесса прибыла в Петербург, матушка Екатерина тут же учинила Софии Доротеи долгую беседу. Для себя выяснила, что это кроткое создание никогда не подумает о бунте и даже не посмеет перечить ей. Невеста – то, что нужно. Главное, чтобы родила наследника. Её крестили и дали имя Мария Фёдоровна. В сентябре семьдесят шестом архиепископ Платон соединил их браком.

– Мария Фёдоровна – чудное создание, – усмехнулся фон Пален. – Такой наивной простоты я не встречал среди придворных.

– Действительно, ей сначала было странно наблюдать жизнь двора. Сама императрица меняла фаворитов, как перчатки. Потёмкин отвоёвывал Крым, а его замещал Завадовский, потом Зорич. Кругом интриг, сплетни…. Для неё все это было дико. Она выросла в тихой обстановке, в провинциальном замке графа Монбельяра. Я бывал в тех местах. Доисторическая тишина, природа. Какие чудесные там пейзажи между отрогов Вогезов, по течению реки Дуба.

– Поэтому она так сильно привязалась к Павлу Петровичу. Две одинокие души: что она не вписывалась в общую картину двора, что наследник был на положении изгоя, – высказался фон Пален.

– Согласен с вами, – подтвердил Панин. – И юная принцесса, теперь Великая княжна оправдала надежды матушки Екатерины. Спустя полгода невестка забеременела. Она была здорова. Никогда не падала в обморок, как разнеженные придворные дамы. Ела все подряд с прекрасным аппетитом. Беременность протекала спокойно. На радостях императрица подарила невестке живописные земли недалеко от Царского села с усадьбой, которую вскоре назвали Павловское. Деревянный дворец снесли и спешно возводили каменный. А в декабре семьдесят седьмого Мария Фёдоровна родила чудесного мальчика, которого впоследствии окрестили Александром. И тут повторилась история с рождением Павла. Лишь только младенца обмыли и запеленали, как матушка Екатерина приказала его унести в свои покои и передать на руки кормилицам. Бедная Мария Фёдоровна плакала три дня, но смирилась.

– Ох уж, три дня, – не поверил фон Пален. – Я помню тогда такие празднования проводились – вся гвардия была в дупель пьяная. Пушки салютовали так, что стекла в домах трещали. Солдаты – и те по пятаку получили, чтобы выпить за здравие наследника российского престола.

– Помню, помню, – согласился Панин. – И так же помню, как с этого дня матушка Екатерина охладела к сыну и невестке. Они сделали своё дело, и в них она больше не нуждалась. Павел – психически не здоров, со своей тягой ко всему прусскому, к муштре и шагистики. Невестка теперь в её глазах легкомысленная дура, не имеющая права называться Великой княжной.

– Неужели матушка так и выражалась? – удивился фон Пален.

– В узком кругу, конечно. Но изменение в отношениях её к Павлу и Марии Александровне были хорошо видны. Возможно, именно в это время у Павла Петровича возникло подозрение, впоследствии перешедшее в уверенность, что его отец был незаслуженно унижен и зверски убит по приказу матери. Он начал допытываться у всех, кто был участником или свидетелем тех событий. Матушку Екатерину сей факт насторожил.

– Помню, в то время начали поговаривать о конфликте между Австрией и Пруссией, – сказал фон Пален. – И Павел Петрович рвался вступить в полк кирасиров армии Фридриха.

– Да, матушка Екатерина жёстко осмеяла его за этот порыв, – ответил Панин. – Но суть в том, что пыл его остыл, как только доктор Роджерсон объявил, что Наталья Алексеевна вновь беременна. В конце апреля семьдесят девятого с Божьей помощью, она родила здорового мальчика. Нарекли новорождённого Константином. Всё потому, что Россия в те годы одержала победу над Турцией, и у матушки Екатерины были далеко идущие планы по захвату Константинополя. А кто, как не русский правитель должен возглавить новую Византию. Младенец тут же был отправлен в покои императрицы, как и старший его брат Александр. Матушка Екатерина приходит к выводу, что надо вступить в союз с Австрией и приглашает в Петербург императора Иосифа. Павел Петрович, как сторонник Фридриха, был очень расстроен и унижен. К тому же новый деятельный фаворит императрицы, граф Потёмкин с нескрываемым презрением относится к Павлу Петровичу. Высокого роста, здоровый, как бык, с мужицкими повадками, относился к маленькому тщедушному наследнику, как к бедному родственнику.

– Да, было дело, – кивнул фон Пален и засмеялся. – Я как-то в торжественном карауле стоял в четь именин матушки Екатерины. Явился Павел Петрович с одной синенькой ленточкой и орденом Андрея первозванного, и выходит Потёмкин. У того-то орденов – полная грудь. Взглянул князь одним своим уцелевшим взглядом на Павла Петровича, громко усмехнулся и говорит: «Надобно вам, Великий князь, ещё какую–нибудь побрякушку повесить. Не солидно как-то для царевича». Павел Петрович вспыхнул и отвечает: «Не беспокойтесь. Мои награды ещё впереди». «Конечно, – говорит Потёмкин. – Только грудка у вас хиленькая. Будете ордена вешать, смотрите, чтобы фасад не обвалился».

– Неужели Императрица хотела посадить на трон в Константинополе Константина? – спросил я.

– Посудите сами, – ответил Панин. – К нему были приставлены кормилицы и няньки из гречанок. С самого младенчества его учили греческому языку.

– Императрица была до того жестока, что и Константину не разрешала видеться с матерью? – вновь спросил я.

– Почему же, время от времени происходили краткие свидания. Марии Фёдоровне разрешалось встречаться с детьми, но только в покоях императрицы. Но после них матушка Екатерина приходила в крайнюю степень раздражения и частенько несправедливо отчитывала внуков за нерадивость или дурные привычки, якобы заимствованные от отца. Вскоре возникла ещё одна интрига. Император Австрии посоветовал матушке Екатерине отправить наследника с невесткой в путешествие по Европе. Что он все в Петербурге сидит? Пусть мир посмотрит, себя покажет. Императрица согласилась, но сама объявлять не стала, иначе Павел Петрович принял бы её предложение в штыки. Поручила Николаю Репнину надоумить наследника самому попроситься в Европу. Репнин дружен был с Павлом Петровичем и мог уговорить его. Вскоре Павел сам потребовал отпустить его в путешествие, и тут же получил разрешение.

– И тут ваш дядюшка…, – пропел фон Пален.

– Конечно, мой дядюшка, старый интриган, как бы случайно заговорил о путешествии с наследником. А не хочет ли его матушка спровадить в Европу, да составить манифест, в котором объявит наследником внука Александра. А Павла потом оставить с какой-нибудь дипломатической миссией где-нибудь в Италии и не пусти обратно в Россию. Вот тут Павел Петрович занервничал. Хотел отказаться от поездки, но не тут-то было. Его чуть ли не силком с супругой запихнули в карету и отправили вон из России. Хотел путешествия – получи.

– Думаю, поездка была весьма приятной, – высказался фон Пален. – Его сопровождали сановники, множество слуг, писари, доктора, и даже поваров матушка Екатерина выделила.

– Мало того, императрица послала в путешествие астролога, который обязан был консультировать наследника перед каждой важной встречей, согласно показаниям звёзд. При этом Павел Петрович и его супруга ехали под вымышленными именами: граф и графиня Северные.

Глупее ничего придумать нельзя. Как будто никто не узнает в них наследника российского престола и его супругу.

– Павел вновь увидел своего кумира Фридриха Великого?

– спросил я.

– В том то и дело, что одним из условий путешествия было: ни под каким предлогом не заезжать в Берлин. Сперва Варшава, где их любезно встретил король Станислав Понятовский. Потом Вена, где австрийский император в честь дорогих гостей закатил грандиозный бал-маскарад, да ещё устроил военный парад. Дальше они отправились в солнечную Италию. Триеста, Венеция, Рим…. Весьма странное обстоятельство, но сам Папа принял наследника и долго беседовал с ним. Впервые наследник Российского престола был принят понтификом. Потом они отправились в Неаполь, где Павла Петровича ждала неприятная встреча с Андреем Разумовским, бывшим другом, так подло поступившим с ним. Поэтому в Неаполе задержались ненадолго, укатили во Флоренцию, где были приняты герцогом Леопольдом Тосканским, а за тем – во Францию. Наследнику провинциальная Франция не понравилась. Дело было перед революцией. Настроение народа мрачное. На троне уже восемь лет Людовик шестнадцатый, бездеятельный и нерешительный правитель. Дороги разбиты, деревни опустели, на рынках цены высокие, а товар негодный. Чета Северных посетила госпиталь в Леоне, затем армейскую мануфактуру в Сент-Этьен и, наконец, торжественно въехали в Париж. Остановились в доме русского посланника князя Барятинского.

– Слышал от знакомого француза, бежавшего из революционной Франции, что Павла приняли в Версале с такой помпезностью, будто он не наследник, а уже император великой державы, – вставил фон Пален.

– Действительно, – согласился Панин, – король Людовик и

Мария-Антуанетта устроили торжества на несколько дней.

Спектакли сменяли костюмированные балы, шикарные обеды и поездки на пикники. А уж когда их принимал принц Конде, такого пира давно не знала Франция. Блюда подвались исключительно на серебряной и золотой посуде. Павлу и его супруге первыми предлагали яства и напитки. А ночью была устроена охота на оленей с факелами. В тоже время, наследник поразил французов отличным знанием истории, хорошими познаниями в изобразительном искусстве и философии.

– Но были и иные слухи, – возразил фон Пален. – Вы говорите о письмах Гримма, который сей вельможа писал из Парижа императрице. А принц де Линь говорил, что Павел подозрителен и весьма обидчив. Государственный министр Эдельшейм в своих мемуарах записал, что встретил великого князя во время его визита в герцогстве Бад, отметил, что он высокомерен, слаб и страдает приступами эгоизма.

– Не могу спорить с их утверждениями, потому, как не присутствовал при встречах, – сдался Панин. – Возможно, так все и было, а возможно – врут. Это же – французы. Они считают себя эталоном нравственности и цивилизованности. Остальные народы для них – варвары. А наследник после Франции с тяжёлым сердцем возвращался в Россию через Голландию, Франкфурт и Вену.

– Кстати, где-то там Павла приобщили к масонской ложе, – вспомнил фон Пален.

– Может быть, – кивнул Никита Панин. – Хотя, он вовсе не тяготеет к учению братства вольных каменщиков. Ему ближе рыцари ордена Иоанна Иерусалимского. Скандал разразился после приезда четы в Петербург, – продолжил рассказ Панин. – Мария Фёдоровна привезла с собой из Франции огромный гардероб. Мария-Антуанетта посоветовала ей купить наряды у известной модистки мадмуазель Бертан. Матушка Екатерина просмотрела счета за платья, шляпки, туфельки и приказала отправить все обратно. В это время лучший друг Павла, Куракин, за дерзость был выдворен в ссылку. Да тут ещё мой дядюшка, так любивший своего воспитанника, скончался в конце марта. Никто из родственников так не убивался, как

Павел Петрович. Рыдал перед его гробом, как дитя. Но вот, дядюшку моего схоронили. Наряды отправили обратно в Париж. А Мария Фёдоровна родила дочь, великую княжну, Александру. Матушка Екатерина на радостях подарила сыну Гатчину и совсем отстранила от государственной службы: мол, пусть занимается семейными делами, что ему в политику лезть? Вот, с тех пор он и живёт безвылазно в своём Гатчинском государстве, совершая переезды из Гатчины в Павловское и обратно. Явные его враги отошли в мир иной. Григорий Орлов уже умер, после приступа чёрного бешенства. Светлейший князь Потёмкин скончался, да и многие другие фавориты, а Павел Петрович все строит в Гатчине своё государство, с таким увлечением, как маленький мальчик играет в солдатиков. Такие, вот дела, господа.

– А давайте выпьем! – предложил фон Пален, – желая развеять грустную обстановку после рассказа Панина. – За нас! Счастья нам и процветания!

Петербург

Петербург мне показался серым и холодным, под хмурым осенним небом. Не такой я себе представлял столицу. Чёрная Нева. Мокрая серая мостовая. Серые дома. Серые люди, спешащие укрыться от ледяного ветра. Фон Пален попросил остановиться возле трёхэтажного особняка со скромным фасадом. Над входом нависал балкон с ажурным ограждением. Мы с ним вышли. Попрощавшись с Паниным. Его карета покатила дальше по неровной брусчатке. Фон Пален постучал в дверь тростью. На стук открыл старый кривоносый лакей в синей ливрее.

– Как доложить? – спросил слуга.

– Граф Пётр Людвиг фон дер Пален.

Вскоре лакей вернулся и пригласил нас пройти. Когда мы поднимались по лестнице, фон Пален тихо сказал:

– Прошу вас не распространяйтесь о том, что мы были в Гатчине, и, тем более, не вздумайте взболтнуть о вашем назначении командиром батареи.

Я попросил разъяснить – почему.

– Видите ли, здесь собирается общество, в котором к наследнику, Павлу Петровичу, относятся несерьёзно. Как бы лучше сказать: как к дурачку. Хозяйка здешняя, Ольга Александровна, супруга камергера Александра Алексеевича Жеребцова. Она же сестра Зубовых. Знаете таких?

– Конечно же…. Братья Зубовы, графского рода, – вспомнил я.

– Вот! – многозначительно поднял вверх указательный палец фон Пален. – Возможно, встретим одного из них. Помните: Николай Александрович Зубов – старший из братьев, ученик и зять фельдмаршала Суворова, обер-шталмейстера. Узнаете его сразу: огромного роста, здоровый, что Илья Муромец. Второй Зубов – Дмитрий Александрович генерал-майор. Он самый скромный из братьев, придворными интригами не интересуется. Сейчас занимается казёнными подрядами и винными откупами в Петербургской и Московских губерниях. Третий, Платон Александрович, тот красавец, что наш Панин: высок, строен, складен. Он нынче фаворит императрицы. Её Величество подарила ему Рундальский дворец в Курляндии Я с ним раньше встречался несколько раз. Честно вам скажу, кроме смазливой физиономии, больше ему гордиться нечем: ни в военном деле, ни в политике он не проявил себя. Но благодаря угодливости и близости к императрицам приобрёл чин генерала–фельдцейхмейстера. Младшего Валериана Александровича сейчас в Петербурге нет. Он отправлен воевать в Персию в должности командующего армией. О братьях я вам рассказал, теперь об Ольге Александровне. Сестра Зубовых, которая содержит сей салон – весьма привлекательная особа, но ещё та бестия. Держитесь с ней почтительно. Она имеет огромные связи, умна, дерзка и очень образована. Я вас ввожу в высокое общество, и прошу во всем меня слушаться. Первое правило в этом осином гнезде – рот на замок.

– Так если будут расспрашивать?

– Говорите больше о своём героическом отце.

– А что за дело, в котором я должен участвовать? – напомнил я ему наш разговор в карете.

– Скажу о нем позже, – неопределённо ответил фон Пален.

Нас встретила невысокая, красивая женщина лет тридцати с круглым очаровательным лицом. Она была в элегантном светлом платье с белой розой, приколотой у левой груди. Глаза тёмные, взгляд острый. Пунцовые пухлые губы чуть тронула улыбка. Неожиданно сильным голосом, для столь хрупкого создания, с удивлением произнёс:

– Пётр Алексеевич, рады видеть вас в столь неурочный час.

– И я безмерно счастлив вновь вдохнуть аромат белой розы, – напыщенно ответил фон Пален, целуя её белую пухленькую руку.

– С чего вы вдруг явились в Петербург в начале ноября.

Обычно ваша персона блистает на рождественских балах?

– Дела, – развёл руками фон Пален.

– Ваш протеже? – наконец заметила она меня.

– Не совсем мой, скорее – протеже Панина. Прошу любить и жаловать.

– Семён Добров, из Новгородской губернии, – представился я и поцеловал протянутую руку. Кисть красавицы хоть и бледная, оказалась горячая и упругая.

– Ну, если сам Панин рекомендует, да ещё в лице Петра Алексеевича, у вас хорошее будущее, – похвалила хозяйка. – Господи, что за наряд на вас? – ужаснулась она, оглядывая мой синий мундир прусского артиллериста, выданный в Гатчине.

– Извините, нас, Ольга Александровна, мы только с дороги, – смущённо улыбнулся фон Пален. – Не успели переодеться. Сразу к вам. Вы уж на нас не серчайте за столь безобразный вид.

– Прошу, господа, располагайтесь, – пригласила нас Жеребцова в гостиный зал.

Ярко горели люстры, отражаясь в начищенном паркетном полу. Стены, обитые светло-синей тканью, украшали картины в массивных рамах: голландские натюрморты и сцены из античных мифов. Тапёр играл на клавикорде. Вокруг овальных ломберных столиков сидели дамы и кавалеры с картами в руках. Иные собрались группами и оживлённо беседовали. Фон Палена тут же обступили мужчины в дорогих фраках и шёлковых жилетках. Всем хотелось что-то узнать у него: как обстановка в Курляндии; какие слухи доходят из Франции; каково отношение со шведами?

– Ну, что вы ей богу, господа? – смеялся фон Пален. – Это я, провинциал, должен от вас узнавать новости.

Моя персона никого не интересовала, и я занял место у окна. Впрочем, кому из этого благородного общества охота общаться с отроком, да ещё в солдатском мундире. Воспользовавшись тем, что на меня никто не обращает внимания, я решил утолить голод и потихоньку продвигался в направлении сервировочного стола. Есть хотелось ужасно. Краем уха услышал разговор двух важных красномордых господ в напудренных париках, стоявших в сторонке, и потягивавших вино из хрустальных бокалов.

– Фон Пален здесь, – сказал один. – А этот проныра нигде не появляется без надобности.

– Да, – согласился второй. – Что-то должно произойти. Надо держать ухо востро.

Между тем в гостиной появились два высоких кавалера, одетых весьма элегантно. Сюртуки из добротного английского сукна с серебряными массивными пуговицами. Замшевые панталоны и хорошо сшитые голландские башмаки с медными пряжками.

– Барон, – воскликнула хозяйка, быстро направляясь к вошедшим. – Рады видеть вас.

– Английский посол. Чарльз Уитворт, – зашептали все. Внимание общества тут же переключилось на высокого сухого англичанина с прямым длинным носом и каким-то странным

взглядом: непонятно, то ли он восторгается чем-то, то ли подозревает всех в чем-то нехорошем.

Английский посол раскланивался немного чопорно. Потом попросил всех его извинить, взял фон Палена под локоть и увёл в другой зал. Вернулись они минут через десять. Уитворта тут же увлекла разговором хозяйка. А фон Пален быстро подошёл ко мне и, чтобы никто не слышал, шепнул:

– Теперь настала ваша очередь мне помочь.

– Что я должен делать?

– Видите того англичанина, что пришёл с послом Утвортом? Вон, он, занят карточной игрой.

– Вижу.

– Это полковник Генри Энглиси. Сейчас посол Уитворт отзовёт его в сторону и даст распоряжение. Вы должны запомнить каждое слово. Не подавайте вида, что знаете английский.

– Но как я это сделаю?

– Подойдите вплотную. Как бы хотели о чем-то спросить. Никто не подумает, что какой-то провинциальный недоросль знает английский. Идите же! Вон, Уитворт уже манит его.

Действительно, английский посол сделал чуть заметный знак, и полковник Энглиси извинился перед партнёрами. Покинул игру, выложив на сукно несколько монет, которые он только что проиграл. Я тихо подошел сзади. Не очень-то мне нравилось такое задание. Подслушивать чужие разговоры – смахивало на подлость. Посол заметил меня и тут же с подозрением спросил:

– Вы что-то хотели, юноша?

Надо было срочно выкручиваться.

– Простите за дерзость, хотел поинтересоваться, как можно попасть служить в английский флот? – сказал я, глупо улыбаясь.

– А чем вас российский флот не устраивает? – изумился посол.

– Мечтаю увидеть мир, – начал придумывать я. – Англии принадлежит полсвета. Хотелось пройтись по морям, на лучших кораблях, освоить навигацию. А побывать в британских колониях – моя заветная мечта.

Английский посол довольно кивнул. Ему льстила моя речь. Улыбнулся снисходительно. Только улыбка у него получилась натянутая. Смотрел он на меня свысока, как денди смотрят на нищего мальчишку, выпрашивающего мелочь.

– Вы говорите по-английски? – спросил сэр Уитворт стараясь быть серьёзным, но больше из вежливости.

– Увы, нет, – развёл я руками.

– Тогда прежде вам надо выучить язык, – с сожалением вынес он вердикт, лишь бы побыстрее избавиться от меня. – Извините. Всего наилучшего.

Я поблагодарил посла и встал чуть в сторонке. Уитворт дал распоряжение, и полковник Энглиси тут же поспешил покинуть сей чудесный дом, выразив хозяйки глубокое сожаление, что не может ни на секунду задерживаться. Дела.

Фон Пален тут же схватил меня за руку и вытолкнул в другое помещение. Мы оказались в мрачном кабинете, обитом дубовыми панелями. Кругом книжные полки, огромный напольный глобус. Широкий стол, заваленный картами.

– Ну, что? – нетерпеливо спросил он.

– Уитворт сказал полковнику: десант высаживать только после захвата форта французами, – передал я то, что услышал, хотя смысла в этой фразе никакого не уловил.

– Вот, подлец! – вскипел фон Пален. Сел за стол, придвинул письменные принадлежности, схватился за перо. – Ох, Семён, все удивляюсь, что за подлая нация – эти англичане. Все свои грязные дела пытаются решать чужими руками.

– Прошу прошения, – недовольно сказал я. – Вы сами сподвигли меня на подлое дело.

– Вы о чем? – не понял фон Пален. Перо замерло в его руке.

– Я считаю: подслушивать – дело недостойное, – откровенно выпалил я.

– Ах, вот вы про что, – дошло до генерал-губернатора Курляндии. Лицо у него вновь сделалось похожим на маску, вырезанную из дерева. Он встал, отодвинул чернильный прибор, покопался в груде свёрнутых карт и выбрал один из свитков. – Смотрите, – развернул он карту. – Я вам кое-что объясню. Вот это – Голландия. Вот здесь, на полуострове находится форт, который защищает наш гарнизон из полутора тысяч солдат и двадцати восьми офицеров. С суши его готовы атаковать французы. С моря гарнизон должен поддержать английский десант. Скажите, России нужен этот форт?

Я пожал плечами:

– В стратегическом плане – не нужен.

– Вот именно. А англичанам?

– Для их флота – важен. Тут же торговый путь проходит.

– Представим ситуацию: французы атаковали; русские удержали; англичане помогли, – форт отбит. Чья победа?

– Наша. И форт останется за нами. Мы имеем права не снимать флаг.

Фон Пален подошел вплотную и тихо сказал:

– А если английский десант не подоспеет? А французы ворвутся в форт, перебьют всех? А англичане прибудут в последний момент и отвоюют форт, какое знамя поднимется на главной башне?

– Английское, – начал соображать я.

– И кому достанется победа?

– Англии.

– Теперь вам все понятно, Добров? Ваше подслушивание – ничто, по сравнению с подлостью англичан. Мало того, вы спасли жизнь полутора тысячам солдат и честь двадцати восьми офицерам.

– Каким образом?

– Я напишу письмо в адмиралтейств-коллегию с требованием, чтобы наш гарнизон немедленно покинул форт и передал оборону английскому десанту. Им нужна эта крепость, вот, пусть сами её и защищают.

Фон Пален порывисто сел, вновь схватился за перо, но рука его замерла. Он задумался, после глухим голосом добавил:

– Вы спросите: что мне за дело, губернатору Курляндии, до баталий у берегов Голландии? Скажу вам откровенно: среди двадцати восьми русских офицеров мой сын, Пётр. Ему всего – семнадцать.

Письмо с лакеем было срочно отослано в курьерскую службу адмиралтейства.

А вечер в салоне Ольги Жеребцовой продолжался. Было шумно и весело. Фон Пален представил меня важному гостю, больше походившего на богатого купца, нежели на шляхтича. Ему было слегка за тридцать. Высокий, широкоплечий, с большими руками. Фрак из дорогого сукна с двумя рядами блестящих пуговиц еле сходился на груди. Под фраком жилет с кармашками, из которых свисали цепочки от часов. Панталоны с кожаными вставками. Тупоносые башмаки с бантами. Не шляхтич, а разбогатевший мельник.

– Дмитрий Зубов, – протянул он мне широкую холеную ладонь для пожатия. На пальцах красовались дорогие перстни. Пожатие оказалось крепким.

Наконец я увидел одного из братьев Зубовых, о которых мне толковал фон Пален.

– Давно из Москвы? – поинтересовался у Зубова губернатор Курляндии.

– Постоянно мотаюсь туда-сюда. Работёнка щепетильная: надо везде поспеть.

– Мне бы с вами поговорить как-нибудь о поставках зерна в Ригу.

– От чего же, можно, – кивнул Зубов. – Поставлю в срок, и сколько прикажете. О цене сговоримся. Вы же меня знаете, я никогда не подвожу. Заходите ко мне завтра, потолкуем в деловой обстановке. Угощу вас коньячком французским, нынче – редкость. С этой революцией из Франции теперь затруднительно что-нибудь вывезти. А мне удалось кораблик с коньяком да с шампанским перегнать.

– А что братьев ваших не видно? Как они?

– Сам их уже год не видел, – махнул он рукой. – Младшего, Валерьяна в Персию направили, командовать армией.

– Слышал.

– Так куда ему, одноногому? Вы же знаете, когда восстание Костюшко усмиряли, ему ногу контузило, да так, что потом отнять пришлось.

– И это помню, – сочувственно кивал фон Пален.

– Александр с Платоном, все возле Императрицы крутятся. Делами государственной важности занимаются. Между нами говоря, – он понизил голос, – Её Величество не та уже. Хворает часто. Сил на все не хватает. Вот Платон с Александром помогают ей.

– Вы слыхали о манифесте? – напрямую спросил фон Пален, но при этом, на всякий случай, огляделся кругом:

слышит ли его ещё кто-нибудь?

– О каком? – удивился Дмитрий Зубов. – А, вы вот о чем. О передачи престола Александру, минуя Павла? – Он помялся и нехотя ответил: – Что он существует – это правда. Но что в нем императрица написала, только ей, да Богу известно.

– А ежели, все же власть перейдёт внуку, Александру, Минуя Павла? Как вы думаете, хорошо ли это отразится на стране?

– Вот, на то братья мои и стоят подле императрицы, дай Бог ей здоровья, – перекрестился Дмитрий Зубов. – Александр ещё дитя, сами знаете, мягкотелый. Да и слаб он в государственных делах. Чтобы Россией-матушкой управлять хватку нужно иметь железную.

– О чем это вы? – подкралась к ним Ольга Александровна.

– Да, вот, сестрица, – объяснил Дмитрий, – крамолу ведём: кому власть достанется, если не дай Бог, с благодетельницей нашей что случиться.

– Ох, фон Пален, ох, интриган, – шутливо погрозила Жеребцова пальчиком, – готовите очередную интрижку?

– Ну, что вы, – усмехнулся Пётр Алексеевич. – На кого же я Курляндию оставлю.

– Пора бы вам в столицу перебираться на хорошую должность. Но уверяю вас: при Павле вам ничего не светит. Представьте этого дурачка на троне? Да он таких дров наломает…

– Сестрица, умоляю! – простонал Дмитрий Зубов, состроив скорбную мину.

– Вот что, манифест есть, – уверенно сказал она. – И он точно предписывает отдать власть Александру, старшему сыну Павла, а отца изгнать в Сибирь.

– Ну откуда вы знаете? – возмутился Дмитрий.

– Именно затем императрица сразу же после рождения забрала Александра от полоумных родителей и воспитывала сама, а в последнее время нагружала его государственными поручениями. Именно Александр должен стать будущим императором. Вы же знаете, почему старшего внука она нарекла Александром, а второго Константином?

– В честь Александра Невского, – высказал предположение фон Пален.

– Вовсе нет, – усмехнулась Ольга. – В честь Александра Македонского. Её Величество надеется ещё при жизни передать власть старшему внуку, чтобы он совершил поход в Турцию, подобно Македонскому и потеснил Османскую империю. В планы императрицы входит создания нового греческого государства, в которое бы вошла Греция, Болгария и северная Турция, со столицей в Константинополе. И государство это должен возглавить второй внук, Константин. Да у него даже нянька была из гречанок.

– Я виделся с Александром накануне, – осторожно сказал фон Пален. – Зашёл разговор и по этому поводу. Великий князь Александр не горит желанием занимать престол. У него иные мечты: посетить Европу. Путешествовать…

– А кто ему мешает? – усмехнулась Ольга. – Наденет корону – и пусть путешествует. При дворе полно государственных мужей, готовых грамотно управлять Россией. Но поход на восток, в конце концов, ему придётся совершить. К тому уже, войска готовятся, и флот строится на Чёрном море.

– Ох, не нравятся мне ваши речи, – недовольно покачал головой Дмитрий Зубов.

– Занимались бы вы дальше коммерцией, братец, – с презрением ответила ему на это Ольга Александровна. – А за Россию не беспокойтесь. Страна окажется в надёжных руках. Есть такая фамилия – Зубовы.

Первое свидание

Дом Жеребцовой покинули поздно ночью. Осенний ветер буйствовал в переулках, завывал в трубах, скрежетал ветхой железной кровлей. Темень еле разгонял слабый трепет фитильков уличных фонарей. Нева отчаянно билась о гранит набережной. Мимо проехала коляска, полная девиц лёгкого поведения и пьяных гусар. Девицы хохотали и неприлично визжали, гусары пели под гитару какую-то похабщину. Коляска скрылась за поворотом, и вновь только ветер завывал, да скрежетала кровля.

– Жуткая ночь, – поёжился фон Пален. – Хорошо хоть, нам идти недалеко.

– Где мы остановимся на ночлег? – забеспокоился я.

– У одной моей дальней родственницы, баронессы Элизабет, фон Ган.

– Удобно ли в столь поздний час тревожить баронессу? – с сомнением подумал я вслух, дрожа от настырного ледяного ветра. Сюртук на мне был плотный, из хорошего сукна, но кроме сюртука ничего больше.

– Ну, что вы. Я у неё, как дома, – успокоил меня фон Пален.

– Хочу заметить, вы везде, как дома, – усмехнулся я.

– И вы тому же учитесь, – наставительно произнёс мой спутник, нисколько не обидевшись. – Наглость, в определённых рамках, – вещь весьма полезная.

Беседуя, мы подошли к унылому дому, окнами, выходящими на Неву. Фон Пален громко постучал в дверь. Минут через пять в круглом слуховом окошке замерцал свет.

– Кто там? – спросил недовольный заспанный голос.

– Тимофей, открывай!

– О, Господи! – прозвучало радостно вместе с лязгом засова. – Пётр Алексеевич.

– Тихо, Тимофей! Весь дом перебудишь! – шикнул на него фон Пален.

Старый сгорбленный слуга провёл нас по широкой лестнице на второй этаж, освещая путь единственной свечой в канделябре.

– Не топлено, – предупредил слуга, когда мы оказались в спальне. – Гостей не ждали. Так бы – натопили.

– Дверь отвори в библиотеку. Пусть открыта будет всю ночь. Из кухни тепло придёт.

– Может, подать что изволите: чаю искушать?

– Нет. Нам бы поспать, да чтобы никто не тревожил до утра.

– Мадмуазель Софья нынче здесь ночевать изволит. Её из института отпустил на воскресный день, – сообщил слуга.

– Софья, – обрадовался фон Пален. – Как здорово! Утром с ней обязательно увижусь. Соскучился. Полгода, считай, дочь не видел.

– Ох, не узнаете её, – затараторил радостно лакей, – подросла, похорошела. Настоящая мадмуазель…

– Хорошо, хорошо, ты, Тимофей, ступай. Мы тут сами устроимся.

Фон Пален скинул епанчу и камзол на кресло.

– Пётр Алексеевич, – вспомнил слуга. – Нынче вам письмо пришло. Посыльный ещё днём принёс. Я удивился, сказал, что вы в Курляндии. Но посыльный настаивал.

– Подай его мне.

Фон Пален вскрыл конверт, быстро пробежался по строкам письма. Тут же потянулся за камзолом.

– Не придётся мне сегодня спать. Ты, Семён, располагайся, будь, как дома, а мне надобно ещё по одному небольшому дельцу сбегать.

– Может, и мне с вами. Как же вы один, в такую ночь? – вскочил я.

– Не надо…. Тут недалеко. Да я при шпаге. Ты ложитесь. – И фон Пален накинул на плечи епанчу, вышел на лестницу.

Слуга унёс свечку. Я оказался один в темной комнате. Лишь через окна пробивался тусклый свет ночных фонарей. Присел на широкий мягкий диван. Решил, что на нем и заночует. Из открытой двери, ведущей в библиотеку, потянуло теплом с примесью какого-то сдобного хлебного духа. Наверное, на кухне вечером пекли булочки. Живот скрутило. На приёме у Ольги Жеребцовой удалось проглотить пару тарталеток, да кусочек французской булки с каким-то вонючим острым сыром. Разве этим голод утолишь? Скинул отяжелевшие сапоги. Устроился на диване. Странно, но сон не шёл, несмотря на усталость. Глаза открывались сами собой. Взгляд бесцельно шарил по лепному потолку, по стенам с китайскими вишнёвыми обоями…. А может не вишнёвыми, может – сиреневыми. Да к тому же живот бурлил от запаха, шедшего из кухни. Невозможно заснуть! Я поднялся, вновь натянул сапоги. Решил поискать в библиотеке какую-нибудь книгу. Наверняка, там и свечи найдутся. Чтение приводит к спокойствию и отвлекает от голода

Библиотека оказалась небольшим квадратным залом с двумя высокими окнами. Шкафы до потолка были заставлены толстенными томами в теснённых переплётах. Я попробовал разыскать свечи. Нащупал стол, пошарил вокруг. Вдруг в следующем помещении заметил чуть подрагивающий, слабый огонёк. Кто-то шуршал, кряхтел, ругался вполголоса. Меня разобрало любопытство: неужели кто-то ещё страдает от бессонницы? Возможно, служанка прибирается. Решил спросить у неё свечку.

Следующим помещением была буфетная. Подсвечник стоял на столе. Огонёк огарка бросал отблески на дверцы массивного резного буфета. Но самое удивительное я заметил не сразу. Тонкая девочка в ночном пеньюаре, с шалью на плечах, стояла на стуле возле буфета. Она поднималась на цыпочки, стараясь рукой нащупать что-то наверху. Заслышав шаги, девочка обернулась, взвизгнула и тенью метнулась в угол, опрокинув стул. Похоже, я её сильно напугал. Конечно, появился из темноты, среди ночи …

– Не пугайтесь, прошу вас, – попытался успокоить я девушку.

– Вы кто? – зло прошипела она. Глаза её так и сверкали, словно у разъярённой кошки.

– Я, Добров Семён Иванович, шляхтич, – как можно спокойней представился я.

– Что вы тут делаете, Семён Иванович? Как вы оказались в этом доме?

– Я приехал вместе с фон Паленым, Петром Алексеевичем. Конечно, час поздний…

– Папенька? – вдруг воскликнула девушка, дрогнувшим голосом. – Где же он?

– Ему подали письмо, и он тут же удалился, ссылаясь на неотложное дело.

– А вы не лжёте?

– Помилуйте! Я разве похож на разбойника? Слово дворянина!

Девушка вышла из тёмного угла. Она была совсем юная и худенькая. Наверное, едва исполнилось тринадцать. Личико слегка вытянутое, с большими карими глазами. А в руке её сверкнул столовый нож.

– Если прикоснётесь ко мне, я вас зарежу, – предупредила она вполне серьёзно.

– Да не буду я вас обижать. Если хотите, вовсе уйду.

Снизу на лестнице послышался топот. Несколько человек быстро поднимались.

– Я говорю вам, слышала грохот, – говорила женщина грубым голосом.

– Да откуда здесь воры? – удивлялся мужской. – Запоры надёжные. С улиц никто не залезет, только если окно разбить.

– Сейчас поглядим. Я, вон, кочергу прихватил, – говорил третий. – Дам по хребту этому вору – и позвонки в штаны выспятся.

– Поставьте быстро его на место, – указала девушка, на опрокинутый стул, с которого она так резво соскочила.

Едва я это сделал, как оказался в полной темноте. Девушка задула огарок, лишь искорка фитилька ещё краснела. Вдруг почувствовал, как тонкие, жёсткие пальцы схватили меня под локоть и потянули в библиотеку.

– Скорей же! – шёпотом требовала она, впихнула моё тело в нишу между книжным шкафом и окном, туда же юркнула следом и закрылась портьерой. Она невольно прижалась ко мне, и я ощутил грудью и животом её горячую узкую спину, теснившую меня все глубже в нишу, пока я не упёрся в холодную стенку. Скулу щекотали локоны, выбившиеся из-под ночного чепца. Я вдохнул волнующий запах: как будто топлёное молоко с примесью цветочного аромата, и лицо моё запылало, а сердце забилось часто-часто. Что со мной твориться? – спрашивал я себя, чувствуя, как распирает грудь от нехватки воздуха. Я пытался успокоиться, но никак не мог. Этот запах, обжигающее прикосновение лишало меня воли.

– Нет здесь никого, – произнёс разочарованно мужчина, который с кочергой. – Все на месте. Окна закрыты.

– Кто же тогда грохотал? – не унималась женщина. – Проверь-ка в библиотеке.

Я почувствовал, как девушка ещё сильнее вжалась в меня. Её тело мелко дрожало, под тонким шёлковым пеньюаром. Я очень осторожно обнял узкий стан, почувствовав маленький упругий животик. Её коса выпросталась из-под чепца, и пушистая кисточка упала на мой локоть.

– Не ходите туда, ради бога, – взмолился первый мужчина. – Там барин отдыхает.

– Какой барин? – удивилась женщина. – Сдурел что ли?

– Говорю вам, буквально полчаса назад приехал Пётр Алексеевич с товарищем.

– Чего же ты раньше молчал? – перешла на яростный шёпот женщина. – Пошли, пошли вон отсюда.

Хлопнула дверь, щёлкнул ключ, вращаясь в замке.

Я стоял, затаив дыхание, но не от страха, а от неудобного положения. Весь взмок от мысли, что совершаю что-то противозаконное, грешное. Держу в объятиях хрупкую, горячую, трепещущую девушку, незнакомую, вовсе не принадлежащую мне. Но и она тоже стояла тихо и не шевелилась.

Вдруг девушка напряглась, больно ущипнула меня за руку и выскользнула из объятий:

– Вы как посмели ко мне прикасаться? – гневно взвизгнула она.

– Простите. Но вы же сами меня сюда запихнули, – попытался оправдываться я, вылезая из укрытия.

– Ах, я ещё виновата? – негодовала девушка. – Это все из-за вас!

– Из-за меня?

– Конечно! Зачем вы крались ко мне? Чтобы напугать?

– У меня и в мыслях такого не было. Я зашёл в библиотеку, чтобы взять книгу почитать перед сном.

– Я вам не верю!

– Знаете что, прекратите во всем меня обвинять, – надоело спорить с ней. – Вы-то сами что тут делаете, когда вам положено спать?

– Не ваше дело!

– Вы – воровка?

– Что-о-о? – девушка чуть не задохнулась от гнева. – Да как вы смете так обо мне думать?

– Ну, так объясните. Ходите ночью по дому…. С ножом на меня кинулись…. Пойду ка я позову слугу.

– Хорошо, – сдалась девушка. – Я все объясню, но прежде вы должны мне помочь.

– Каким образом?

– Пойдёмте.

Мы вновь прошли в буфетную. Девушка чиркнула кресалом, зажгла свечу.

– Вот там, – она указала на буфет, – сверху лежит ключ. Мне его никак не достать. Не могли бы вы это сделать.

Я приставил стул, взобрался на него, поднял руку и нащупал среди пыли и мышиных катышков небольшой ключик. Передал его девушки. Она отпёрла им замок и отворила дубовые дверцы буфета. Лицо её просияло от счастья.

– Что вы хотите делать? – возмутился я, слезая со стула.

– Есть, – просто ответила девушка, сглотнув слюну.

– Но кто вам позволил отпирать буфет без спросу?

– Ну что вы, прямо, как моя воспитательница, – недовольно надула губка девушка и принялась накладывать в глубокую тарелку всевозможные сладости. – Чуть изюма…. Понимаете, я воспитываюсь в институте благородных девиц…. О, это засахаренные груши – обожаю…. Нам сладости дают только по субботам…. Надо же – цукаты…. И то, только одно печёное яблоко с ложечкой мёда…. А это что?

Сушёные абрикосы…

– Постойте, а если обнаружат пропажу?

– Ну не вас же будут ругать, – меня, – фыркнула она.

– Но я, выходит, соучастник преступления.

– До чего же вы нудный, – фыркнула она. – Лучше помогите мне. Достаньте вон ту бутылочку с крюшоном. Да не дуйтесь вы. Никто не заметит. Я взяла всего чуть-чуть. Вот, пожалуй, ещё орехов захвачу.

Она уверенно направилась в библиотеку: в одной руке тарелка с награбленным, другой захватив подсвечник. Я вынужден был последовать за ней с пузатой бутылкой крюшона.

Девушка поставила добычу на круглый столик, сама присела на маленький диванчик, предложила мне сесть на против. Откуда-то нашла два тонких стакана для воды.

– И так, вас зовут Семён Иванович? – вспомнила она.

– Добров, из Новгородской губернии, – кивнул я, разливая пузырящийся крюшон по стаканам.

– Софья Петровна фон Пален, – представилась девушка. – Можете не вставать и ручку мне не целовать – не те декорации. И вообще: до чего же неприлично у нас получилось первое свидание. Вы, пожалуйста, никому не рассказывайте.

Я повнимательнее взглянул в её лицо, и вдруг поразился, до чего же она красивая. А может мне показалось? Да нет же: какой чистый лоб. Темные кудряшки выбились из-под чепчика. А какие тонкие брови. Глаза большие, тёмные, но ещё смотрят наивно, по-детски. Щеки розовые, но скулы уже начали выделяться, как у взрослой девушки.

– Да что вы на меня так уставились? – вдруг спросила она.

– Простите, – я опустил взгляд, но тут же наткнулся на её стройные тонкие ножки, едва прикрытые пеньюаром.

– Не молчите. Расскажите о себе, – потребовала Софья Петровна. – И угощайтесь. Мне все это не съесть.

– Зачем же вы столько набрали?

– Всегда хочется попробовать всего, а когда начинаешь – и половину не осилишь.

Мы сидели не меньше часа и уплетали сладости, запивая их крюшоном. Уже вторая свеча растаяла. Я рассказывал о своём нелёгком детстве, о том, как умер отец, как трудно управлять хозяйством и как решился отправиться в Петербург. В конце рассказал, о знакомстве с фон Паленым в Гатчинском замке.

– Как же интересно! – восклицала Софья.

– Помилуйте, что же в этом интересного? – удивлялся я.

– Вы столько видели, даже в Гатчинском замке побывали. С самим наследником разговаривали. А я, вот, кроме сверстниц-воспитанниц, классной комнаты, да церкви – ничего не вижу. Отпускают только на праздник. Да с моей тётушкой какие веселья? Гости – чопорные старцы, да нудные церковные службы. Вот, когда папенька меня на рождественские праздники увозит – вот это – здорово!

И тут мы начали наперебой вспоминать, как хорошо на рождественских праздниках. Катание в санях. Ряженные. Ёлка. Ночная служба в церквях, а потом гуляния…

– Ой! – вдруг спохватилась Софья Петровна. – Уж скоро прислуга проснётся. Простите, я вас совсем заболтала. Вы же устали, наверное.

– Нет, ни сколько, – уверял я её.

Мне так не хотелось отпускать эту чудную ночь. Побыть ещё чуть-чуть наедине с этой удивительной девушкой, да что там – хоть всю жизнь. Я не припомнил, чтобы когда-нибудь мне попадалась такая весёлая, интересная собеседница, с которой вот так, просто можно проболтать столько времени. Видишь её впервые, а такое впечатление, будто давно знаком. Да если честно признаться, я и с девушками почти не встречался. Ну, если только с веснушчатыми кузинами, скучными и некрасивыми.

Напольные часы, видом своим похожие на крепостную башню, ударили пять раз, напоминая, что сказка заканчивается. Мы быстро прибрали остатки ночного пира. Софья, взяла свечу, которая уменьшилась до жалкого огарка, подошла к двери, ведущей на лестницу. Но дверь оказалась заперта.

– О, боже! – в ужасе воскликнула она. – Как же я теперь попаду в свою спальню?

Я подошел к двери, дёрнул ручку – бесполезно. Да, история складывалась к скандалу.

– Все из-за вас! – с упрёком сказала Софья. – Придётся ночевать у вас в гостиной.

– Постойте! Это невозможно! – замотал я головой. Что она ещё удумала? – Коли нас застанут утром…. Как тогда оправдаться?

– Придумайте. Вы же кавалер, – безразлично пожала плечами девушка. – Я заночую в кровати, а вы ложитесь на полу.

Вот такого оборота я ожидал меньше всего. Лихорадочно придумывал какой-нибудь выход.

– Я бы не против…. Но воротится Пётр Алексеевич и что подумает?

– Подумает, что вы погубили его дочь, и тогда он вызовет вас на дуэль, и убьёт, – так обычно бывает. А я буду горько рыдать, оплакивая вас и, в конце концов, уйду в монастырь…

– Полно вам шутить! – начал сердиться я, подумав: уж не сумасшедшая ли она.

Девушка звонко рассмеялась.

– Однако, как вас легко напугать. Не беспокойтесь. Я пройду через верхний этаж. Там сейчас темно, жутко…. Но я ничего не боюсь.

– Позвольте вас проводить, – пробормотал я, пытаясь загладить вину за свой конфуз.

– Не стоит. Вот ещё, – фыркнула Софья. – Спокойной ночи.

Она скользнула в боковую дверь. Огонёк свечи поднимался вверх вместе с шуршащими лёгкими шажками. Исчез за поворотом лестницы.

– Спокойной ночи! – послышался настойчивый шёпот сверху.

Я вновь стащил с ног надоевшие сапоги. С удовольствием растянулся на скрипучем диване. Живот бурлил, как французская революция, после столь странного ужина. Но сон вновь никак не шёл. Как все странно и волшебно, думал я. Какие-то удивительные приключения. Столько сразу навалилось. Вот, жил себе в глуши четырнадцать лет, размеренно, спокойно…. А тут, словно в бурю попал: Гатчина, сам великий князь назначил на высокую должность. С чего? Меня, мальчишку – и сразу командиром батареи. Без образования, без опыта…. Скажи кому из своих – не поверят, на смех поднимут…. А это чудная девушка. Вот свела же судьба этой ночью, в этом доме....

Я никак не мог забыть её милое личико не то девушки, не то ещё девочки. А как она грациозно двумя пальчиками брала засахаренные груши…. А после: зубками острыми – клац – и откусывала, как хищница. Все в ней было противоречиво: мягкий голос и порывистая речь; плавные движения и стремительный шаг; наивные слова и злые шутки. А как прижимал её к себе в тёмном углу за шкафом.... Нет, об этом нехорошо думать! Но все же, она такая тёплая и мягкая. Так же в детстве кот Рыжик, будучи котёнком, залезал ночью в постель, прижимался к боку, мягкий, тёплый…. Нет, Софья же не котёнок, она – девушка, благородная девушка… девочка… девушка…. Все равно, не хорошо об этом вспоминать.

Дверной молоток с лязгом стукнул несколько раз. Раздался снизу недовольный голос слуги, скрежет засова. Человек уверенно поднимался по лестнице, звякая шпорами. Фон Пален вошёл в гостиную, принеся на плаще холод и свежесть поздней осени.

– Спит? – спросил у слуги, кивнув в мою сторону.

– Спит, недоросль. Умаялся, – ответил слуга.

– Ну и я хоть часок вздремну.

Он стащил ботфорты, скинул камзол и плюхнулся в кровать. Лишь только из его горла вылетел первый храп, как тут же вновь настойчиво загрохотал дверной молоток.

– Кто же там дверь ломает? – пробурчал слуга. – Уж утро! Господа приехали поздно. Им выспаться надо!

– Отпирай быстрее, дурак! – послышался гневный окрик Никиты Панина. – Иначе я вышибу эту чёртову дверь, да с тебя шкуру сдеру!

Лестницу сотрясли тяжёлые быстрые шаги.

– Пален! Пален! Ну что вы, ей богу, дрыхните?

Панин снял шляпу и стряхнул с неё мокрый снег прямо на ковёр.

– Вы врываетесь, как Ясон в пещеру Минотавра, – ещё не до конца очнувшись, пробормотал фон Пален. – Что случилось? Вы проигрались в карты, и вам нужны деньги?

– Какой бред вы несёте, Пётр Алексеевич. Какой проигрыш? Тут такое дело, а вы про какие-то деньги, – обиделся Панин, нервно меряя широкими шагами гостиную.

– Ну, хорошо, хорошо…. – Фон Пален еле-еле приподнялся, сонно щурясь. – Что-то серьёзное?

– А стал бы я вас в шесть утра по пустякам тревожить?

– Так говорите. Я полон внимания, – начал сердиться фон Пален.

– Я всю ночь провёл в Зимнем дворце со знакомыми офицерами. Мы выпивали, играли в карты…

– Ну вот, – протянул разочарованно фон Пален, пытаясь опять приникнуть к подушке. Глаза его закрывались.

– Да слушайте же!

– Слушаю, слушаю… – пробормотал фон Пален покорно.

– Прибежал офицер, что стоял в карауле у покоев императрицы и рассказал…

Фон Пален вскочил с постели, схватил сюртук и ловко, одним движением сунул руки в рукава.

– Семён, – крикнул он. – Поднимайтесь, живо! – Вновь обернулся к Панину. – Что с императрицей?

– Удар.

– Что говорят лекари?

– Какие лекари? Там такая суматоха поднялась! Камердинер, Захар Зотов носится, орёт на всех, как ужаленный, требует рвотного порошку…. Я только видел, как её несут слуги, вшестером. На постель поднять не смогли, императрица – дама крупная, постелили матрац какой-то малиновый, да так на полу и оставили. Я – сразу к вам. Вспомнил, как вы мне толковали о пророчестве этого монаха, как бишь его? Авеля!

– Правильно и сделали. – Фон Пален натянул ботфорты. – Семён, ну что вы там возитесь?

– Так что будем делать? – растеряно спросил Панин.

– Мы с вами – в гвардейские казармы. У вас есть надёжные друзья из офицеров?

– Есть, конечно.

– Вот и отлично. Вы верхом или в карете?

– Верхом.

– Семён, дорогу помнишь в Гатчину? Бери коня, скачи немедля, да не жалей.

– Конь дорогой, дядин, – промямлил виновато Панин.

– Какого чёрта, Никита Петрович! – возмутился фон Пален. – Судьба России решается, а вы коня жалеете. Скачите, Семён! Постойте! Возьми мой плащ, иначе закоченеешь по дороге.

Он протянул мне суконный плащ, подбитый заячьим мехом.

– И все же, мы на чью сторону встанем? – очень серьёзно спросил Панин.

– На ту, на которую меньше всех ставят, – ответил так же серьёзно фон Пален. – Участвовали когда-нибудь в осаде?

– Бывало, – кивнул Панин, не понимая, к чему клонит губернатор Курляндии.

– Знаете, как по штурмовой лестнице взбираться? Можешь орден получить, а могут и вниз скинуть. Так, что, вы со мной? – глядя в упор, спросил у него фон Пален. Лицо его сделалось деревянной маской.

– Уж если решил, так с вами, – смело ответил Панин. – К славе, так к славе, на эшафот, так на эшафот.

Смерть Императрицы.

Холодный ветер кидал в лицо мокрый снег. Я кутался в плащ, оставляя лишь щель для глаз. Шнурки, держащие шляпу, натёрли подбородок. Сильный, высокий конь Панина шёл быстро, уверенно. Пена летела из ноздрей вместе с клубами пара. Ноги от напряжения сначала болели, но вскоре я их уже не чувствовал, как и не чувствовал рук, сжимавших узду.

Верста за верстой пролетали поля, леса, деревеньки с церквями и погостами. Впереди показалась полосатая будка со шлагбаумом. Часовой выскочил из будки. Но я понудил коня взвиться в воздух и перемахнуть через преграду. Вслед услышал оклики, предупредительный выстрел. Подскакав к подъезду замка, увидел Кутайсова на крыльце. Тот выгуливал свою пушистую собачонку.

– Где Его Высочество? – еле выдавил я из себя, казалось, вместе с лёгкими. – Срочное донесение.

– Добров, у вас вид, как у всадника апокалипсиса, – неуместно пошутил брадобрей.

Собачонка визгливо залаяла, прячась у Кутайсова в ногах.

– Возможно, вы недалёки от истины. Дело очень важное.

– Ого! – по-дурацки подпрыгнул он, выделывая ножками изящные движения. – Его Величество в Мельнице, обедает с друзьями. А что за дело?

Но я уже повернул упиравшегося коня, воткнул шпоры в бока. Бедное животное тяжело двинулось вперёд, храпя и задыхаясь.

Мельница – небольшое поселение, находившееся в пяти верстах от замка. Павел и его супруга, Мария Фёдоровна только что вышли из харчевни в окружении вельмож и офицеров. Подкатила карета наследника. Павел Петрович хотел было подняться в карету вслед за супругой, но заметил всадника, погонявшего взмыленного коня и остановился. Ветер стих. Выглянуло солнце. Я услышал, как Павел Петрович тревожно воскликнул:

– Кто это? – И замер, будто предчувствую что-то недоброе.

– Так это же Добров! – узнал меня Аракчеев и быстро зашагал навстречу. Издалека крикнув: – Добров, вы зачем коня загнали. Он же издохнет сейчас.

Я подъехал к Аракчееву, наклонился и передал ему все, что велел фон Пален. Аракчеев тут же побледнел и бросился обратно к наследнику.

– В чем дело? – отшатнулся от него Павел.

– Императрица! – промычал Аракчеев.

– Что? – не понял Павел.

– При смерти.

Павел Петрович уставился на него, как будто впервые видел этого человека. Потом, как-то моментально собрался, выпрямился и громко сказал:

– Что ж! Я готов к любой ситуации. Скорее в замок. Мне нужно пятнадцать минут на сборы.

Он запрыгнул в карету, крикнув кучеру:

– Гони!

Следом поспешили коляски и кареты с придворными.

– Давайте с нами, – предложил мне Аракчеев. Он сидел с тремя офицерами в открытой четырёхместной коляске.

– А как же конь? – не решался я. – Я не могу его бросить.

– Загнали вы его. Оставьте. Коль не подохнет, сам к конюшням придёт.

Животное громко, резко всхрапнуло, содрогаясь всем телом, и повалилось набок. Я еле успел высвободить ноги из стремян. Совершив кувырок через голову, без сил растянулся на земле. Офицеры меня подняли, отряхнули прилипшую сухую траву.

– Пристрелить бы надо, – сказал Аракчеев, указывая на сдыхавшую лошадь.

– Я не смогу. – Слезы катились у меня из глаз.

– Ну, так садитесь в коляску, – сказал Аракчеев и приказал одному из офицеров прикончить животное, чтобы не мучилось.

В замке царила суета. Адъютанты в парадных мундирах, при шпагах строились перед покоями Его Высочества. Слуги носились с какой-то одеждой и сундучками. Двери покоев распахнулись. На пороге появился Павел Петрович в скромном мундире прусского покроя. Напудренный парик с косичкой. Башмаки с огромными медными пряжками. Без лент, без орденов. Лицо бледное, с нездоровым румянцем.

– Его Высочество! – гаркнул Аракчеев, и все адъютанты застыли по стойке смирно.

– Господа! – срывающимся голосом произнёс Павел. – Я еду в Петербург. Неизвестно, что меня там ждёт…. Возможно, ещё по пути подвергнусь аресту и буду заключён в Петропавловскую крепость.

– Ну, нет! – Вперёд выступил Аракчеев, багровея от злости. – Прошу меня простить, но я этого не допущу.

– Не вмешивайтесь. Я вам приказываю! – потребовал Павел Петрович.

– В первый раз осмеюсь нарушить ваш приказ, – не сдавался полковник. – Я подниму по тревоге Гатчинский и Павловский полки. К вечеру мы будем в Петербурге.

– Вы сошли с ума! – закричал Павел. – Хотите смуты? Не смейте этого делать!

– Посмею! Пусть потом меня ждёт эшафот, но я не позволю загубить Россию. Если вас посадят в Петропавловскую крепость, я её разрушу до основания, но вытащу вас оттуда.

– Во главе порядка должен быть закон, а не сила! – спокойно возразил Павел. – Никто не смеет идти против воли царственного указа. Только царь определяет судьбу своих подданных, не по своему велению, а по божьему. Коль такова воля матушки моей, императрицы, я должен покориться судьбе.

– А как же Россия? – немного остыв, спросил Аракчеев.

– Россия ещё не такое терпела. И это стерпит.

В двери влетел капитан из караула.

– Что там ещё? – недовольно спросил Павел.

– С важной вестью прибыл из Петербурга Николай Зубов. Просит аудиенции.

– Ну, вот! – обречённо вздохнул Павел. – За мной… – Зубов один? – громко спросил у капитана Аракчеев.

– Один, – рассеяно ответил тот.

– Ну, с одним-то я сам справлюсь, – прорычал Аракчеев, хватаясь за палаш.

– Не смейте! – закричал Павел и весь затрясся. Лицо его исказилось гневом. – Никакой крови! Нельзя! Нельзя! – Он чуть отдышался и уже спокойно сказал: – Я приму его. – И удалился обратно в покои.

Туда же, в покои прошествовал высокий статный офицер в забрызганном грязью, плаще. Аракчеев провожал его злобным взглядом. На миг их глаза встретились, офицер тут же опустил голову и зашагал быстрее. Вскоре он вышел уже с просветлённым лицом, озабоченный чем-то важным. Быстро пересёк холл, вприпрыжку сбежал с крыльца, сел на поданную лошадь и умчался.

Появился Павел Петрович. Натягивая белые перчатки, сказал:

– В Петербург. Адъютанты со мной. Аракчеев, вы остаётесь за коменданта. Не вздумайте сотворить недозволенного.

– Слушаюсь! – громко ответил Аракчеев. И как только Павел Петрович с адъютантами покинули замок, объявил полное боевое построение всем полкам.

– Добров, – поманил он меня. Положил руку на плечо и так сжал, что я чуть не вскрикнул от боли. – Вам конфиденциальное поручение. Адъютантам я не верю. Если Его Высочество по дороге арестуют – они в штаны наложат. Вас я плохо знаю, но зато знавал вашего отца, посему смею дать вам ответственное поручение. Берите эскадрон гусар и скрытно преследуйте карету. В случае опасности – его высочество отбить. Рубите всех к чёртовой матери – полковников, генералов… – потом разберёмся. Грех возьму на себя. Вы поняли меня?

– Разрешите исполнять? – твёрдо ответил я.

– Исполняйте, и помните, от ваших действий зависит судьба России.

Мне дали горячего молодого коня. Я объяснил задачу мрачному седовласому ротмистру.

– За Павла Петровича – хоть на эшафот, хоть к дьяволу в пасть, – ухмыльнувшись, ответил тот. – Зубова, сам лично на пику посажу. У меня на эту сволочь свой зуб имеется.

Чтобы никто нас не заметил, вперёд выслали двух разведчиков. Сам эскадрон двинулся чуть позже по дороге, едва припорошённой первым снегом. Черные ментики с золотыми шнурами, черные кивера. Черные кони. Черные флажки на пиках. Я скакал бок о бок с седовласым ротмистром.

– Добров, Семён Иванович, – представился я.

– Вуич, Златон Афанасьевич, – Пожал мне руку ротмистр.

– Вы из Венгрии? – Нет, я серб.

– А как в России?

– Нас, Вуичей – род большой. Из Сербии турки изгнали. А у нас у сербов есть такая поговорка: на небе Бог, а на земле – Россия. Вот за неё я и готов голову сложить. Вы мне не верите? – в заключении спросил он.

– Почему же? – ответил я, пожав плечами.

– Но в ваших глазах я вижу недоверие.

– Простите, я не о том сейчас думаю. Я не понимаю, почему мне дали это поручение. Я – человек новый… – Но вы не трусите?

– Нисколечко.

– Тогда я вам объясню. – Он подкрутил напомаженный ус. – Мои гусары готовы погибнуть все до одного за наследника. В эскадроне много сербов, венгров, черногорцев, румын…. Для нас Павел Петрович – наместник Бога на земле, а мы – его войско. Аракчеев прекрасно знает, если вы вдруг струсите или проявите нерешительность, мы вас изрубим в куски. И с любым офицером поступим так же. Для нас нет выше цели, чем защищать наследника. Ну, как вам мои объяснения?

– Прекрасно! – зло ответил я. – Но если вы струсите, то я вас пристрелю!

Он громко расхохотался.

– Тогда – за дело!

Мне стало спокойно. Я вдруг обрёл уверенность в том, что иду на правое дело. Я оглянулся на мрачных черных гусар. Сосредоточенные хмурые лица. Уверенная осанка. Сила. Да с таким войском и хоть в пекло, хоть к черту на рога.

* * *

Мне потом рассказали, что творилось в Зимнем дворце. Я ещё только подъезжал к Гатчине, а фон Пален, Панин и ещё несколько офицеров из гвардии вошли в Зимний дворец. Их попытались остановить, но офицеры разбросали караул и направились прямо к кабинетам канцлера Безбородко.

Кабинет были наглухо закрыты. Платон Зубов, высокий красавец двадцати девяти лет. Он и ещё нескольких вельмож пытались взломать двустворчатые дубовые двери. Зубов бил огромным кулаком в золочёную створку и требовал:

– Немедля отвори, старый хрыч. Ты хоть знаешь, что делаешь, шельмец? Немедля отопри. – И приказал своим товарищам: – Тащите скамью. Будем ломать.

– В чем дело, господа? – вежливо поинтересовался фон Пален.

– А не в чем, – проревел Зубов. – Что вам нужно, сударь?

Не лезьте не в свои дела.

– Отойдите от двери! – с нотками угрозы приказал Панин. Он был нисколько не ниже Платона Зубова, но, может, чуть уже в плечах.

– Да как вы смеете? – зарычал Зубов. – Кто вы такие?

– Вы прекрасно знаете, кто мы такие, – жёстко ответил Панин. – И ещё как смеем! Прочь от двери.

Панин и гвардейские офицеры вынули шпаги и с решительным видом двинулись на противников.

– Позвольте, господа, – весь пылал от гнева Платон Зубов.

– Уж не намерены вы здесь устроить кровопролитие?

– Как вам будет угодно, – не сдавался Панин.

Офицеры из окружения Зубова потянули свои шпаги из ножен. Вот-вот готова была разгореться бойня.

– Я бы на вашем месте отступил, – холодно заметил фон Пален, вытаскивая из-за пояса заряженные пистолеты.

Зубов и его приспешники попятились. Повисла напряжённая пауза. Клинки против клинков. Защёлкали взводимые курки на пистолетах. Ещё мгновение и…

Вдруг ключ в замке клацнул. Массивная створка чуть приоткрылась, как бы предлагая войти. Фон Пален засунул пистолеты обратно за пояс.

– la fini de bataille, – сказал он, и сделал реверанс в сторону Зубова, предлагая войти первым: – Прошу вас.

Тот смерил его надменным взглядом, немедленно двинулся к двери, распахнул её и решительно вошёл в кабинет. Фон Пален сразу же шагнул за ним. Потом потянулись все остальные, убирая оружие в ножны. В небольшом помещении, с красными тяжёлыми портьерами на окнах стояла ужасная духота. Камин пылал, как плавильный горн. За огромным письменным столом красного дерева, в высоком резном кресле восседал с важным видом сам канцлер императрицы. Толстощёкий, румяный, с двойным подбородком, тем не менее, в свои сорок девять канцлер выглядел моложаво. Хорошо выбрит, сидел прямо, словно кол проглотил. На толстой шее бант с золочёной каймой. На коричневом бархатном камзоле сверкали золотом начищенные ордена. Позади него испугано жались двое секретарей. Канцлер быстрым взглядом окинул вошедших и надменно спросил:

– Чем обязан, господа?

– Вы прекрасно знаете, что нам надо, – с раздражением сказал Платон Зубов, опершись обеим руками о столешницу. Стол под его тяжестью испугано скрипнул. – Где манифест?

– В надёжном месте, – не смутившись, ответил канцлер.

– Так покажите его нам! – потребовал Зубов.

– Не имею права. Рукой Ея Императорского Величество на конверте написано: «Вскрыть в сенате после моей смерти». Царица ещё жива, – твёрдо ответил Безбородко.

– Так мы не будем его вскрывать, – заверил его Платон Зубов. – Нам бы только взглянуть и убедиться, что он целёхонек. Вот и Панин с фон Паленым в свидетелях.

– Дождёмся наследника, – насупился Безбородко.

– Сдурел! – нетерпеливо крикнул Платон Зубов. – Я должен охранять манифест. Я, – ткнул указательным перстом он себе в грудь, – сейчас во главе государства!

– Дождёмся наследника, – упрямо повторил канцлер. – Никуда манифест не денется. Постыдились бы, господа: императрица за стеной умирает, а что вы здесь устроили за балаган?

В кабинет робко вошли Великие князья Александр и Константин. Платон Зубов недовольно скривил губы, увидев на обоих внуках императрицы, и особенно на том, кто по манифесту должен стать новым правителем, прусские мундиры Гатчинского войска. Александр был бледен, Константин растерян.

– Доктор Роджерсон говорит, что государыне лучше, – еле разжимая обескровленные губы, произнёс Александр Павлович. – Шпанские мушки помогли. Может, все обойдётся, господа? – Он с надеждой и испугом оглядел лица присутствующих, но ни в одном не нашёл поддержки или даже сочувствия. – И…извините, мы, наверное, здесь лишние. – И братья скрылись обратно за дверью.

– И вот этот робкий скромняга – наш будущий правитель? – немного с сарказмом заметил фон Пален.

– Лучше скромняга, чем сумасброд – папаша, – ответил на это Платон Зубов.

– Ещё неизвестно, что написано в манифесте, – заметил Панин. – А вдруг в нем совсем не то, что вы думаете?

– А вам не терпится надеть прусский колет и салютовать эспонтоном? – уязвил Зубов.

– Крамола! Кра-мо-ла! – зарычал Безбородко. От возмущения у него побагровел нос, а мясистые губы затряслись. – Вы понимаете, о чем говорите, господа?

– Прекрасно понимаем, Александр Андреевич, – зло усмехнулся Платон Зубов. – Так, что делать будем?

– Ждать великого князя Павла Петровича, – твёрдо сказал Безбородко. – И не забывайте: там, – он указал на стену, – умирает императрица.

Часам к девяти вечера карета наследника подкатила к подъезду Зимнего дворца. Ее сопровождали шесть адъютантов верхом с факелами в руках. Слуги открыли дверцу кареты. Первым вылез Кутайсов, за ним – Павел. Великий князь подал руку супруге, Марии Фёдоровне. Та осторожно выбралась из кареты, путаясь в подоле шубы, взглянула в освещённые окна дворца и тихо, задумчиво сказала:

– Как давно я здесь не была.

– Ну, вот…, – неопределённо произнёс Павел, сделал рукой жест по направлению к входу, у которого уже толпились множество вельмож.

– Ваше Высочество, может, подождём? – трусливо спросил Кутайсов. У него стучали зубы не то от холода, не то от страха.

– Чего ждать? – не понял Павел. – Судьбу не ждут, она сама приходит.

Лишь только Павел Петрович переступил порог Зимнего дворца, как, громко цокая подковами, подошел эскадрон гатчинских гусар.

– Слава богу! Вы, Добров! – узнал меня Кутайсов. – Ах, и Вуич с вами! Ух! – с облегчением выдохнул он и снял шляпу.

– Что-то угрожает наследнику? – спросил я, спрыгнув с лошади.

– Да кто ж его знает. Даже если и угрожало – всемером с адъютантами мы бы не справились, а с вашим эскадроном – да хоть на штурм пойдём!

Павел тяжёлым шагом, чуть ли не прусским строевым, шёл по анфиладе Зимнего дворца. Треуголку надвинул на лоб. Из-под шляпы сверкали решимостью, но с искорками страха, тёмные глаза. Лицо бледное, нижняя губа брезгливо выпячена. Правая рука с тростью совершала нервные резкие движения в такт шагам. Следом семенила Мария Фёдоровна, вцепившись в левую руку супруга. А за ними уверенно грохотали каблуками и звенели шпорами чёрные гусары со свирепыми, раскрасневшимися от долгой езды по морозу, лицами. Множество придворных, съехавшихся во дворец, по случаю болезни императрицы, почтенно расступались перед этим грозным шествием и кланялись низко-низко. Павел даже не глядел на них.

У покоев императрицы он остановился. Караульных гренадёров тут же сменили гатчинские гусары.

– По уставу я обязан…, – начал было офицер стражи.

– Хорошо, что вы знаете устав, – оборвал его ротмистр Вуич, грозно взглянув исподлобья. – Можете сдать караул.

Павел вошёл в покои императрицы. В тусклом свете лампадок он увидел тяжёлый балдахин. На огромном ложе с кучей атласных подушек никого не было. Здесь стояла духота и ужасный смрад. Испуганные люди оглянулись на Павла и почтенно расступились. Их было много. Они занимали почти все покои.

Наконец он увидел мать. Тело императрицы горой покоилось на полу. Павел шагнул к ней. Приклонил колени. Полное, одутловатое лицо императрицы казалось вылепленным из воска. Темные трупные пятна уже начали проступать на обвислых щеках. Глаза полузакрыты. Из-под век виднелись покрасневшие белки. Она прерывисто сипела. Из края рта сочилась и пенилась тёмная струйка. Лекарь Роджерс заботливо вытирал рот царицы платком.

Павел поднялся, отозвал Роджерса в сторону. О чем-то спросил. Тот развёл руками.

Перед Павлом на колени рухнул Захар Зотов, старый камердинер императрицы, приставленный к ней ещё Потёмкиным.

– Горе! – заплакал он. – Не уберёг…. А что я мог сделать? Прости меня, Павел Петрович?

– Да в чем твоя вина? – пытался Павел отнять от него руку, которую Зотов покрывал поцелуями.

– Что ж теперь будет? – вырвался отчаянный стон у камердинера.

– Дурак! – оборвал его Павел. – Почему на кровать не уложили? Почему на полу?

– Так, сил не было…

– Молчи! – шикнул на него Павел и зашагал дальше.

Наследник оставил супругу в покоях императрицы, сам с Кутайсовым проследовал в кабинет канцлера. Увидев столь большое собрание офицеров, Павел слегка удивился. Багровый от напряжения канцлер сидел за большим столом. Справа от него стояла партия во главе с Платоном Зубовым, с другой стороны – Панин, фон Пален и несколько гвардейцев.

Безбородко тут же вскочил, отодвинув тяжёлое кресло, оббежал стол и склонился перед наследником. Все последовали его примеру. Только Платон Зубов слегка переломился, как бы подчёркивая свою значимость. Павел прошёл к столу и уселся в кресло, в котором только что восседал канцлер.

– По какому поводу собрались, господа? – стараясь говорить беззаботным тоном, спросил он.

– Обсуждаем передачу престола, – честно ответил за всех Зубов.

– Императрица ещё жива, – возразил Павел.

– Вы прекрасно понимаете, что дни её сочтены, – смутившись, но все же твёрдо произнёс Зубов. – И мы, представители дворянства, обеспокоены… – Он запнулся… – завещанием… Волею Ея Величества. В чьи руки перейдут бразды правления Великой Росси.

Павел долго молчал, отречено глядя на зелёное сукно стола. Никто не смел пошевелиться. Только поленья потрескивали в камине. Наконец Павел Петрович встрепенулся, как ото сна.

– Что же вы так жарко топите? – спросил он у Безбородко. – Дрова тоже денег стоят.

– У меня, видите ли, ревматизм, – заискивающе улыбнулся Безбородко. – Иногда так прихватывает – мочи нет терпеть.

– Где манифест? – напрямую спросил Павел. – Мне то вы можете его показать?

– Безусловно! – Безбородко засеменил к стене, где находился тайный сейф. Вскрыл металлическую дверцу и положил перед Павлом небольшой белый конверт, перетянутый чёрной атласной лентой.

– Вы знаете содержимое? – спросил Павел Петрович.

– Нет, – пожал плечами канцлер. – Сею тайну Её Величество не доверяла никому. Манифест был написан лично императрицей, без чьего-либо присутствия и запечатан тоже лично.

– Вы его вскроете? – спросил осторожно фон Пален.

– Не имею права, – твёрдо ответил Павел. – Здесь же написано: «Вскрыть после смерти в сенате».

– Вы же – наследник, – подал голос Панин.

– А вы в этом уверены? – недобро спросил Павел. – А если в нем иная воля. – Палец великого князя уткнулся в конверт.

– Дворец взят под охрану эскадроном Гатчинских гусар, – напомнил ему Панин.

За окном раздался барабанный бой и отрывистые команды.

– Что это? – насторожился Павел Петрович.

– Преображенский полк, – торжествующе объявил Платон Зубов. – Я велел поднять его по тревоге. Преображенский полк подчиняется мне. Сейчас ваших гусар сменят.

Наследник и его сторонники помрачнели. Окружение Платона Зубова – наоборот, приободрились.

– Пропустить! Как смеешь, собака преграждать? Изрублю! – раздался с улицы грозный голос. И тут же площадь наполнилась звоном подков по булыжнику.

– Аракчеев, – узнал фон Пален. – Прибыл с павловскими драгунами.

Зубов побледнел и сжался. Все чего-то ждали. Вскоре из коридора раздались торопливые, тяжёлые шаги. Аракчеев в дорожном плаще, без шляпы, весь в грязи вошёл, обежал всех взглядом, встал по стойке смирно перед Павлом Петровичем. Отрапортовал:

– Прибыл с Павловским драгунским полком. Павловский гренадерский и Гатчинский егерский вместе с артиллерией на подходе.

– А кто вам позволил вводить войска в Петербург? – гневно спросил Зубов.

– Простите, – быстро взглянул в его сторону Аракчеев. – У меня есть единственный начальник, перед которым я держу ответ, остальных – не признаю.

– Александр Андреевич, ну почему вы в таком виде? – возмутился Павел Петрович, но по его тону было понятно, что теперь-то он спокоен за себя и весьма доволен решительностью своего подчинённого. Если Аракчеев здесь – ему ничего не угрожает. – У вас мундир в грязи. Вы раньше не смели ко мне являться с докладами даже в нечищеных сапогах.

– Прошу меня извинить, я с марша – прямо сюда.

– Но к чему такая спешка?

– Убедиться, что с вами все в порядке.

– Со мной…. Как сказать, – покачал головой Павел Петрович. – Вот здесь, – он указал на конверт. – Мой жребий.

Вы слыхали о пресловутом манифесте?

– Да.

– Вот эти господа собрались, чтобы решить мою участь. Они спорят, чуть за оружие не хватаются…. Сами видели: войска подняли по тревоги. И все из-за этого конверта.

Может, вы дадите дельный совет: как поступить.

– У меня есть отличный совет, как выйти из столь затруднительного положения, – уверенно ответил Аракчеев.

– Так подскажите нам, – потребовал Павел.

– Позвольте!

Аракчеев сделал два шага к столу. Никто не успел ничего сообразить, как он схватил конверт и швырнул его в камин. Все разом ахнули. Платон Зубов громко икнул и повалился в обморок. Его пытались удержать, но разве такую тушу удержишь, он подмял под себя двух помощников и все же рухнул на ковёр, громко стукнувшись головой.

– Это же! Это же! – гневно задышал Безбородко. – Эшафот за такое самоуправство. Это же! Это же – пугачёвщина!

– На эшафот – готов, хоть сейчас, – торжественно-спокойно ответил Аракчеев, и обратился к просиявшему Павлу Петровичу: – Разрешите идти сменить мундир и расставить караул.

– Идите, – разрешил Павел и с восхищением взирал вслед уходившему полковнику. После перевёл взгляд на Безбородко: – А, каков?

– С такими полковниками и якобинская зараза не страшна, Ваше Высочество, – ответил канцлер, все ещё до конца не отошедший от наглости Аракчеева.

– Ваше Величество, – поправил Кутайсов назидательно.

– Что? – обернулся к нему Безбородко.

– Теперь надо говорить: Ваше Величество, – разъяснил гардеробмейстер.

– Ах, простите, – спохватился канцлер и с поклоном произнёс: – Ваше Величество.

– Господа, все – свободны! – громко приказал Павел Петрович. – Мы с канцлером займёмся разбором корреспонденции Её Величества императрицы, а вы выполняйте свои обязанности.

Тушу Зубова вшестером еле вынесли из кабинета и уложили на диван. Лекарь совал ему в нос нюхательную соль, стараясь привести в чувства. Он мычал, охал, отмахивался от соли, но никак не мог очухаться.

* * *

– Дело сделано, – сказал фон Пален. – Надо бы отдохнуть. Мы с вами, господа, уж больше суток не спали. Надо бы где-то перекусить, да вздремнуть. Желательно нам остаться во дворце: мало ли что может произойти.

– Это можно устроить, – сказал Панин, тут же поймал за шиворот лакея и приказал отвести их в кавалерские покои, заодно принести что-нибудь поесть. – И хорошего вина не забудь.

Нашли свободный будуар, по виду здесь жил какой-то высокопоставленный чиновник, может посол. Фон Пален тут же бесцеремонно плюхнулся на мягкую кровать, застеленную розовым бархатным покрывалом.

– Пётр Алексеевич, вы бы хоть сапоги сняли, – укорил его Панин.

– Признаюсь честно – сил нет, – пробормотал фон Пален, – Ну коль вы делаете замечание – сниму.

– Надо проявить уважение к здешнему обитателю.

– Надо, – нехотя согласился фон Пален, стягивая ботфорты.

Тут он заметил высокий резной шкафчик, скромно стоявший в углу.

– А что может в нем храниться?

– Вещи какие-нибудь, – пожал плечами Панин, устраиваясь на низенькой оттоманке.

– Вещи, говорите, – с сомнением произнёс фон Пален. – Дверцы в размер бутыли. Семён не потрудитесь взломать его.

– Да что же вы такое удумали? – возмутился Панин. – Это чужой шкаф.

– Интересно, что здесь за жаба обитала? Грех беру на себя, – настаивал фон Пален. – Ломайте, Семён.

– Не стоит! – в дверях стоял высокий широкоплечий человек в дорожном плаще и широкой треуголке. – Я вам подскажу, где ключ от шкафчика.

Он снял треуголку

– О, господи! – воскликнул фон Пален, вскакивая с ложа. – Прошу прощения, но мы не знали, что это ваш будуар.

– Да, да, я именно и есть – та жаба. Да вы сидите, Пален. Ох и Панин здесь. Однако удачно я попал, а то думаю:

приеду в Петербург, и выпить не с кем.

Говорил он добродушно, с лёгким южным акцентом. Наконец хозяин протиснулся в будуар. Появился ординарец с дорожными кофрами. Помог господину снять плащ. Под плащом оказался мундир вице-адмирала.

– Ступай, братец, – отпустил он ординарца. Повернулся к фон Палену и Панину. – Ну-с, представьте меня молодому человеку. Что это у него мундир солдатский?

– Только прибыл в Петербург, ещё не успел приобрести форму, – ответил я.

– Ну и не спешите, – махнул рукой вице-адмирал. – Ещё успеете. Ещё надоест эта форма. Ваш протеже, Пётр Алексеевич? – Спросил он у фон Палена.

– Никак нет. Мой, – отозвался Панин. – Добров Семён Иванович, недевича, как позавчера назначен на должность командира батареи.

– Ого! Поздравляю! – воскликнул вице-адмирал. – Банник знаешь в какую дырку совать?

Все рассмеялись. Я почувствовал, как краснею.

– Да, так, вот, – будто вспомнил вице-адмирал и протянул мне руку. – Иосиф Михайлович де Рибас. Прошу любить и жаловать. – И обратился ко всем: – Господа, давайте выпьем. У вас вид, как будто вы после недельного шторма. Я, правда, тоже не лучше – через всю Россию, из Крыма гнал, лошадей не жалел. Семён Иванович, вон там, сбоку ключик на гвоздике висит. Откройте шкафчик.

Тут же вошёл слуга с подносом. На подносе бутыль вина, фрукты, куски жареной рыбы и копчёного сала.

– Это вы заказали? – спросил вице-адмирал и брезгливо скривил губы. – Господа, ну как можно? – Он взял с подноса бутыль, повертел её и поставил на место. – Французское – какая гадость!

Я тем временем открыл шкафчик и извлёк две толстые стеклянные фляги.

– Ага! – удовлетворённо воскликнул де Рибас. – Вот здесь я держу коньяк. Настоящий, итальянский. А то приедешь, бывает в Петербург с докладом, шасть сюда – и пьянствуешь.

Все расселись за стол. Панин разлил по чаркам янтарный коньяк.

– А что за суета во дворце? Народу понаехало. И почему, собственно, господа, вы заняли мой будуар? – спохватился Иосиф Михайлович, поднимая чарку. Тут же махнул рукой. – Выпьем. Потом расскажете. За здоровье Её Величества! – произнёс он тост, но заметил, как все опустили глаза. – Что-то не так, господа?

Стекла затряслись от грохота пушек с Петропавловской крепости.

– Почему салют среди ночи? – не понял вице-адмирал. – Да объясните мне, что происходит, в конце концов?

– Императрица отошла, – тихо сказал Панин.

– Что? – не сразу понял вице-адмирал. – Отошла? Куда отошла? Вы имеете в виду… Вы в своём уме?

– Это так, – подтвердил фон Пален.

– А что ж…. О, Господи!

Де Рибас отставил чарку и рванул из будуара, опрокидывая мебель.

– Боюсь, господа, нам и в эту ночь поспать не придётся, – вздохнул фон Пален. – Упокой господи! – Перекрестился и залпом выпил коньяк. Мы с Паниным последовали его примеру. Затем молча встали и, поправляя на ходу одежду, поспешили к покоям Императрицы.

Хоть как-то протолкнуться ближе к будуару государыни не представлялось возможным из-за множества народу. Фон Пален первым сообразил и вскочил на подоконник. Я – за ним. Панин без того был высокий и все мог рассмотреть поверх напудренных париков. Отсюда мы увидели, как из спальни императрицы вышел генерал-прокурор, граф Самойлов и важно-торжественно произнёс:

– Милостивые государи! Императрица Екатерина скончалась, а государь Павел Петрович изволил взойти на всероссийский престол.

После этих слов воцарилась тишина. Но потом зал взорвался. Дамы падали в обморок. Иные принялись скорбно рыдать. Но были и вельможи, которые возликовали, принялись поздравлять друг друга, бросились обнимать Самойлова, принёсшего им благую весть. Я был крайне изумлён столь неприличному поведению и высказал свои соображения фон Палену.

– А вы как думали? – усмехнулся он, соскакивая с подоконника. Человек – низкая тварь, а придворные – ещё гаже.

– Не забывайте, что и мы из их круга, – напомнил ему Панин, – и тоже не особо скорбим о покойнице, а в душе ликуем переменам.

– Предлагаю не вдаваться в столь неприятные рассуждения, а пойти и выпить за…, – фон Пален задумался. – За здоровье нового императора.

* * *

Мы вернулись в будуар. Выпили ещё по рюмке коньяка. Пушки за окном вновь грохнули нестройным залпом.

Попробовав закусить салом с хлебом, я почувствовал, что в глотку ничего не лезет. Рыба вкусная, но есть не хотелось. Вдруг вспомнил Софью, ту черноволосую, кареглазую девчонку. Мы так же сидели в полутьме прошлой ночью и ели засахаренные фрукты. Я вновь как будто ощутил её тепло, её звонкий голоса, увидел блестящие темно-карие глазки, вздрагивающие длинные реснички…

– Что с вами, Добров? – удивился фон Пален. – Как будто вы узрели ангела.

– Задумался, – смутился я.

– О чем же? Наверное, о маминых пирогах вспомнили? – пошутил Никита Панин.

– Я познакомился с удивительной девушкой. Она – просто чудо! – невольно вырвалось у меня. Я так хотел с кем-нибудь поделиться неожиданным счастьем.

– Поздравляю! – хохотнул Панин. – Зря время не теряете.

– Когда это вы успели? – удивился фон Пален. – У Жеребцовой на приёме? Что-то не припомню возле вас девиц.

Я понял, что сболтнул лишнего. Хотел отшутиться, но тут же встретил пристальный взгляд фон Палена. Лицо его вновь приобрело вид деревянной маски.

– Дайте-ка я догадаюсь. Вы познакомились с девушкой у баронессы, когда мне надо было отлучиться по делам. – Я молчал. – Та-ак, – протянул он. – Насколько помню, у моей тётушки только престарелая служанка, да и та на ведьму похожа. Софья! – Я вздрогнул. – Наша спальня… библиотека… дальше буфетная… Она опять взломала буфет и ела сладости ночью? Отвечайте!

– Не могу, – крепился я.

– И вы при сем участвовали, да ещё помогали ей. Я прав?

– Да, – сдался я. А что делать? Он припёр меня к стенке. И откуда он все знал?

– Откуда я все знаю? – как будто прочитал мои мысли фон Пален. – Так это же – моя дочь. Ей шпионкой надо быть. Любой шкафчик, да хоть – сейф, где хранятся сладости, она взломает вмиг. А заболтать может кого угодно. Сколько её ругали, сколько наказывали – все бес толку. Опять она тётушкин буфет ограбила. Ну, Семён, уж вы у меня смотрите! – в шутку, а может серьёзно погрозил фон Пален.

Мне стало стыдно, как мальчишке, попавшемуся на воровстве конфет.

А Панин от души расхохотался.

– У вас дочь с характером? Право, я вам завидую. Мадмуазель Софья не пропадёт в нашем обществе.

– Прошу вас, не ругайте её и не говорите баронессе. Я дал слово молчать о нашем ночном приключении, – взмолился я.

– Её ругать? – хмыкнул фон Пален. – Ругать Софью – напрасное дело. Она раскается, расплачется, а ночью опять взломает буфет, съест все цукаты. Вот сколько раз говорил баронессе: берете её на ночь из института, не покупайте сладости.

Фон Пален с досадой вздохнул, рухнул на кровать и тут же захрапел. Панин улёгся на оттоманку.

– А вы серьёзно влюблены? – спросил он.

– Не знаю, что ответить, – я пожал плечами. – Наверное, я ни разу не влюблялся. А разве возможно, вот так, с первой встречи?

– Вполне, – серьёзно ответил Панин. – Я же влюбился в свою Софью Владимировну. Из похода тогда вернулся, мне казалось, никак не мог отмыться от грязи, от крови, от вшей…. На первом же балу её встретил – и все! Как воск растаял. Что угодно готов был отдать только за один её взгляд. Да хоть – жизнь! Ох и гневался тогда отец! Терпеть не мог Орловых. А она – дочь Владимира Орлова. Видишь, как вышло: вроде бы грех совершил, женившись против воли родителя. А с другой стороны, любовь, разве грех? Ну, да ладно. Покойной ночи.

Он отвернулся к стене. Я устроился в глубоком мягком кресле и только расслабился, как тут же меня затянуло в тёмную кисею глубокого сна.

* * *

Проснулся я от холода, пробравшегося в наше убежище. Почему-то печи не топили. Ноги задеревенели. Пальцы на руках не чувствовал. Очень хотелось пить. Осторожно поднялся, разминая затёкшие суставы. От холода бил озноб.

Товарищи беззаботно спали. Ворвался де Рибас, быстро раскрыл один из своих дорожных кофров, достал какие-то бумаги и вновь убежал. Я вышел в тёмную анфиладу. Дальше в просторном зале перед покоями императрицы горели свечи в канделябрах. Слышался гул голосов, шарканье ног по паркету.

Сглотнул комок. Горло сухое, как дымоход. Может быть, удастся раздобыть воды? Двинулся на свет. Ступни пронзили тысячи иголок. Колени затекли и еле сгибались. Вдруг сбоку, в тёмном углу услышал всхлипывание. Кому-то плохо? Я подошёл ближе. В скудном свете увидел маленького седого старичка. Он, скрючившись, сидел на стуле, закрыв ладонями лицо, и горько плакал.

– Позвольте, мне вам помочь? – спросил я. – Хотите, воды принесу…

Услышав меня, старичок тут же выпрямился, достал из кармана большой белый платок, утёр глаза:

– Не надо, – неожиданно резким голосом сказал он.

– Простите, – смущённо пробормотал я.

– Нет, это вы меня простите, – старик попытался улыбнуться. – Вы ко мне со всем сердцем, а я не знаю, как вам ответить. – Присаживайтесь, он показал стул на против.

Я присел. Осторожно спросил:

– Вы горюете об утрате?

– Об утрате? О, нет, молодой человек. Это не утрата, это – катастрофа, – скорбно сказал он. – Не по императрице я плачу, по эпохе. Умирает эпоха. Что от нашего великого времени осталось? – Он на мгновение задумался. – Вот, пять лет назад Григорий Александрович Потёмкин помер. Румянцев, Пётр Александрович еле живой: тоже недолго осталось старику. Из имения своего не выезжает. Орлов Алексей Григорьевич – и этот старый, как чёрт. И я уже ни на что не способен, как только кур разводить. Понимаете, молодой человек, это не императрица ушла, это целая, огромная эпоха!

– Да где же он? – неторопливо кричал де Рибас, топая подкованными сапогами по мозаичному паркету.

– Сию минуточку. Он где-то был здесь, – раболепно отвечал лакей, неся перед собой свечу. – Так вон они-с! – обрадованно воскликнул лакей, осветив угол, где сидели мы.

– Батюшка, Александр Васильевич, – всплеснул руками вице-адмирал. – Обыскались вас. Ну, ни как без вас нельзя.

Пойдёмте.

– Иду. Уже иду.

Старичок вскочил и живо зашагал вслед за де Рибасом, придерживая на боку длинную шпагу. Он был невысокий, но весь упругий, как на пружинах.

– Александр Васильевич? – спросил я у лакея. – Уж не Суворов ли?

– Он самый, – с уважением произнёс лакей. – Нынче весь свет России собрался. Горе то какое!

Неужели я только что разговаривал с самим Суворовым? С непобедимым Суворовым! Я много слышал о нем и читал. Мне он казался богатырём не меньше Платона Зубова…. А он…. Старичок. Великий старичок. Стальной старичок.

Выспросив у лакея, где можно найти воды, я отправился в кухню. Повара привычно суетились у плит, готовя завтрак для многочисленных гостей. Распорядитель предложил мне отменного квасу. От водки я отказался, а холодный квас выпил целый штоф. Пробрался темными анфиладами обратно в будуар.

Но поспать толком не дали. Только я забылся, как почувствовал, что кто-то тормошили меня. Разлепив кое-как глаза, я увидел перед собой опухшее от бессонной ночи лицо Кутайсов.

– Очнитесь же скорее, – требовал он. – Вас государь требует.

– Меня? – подскочил я.

– Ну, а я что вам твержу? Приведите себя в порядок.

Быстрее! Что же вы за копуша, ей богу?

Панин и фон Пален продолжали храпеть. Меня же Кутайсов потащил к кабинету канцлера. Все в том же натопленном помещении ярко горели канделябры, пылали угли в камине. Весь пол и огромный канцелярский стол были завалены бумагами и конвертами. Павел Петрович сидел за столом и внимательно перебирал пожелтевшие листки. Безбородко стоял на коленях и сортировал конвертики, перевязанные разноцветными ленточками и запечатанные сургучными оттисками. Кутайсов совершил изящный реверанс. Я зазевался, и гардеробмейстер тут же дёрнул меня за рукав:

– Ну?

Сообразив, я тоже согнулся в реверансе, взмахнув руками и выставив вперёд правую ногу.

– Ага, явился, – удовлетворённо кивнул Павел. – Вы-то и будете нам помогать.

Безбородко удивлённо поднял на меня взгляд:

– Ваше величество, простите за дерзость: вы этому недорослю хотите доверить государственные тайны? – Его голос дрожал от ужаса и от обиды.

– Кутайсов – свободны, – небрежно бросил Павел, как псу. Тот сразу же скрылся за дверью, аккуратно прикрыв створку, чтобы замок не слишком громко щёлкнул. Павел недовольно взглянул на канцлера и тихо со злобой спросил:

– А кому я ещё могу доверить? Назовите мне хоть одну фамилию?

– А вот же…, – Безбородко неуверенно ткнул пальцем в только что закрывшуюся дверь.

Павел хмыкнул.

– Вот, он, – кивком указал на меня. – Точно не выдаст. Посмотрите на этого юного шляхтича. Взгляд честный, лицо, как из камня вырезано – настоящий русский дворянин. Он и на дыбе ничего не скажет. Я людей сразу примечаю. Он – и Аракчеев.

– А как же я? – растерянно спросил канцлер.

– Конечно же, – снисходительно кивнул Павел. Поманил меня пальцем. Указал на кучу конвертов в углу кабинета. – Вам задание: разберите конверты по странам и по годам. Приступайте.

Я примостился на ковре перед кучей писем и принялся сортировать: Англия, Франция, Пруссия, Голландия, Швеция…

– Когда же это она все успевала? – удивился Павел. – Столько корреспонденции!

– Вы о Её усопшем Величестве? – несмело спросил Безбородко.

– О ком же ещё? С кем только она не переписывалась. Вот, смотрите – Вольтер. А вот письма от Дидро. А это от

Даламбера…. О! Это она писала Гримму. Послушайте-ка:

«Вольтер – мой учитель; он, или лучше сказать, его произведения, развили мой ум и мою голову; я его ученица». Так, так, – произнёс Павел задумчиво. – А учитель-то был вольнодумцем.

– А помните, Её Величество хотели пригласить на должность вашего наставника этого самого Жана Лерона Даламбера? Вот же учёный – так учёный!

– Помню, – нехотя согласился Павел. – Кстати, вот, она ему пишет, когда он отказался стать моим воспитателем: «Вы рождены, вы призваны содействовать счастью и даже просвещению целой нации: отказываться в этом случае, по моему убеждению, значит отказываться делать добро, к которому вы стремитесь. Ваша философия основана на человеколюбии, позвольте же вам сказать, что она не достигнет своей цели, если вы отказываетесь служить человечеству, насколько это возможно для вас». А вот, слушайте, это она о Дидро пишет: «…много и часто беседовала с ним, но больше с любопытством, чем с пользой. Если бы я его словам поверила, то пришлось бы все поставить вверх ногами в моем царстве. Законодательство, админи-

стративная часть, – все должно было бы перевернуться, чтобы дать место его непрактическим теориям. Видя, что ни одно из тех великих нововведений, которые он проповедовал, не было приведено в исполнение, он высказал некоторое удивление и даже высшую степень неудовольствия. Тогда, говоря откровенно, я сказала ему: господин Дидро, я прислушиваюсь с величайшим удовольствием ко всему тому, что ваш блестящий ум внушил вам высказать мне. Все ваши великие принципы, которые я очень хорошо понимаю, могут составить очень хорошее сочинение, но для дела они не годятся. Во всех ваших предположениях относительно введения реформ вы забываете только одно, именно разницу, которая существует между вашим положением и моим; вы работаете только на бумаге, которая все терпит и никаких препятствий не представляет ни вашему воображению, ни вашему перу; но я, бедная императрица, я работаю на человеческой коже, которая чувствительна и щекотлива в высшей степени».

– А вот, от Фридриха Великого, – подал снизу голос Безбородко.

– Дайте-ка сюда! – встрепенулся Павел. – Фридрих, действительно, великий правитель. – Он бережно принял письма и с жадностью начал читать.

Я старался не сбиться, раскладывая конверты по датам и по странам: Англия, Франция, Пруссия, Голландия, Швеция…

Безбородко выкопал из кучи бумаг небольшую тетрадку в сафьяновой красной обложке. Он попытался тут же её спрятать, но чуткий Павел заметил его движение.

– Что там у вас?

– У меня? – пролепетал Безбородко. – Да, тут… Тетрадь какая-то…

– Подайте её сюда, – потребовал Павел. – Ах, вот оно что, – протянул он, выхватывая тетрадь из рук Безбородко. – И вы ещё о доверии смеете рассуждать. Могу ли я вам доверять после этого.

– Помилуйте, Ваше Величество, – взмолился канцлер, краснея. – Экая безделица – эта тетрадка. Да, ну её – в камин…

– А это уж мне решать! – отрезал грубо Павел. – Мне сея тетрадка хорошо знакома, и почерк в ней. Видите, почерк какой? Человек умный, образованный писал: ни клякс, ни вымарашей. Буковка к буковке. Помните, чья тетрадка?

– Да как же, Порошина, Семена Андреевича, вашего учителя. Преподавал вам геометрию и арифметику.

– Учителя? – недовольно прервал Павел. – Он товарищем моим был лучшим. Вот, кого мне сейчас не хватает. Он мне не науки преподавал, он меня жизни учил, дружбе учил, преданности беззаветной учил. Он – не то, что все эти придворные подлизы, индюки в золотой парче. Он…. Он…. – Павел задохнулся от ярости. Отдышался и уже спокойно сказал: – Вот и умер в двадцать восемь лет, в самом расцвете. А не вы ли способствовали этому? – повысил голос Павел, прожигая взглядом Безбородко.

– Помилуйте, Павел Петрович, я-то тут при каких делах? Это все Панин Никита Иванович. Это все его доносы, что, якобы Порошин посмел свататься к Анне Петровне Шереметьевой. А она тогда была невестой Панина…

– Все! Хватит с меня этих грязных интриг и наговоров. В этом дворце все стены ими измазаны, все постели загажены! – закричал Павел. – И не смейте больше трогать Панина. Панин мне заменял всех – и отца, и мать, и наставников. Не мог он оклеветать Порошина.

– Конечно же, конечно, – пролепетал Безбородко.

– Тем более что невеста эта, Шереметьева, не досталась никому, – сказал он более спокойно.

– Да, многих в те годы оспа унесла. Ну и болезнь проклятущая, – покачал головой Безбородко. – Панин так горевал, так плакал. Невесте всего двадцать три года исполнилось.

Павел раскрыл тетрадь в середине, начал читать и вдруг разрыдался. Безбородко вскочил на ноги.

– Что с вами? Может позвать лекаря?

– Пустое.

Павел овладел собой. Вынул большой белый платок из кармана, громко высморкался. Тяжело вздохнул полной грудью. Грустная улыбка чуть тронула его тонкие некрасивые губы.

– Послушайте, – произнёс он. – «Запись первого ноября шестьдесят четвёртого года. Его высочество, – это обо мне, – рассматривая генеральную карту Российской империи, сказать изволил: «Эдакая землища, что сидючи на стуле всего на карте и видеть нельзя, надобно вставать, чтоб оба концы высмотреть». Да-а, помню я, помню. А вот здесь… Забавно: «У его высочества ужасная привычка, чтоб спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом за час ещё времени или более до того, как за стол обыкновенно у нас садятся (т. е. в начале второго часу), засылает тайно к Никите Ивановичу гоффурьера, чтоб спроситься, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтоб хотя несколько минут выгадать, чтоб за стол сесть поранее. О ужине такие же заботы. После ужина камердинерам повторительные наказы, чтоб как возможно они скоряй ужинали с тем намерением, что как камердинеры отужинают скоряе, так авось и опочивать положат несколько поранее. Ложась, заботится, чтоб поутру не проспать долго. И сие всякой день почти бывает, как ни стараемся его высочество от того отвадить».

– Ну, как же, как же, помню, Никита Иванович мне рассказывал, какой жёсткий распорядок у вас был, – заискивающе улыбнулся Безбородко. – Все по минуткам расписано было.

Возникла тишина. Гудело пламя в каминной трубе. Шелестели конверты. Я раскладывал: Англия, Франция, Пруссия, Голландия, Швеция…

– Что-то не так пошло с самого момента моего рождения, – вдруг мрачно изрёк Павел. – Я слышал, покойная императрица Елизавета, бабушка моя, сразу же забрала меня от матери.

– Именно так, – с готовностью подтвердил Безбородко. – Именно так потом поступила императрица Екатерина, забрав у вас новорождённого Александра.

– Ох, не напоминайте мне, – рассердился Павел. – И не сравнивайте бабушку, которая была мне ближе матери, и мать, которая напоминала мачеху. Да простит меня Господь. – Павел перекрестился.

– Как же. У вас люлька была выстлана лисьими шкурками. А кормилец сколько! Сейчас всех и не упомнишь.

– Что я запомнил, так это то, что меня вечно кутали, вечно топили печь, и от этого я вечно простужался. А все мои няньки, кто они были? Деревенские бабы. Что не вечер, так рассказывали сказки про леших, болотных, колдунов, чертей, утопленников…. После их рассказов я боялся спать в темноте. Мне мерещилась всякая нечисть: домовые, гномы… Однажды утром ко мне с прислугой зашёл карлик, Парамоша, помнишь? Шут был такой у бабушки? Я принял его за черта. Со мной такая истерика случилась – еле успокоили. Узнав о припадке, выяснив причину, бабушка решает пригласить в наставники Никиту Ивановича Панина. Как его тогда называли в Петербурге?

– Русским вольтерьянцем, – подсказал Безбородко, отрываясь от бумаг. – Умнейший человек. Любой вопрос мог растолковать, будь то философия, политика или математика. Литературу знал, будто сам написал все лично. Цитировал римских правоведов, словно был их личным другом.

– В том-то и дело – Умнейший! Помню, как он всех нянек и мамок в шею вытолкал. Поставил мне шестерых лакеев, эдаких вечно улыбающихся деревянных болванов, которые бегали за мной и удовлетворяли любой мой каприз. И подошел ко мне как-то хитро. Я терпеть не мог учёбу, а он меня заинтересовал. Да как увлекательно было! Я и немецкий быстро освоил. Не заметил, как на французском стал бегло читать. И латынь стал понимать. А какие мы вечера проводили за чтение Евангелие! Ох, что за времена были чудесные!

– Смотрите, что я обнаружил. – Безбородко поднял из кучи бумаг пожелтевший листок, исписанный аккуратными готическими буквами.

– Что это? – заинтересовался Павел.

– Описание крещения вашей сестры, великой княжны, Анны Петровны. Дата стоит: семнадцатое декабря, одна тысяча семьсот пятьдесят седьмой год.

– Отложите его во второстепенные бумаги, – небрежно махнул рукой Павел. – Бедный ребёнок, плот греховных утех моей матушки.

– Ну, что вы, Павел Петрович, – ужаснулся Безбородко. – Ваш батюшка Пётр Фёдорович признал отцовство.

– Признал? – хмыкнул Павел. – Признал! Почему же тогда срочно выслали из страны Понятовского?

– Господь с сами, Павел Петрович. – Безбородко принялся неистово креститься.

– Впрочем, какая разница, – безразлично произнёс Павел. – Все равно, дитя умерло, не дожив до двух лет. Ну и – ладно. Ну и – забыли. Понятовский стал королём Польши, хотя не заслуживал такой чести. Мягкотелый. Король должен быть твёрд, как скала. Король должен быть умён, как Сократ. А Понятовский только говорить умел красиво, потому и умер на чужбине.

– Ох, не говорите так о покойничке, – недовольно покачал головой Безбородко. – Он же здесь на Невском захоронен, в храме святой Екатерины.

– Костюшко – вот кто достоин польской короны. Вот – герой!

– Но он же – смутьян.

– Из смутьянов надо делать верных слуг, а не рубить им головы, почём зря. А Костюшку надобно освободить. Толк какой держать его в казематах? Всё, Речи Посполитой больше не будет. Прошло её время.

С рассветом корреспонденция усопшей императрицы была приведена к должному порядку. Пришёл обер-церемониймейстер Валуев с докладом: в придворной церкви все готово к присяге. Мне разрешили покинуть кабинет.

Я попытался вспомнить, где находился будуар де Рибаса.

Наверное, не туда направился и немного заплутал. Оказался у парадной лестницы.

Во дворце творилась суматоха. Бегали лакеи, рабочие переносили мебель. Военные куда-то спешили, звеня шпорами и бряцая саблями. Вельможи возмущались, пытаясь пройти сквозь снующую толпу. Все крутилось и вертелось. И посреди этого хаоса стояла девочка, лет двенадцати, в белой заячьей шубке, одинокая и растерянная. Она со страхом взирала на весь этот людской водоворот. Глаза её бегали, пытаясь найти кого-то. Лицо девочки было удивительно красивым и бледным, словно у античной статуи. Вдруг она зацепилась взглядом за меня, и все мир перевернулся и с грохотом обрушился. До чего же она была беспомощна и прекрасна! Её влажные бездонные глаза молили о помощи, и я, не раздумывая, направился прямо к ней, уворачиваясь от рабочих, несущих мебель, отпихивая лакеев, протискиваясь между вельмож и военных.

– Вы мне поможете? – тут же спросила девочка, как только я оказался рядом. – Я потерялась. – Она пожала плечиками и слабо улыбнулась. От такой застенчивой, милой улыбки я готов был свершить любой, немыслимый подвиг: крепости сокрушить, реки повернуть вспять, проложить дорогу сквозь полчища врагов…

– К вашим услугам, – тут же вызвался я, выпятив грудь. – Добров Семён Иванович.

– Я не отрываю вас от дел? – Её темно-карие, детские глаза глядели с такой доверчивостью, что я тут же ответил:

– Нисколечко. Всегда к вашим услугам. Куда вам надо попасть?

– Не знаю, – она вновь пожала плечиками. – Я в Зимнем дворце ни разу не была. Мне надо увидеть Марию Фёдоровну, или Великих князей: Александра и Константина.

– Великие князья, скорее всего, сейчас при полках, а к Марии Фёдоровне я вас проведу, – твёрдо пообещал я.

– Будьте добры, – обрадовалась девушка. Её лицо все просияло, зарумянилось, и уже совсем не напоминало античную статую. Глаза ожили и заблестели. – Можно я вас возьму под руку, иначе опять потеряюсь. Я вечно теряюсь.

Она вынула из собольей муфточки руку. Маленькая юркая ладошка скользнула мне под локоть. Я повёл её сквозь анфилады к дворцовой церкви, где должна была состояться присяга новому императору.

– Здесь не пройдёте, – остановил нас распорядитель работ. – В зал для приёмов носят столы.

– Как же быть? Нам надо попасть в церковь, – спросил я.

– Спуститесь во двор, пройдите к следующей лестнице, – посоветовал распорядитель.

Распахнув дверь, я шагнул на улицу и тут же ступил в огромную лужу. Мокрый снег валил стеной, таял на булыжниках, превращаясь в кашу. Девочка подняла подол шубки, обнажая изящные замшевые сапожки, но не решалась идти дальше.

– Они промокнут, – вздохнула она. – Я могу застудить ноги.

И вправду, снежная, хлюпающая жижа доходила мне до щиколоток.

– Что же делать? – остановился я в нерешительности. – Будем искать другой путь?

– А не могли бы вы…, – она замялась и покраснела. – Перенести меня. Я лёгкая.

– Вы позволите? – меня это немного смутило.

– Да, конечно, – ответила девочка и обвила мою шею руками.

Она действительно оказалась лёгкая. Под пышной заячьей шубкой было худенькое тельце, почти невесомое. Моя рука бесстыдно наткнулась на маленькую грудь, совсем крохотную. Под ладонью почувствовал сердечко, отбивающее частый такт. Одна ручка в муфточке щекотала мне щеку, а другая случайно попала под воротник. Прикосновение каждого горячего пальчика обжигало мне кожу. Я забыл обо всем на свете. Шагал осторожно, чтобы не поскользнуться и не уронить драгоценную ношу.

– Всё, – сказала она тихо, обдав замёрзшее ухо тёплым дыханием.

– Что? – не понял я, повернулся и близко-близко, увидел её карие большие глаза с темными зрачками, такие огромные, наивные, бездонные…

– Можете меня отпустить, – пошептали её розовые губки.

– Ох, простите, – спохватился я и осторожно поставил девочку на булыжники мостовой.

– Спасибо! – сказала она. – Ой, смотрите! – вдруг вскликнула она, указывая мне за спину.

Я обернулся. Во дворе Эрмитажа стоял конный патруль из пяти гатчинских гусар. Снег припорошил кивера, плечи всадников, лежал белыми холмиками на холках коней.

– Гусары? – не понял я её восторга.

– Кони совсем замёрзли. Смотрите, как ноги у них дрожат. И голодные, наверное, – заговорила она быстро и бросилась к всадникам, шлёпая прямо по мокрому снегу в своих замшевых сапожках. Подбежала к первой лошади и принялась собольей муфточкой стряхивать снег с ресниц животного.

– Барышня! Барышня! – грозно прикрикнул чёрный гусар. – Она же укусить может.

– Ничего она не укусит, – ответила девушка. Лошадь и впрямь стояла смирно, позволяя стряхивать с себя снег.

– Вы же муфточку испортите, – сказал гусар. – Намокнет.

– Вы кормили лошадей? Они же голодные, – не слушала она гусара.

– Сменят нас, и накормим. Скоро уже. А вы бы шли отсюда. Ротмистр увидит, нас накажет потом. По уставу не положено разговаривать с посторонними во время караула.

– Простите, – спохватилась девочка и отошла в сторону. – Я попрошу, чтобы вас не наказывали.

Лестница оказалась неосвещённой, и моя провожатая вцепилась обеими руками в мой локоть.

– Вы боитесь темноты? – спросил я без насмешки. – Ужасно! Темноты, грозы, пауков, змей и покойников… Как все обычные девчонки, усмехнулся я про себя.

Мы осторожно поднимались по скользким каменным ступеням. Пахнуло жареным мясом и приправами. Наверное, лестница вела в трапезную или в кухню. Впереди на ступеньках что-то зашевелилось. Сверкнули зелёным призрачным отблеском два огонька.

Моя провожатая взвизгнула, попятилась, чуть не свалилась в обморок. Вовремя успел её поддержать.

– Что это? – чуть не плача спросила она. В ответ раздалось мяуканье.

– Кошка. Всего лишь местная кошка, – успокоил я её. – А вы действительно – трусиха.

– Ещё какая, – согласилась девочка. – Вы не представляете, как я вам благодарна. Вот, как бы я без вас? Пропала бы.

Кошка чёрная с белыми лапками подошла к нам и принялась тереться о ноги. А за ней следом, подняв тоненькие хвостики, подбежало трое котят.

– Какие они хорошенькие! – умилялась девочка, присела на корточки и принялась гладить мяукающих и урчащих обитателей этой темной лестницы. – Они голодные. Их никто не кормит. Они же умрут с голоду. – Из глаз её потекли слезы.

– Ну, уж не умрут, – возразил я. – Разве не чуете, как пахнет? Наверняка их подкармливают, иначе они бы не находились здесь.

– Давайте немедленно разыщем лакея и прикажем накормить котят. – Она резко поднялась и направилась к двери.

За дверью, действительно оказалась трапезная зала. Небольшие столики застланы белоснежными скатертями. На них серебряные приборы и тонкие фарфоровые тарелочки.

Лакеи сновали, расставляя бокалы и графины с вином.

– Для кого накрывают? – спросил я у важного красноносого лакея.

– Для персон среднего чина и офицеров гвардии, – ответил тот. – Вы из гвардии?

– Семёновский полк.

– Простите, но почему вы не при мундире? Сейчас с этим строго.

– Я переведён в гатчинский артиллерийский полк. Мундир ещё не успел заказать.

Лакей подозрительно оглядел меня с ног до головы.

– Послушайте, – вдруг вмешалась девушка. – Там на лестнице голодные котята. Вы должны их немедленно накормить.

– Простите? – опешил лакей.

– Голодные котята. Они же умрут! Там, на лестнице.

– А, вы о кошке Мурке? – наконец сообразил он. – Не беспокойтесь, её хорошо кормят. Она охраняет лестницу от крыс. Мы помним о Мурке и о её приплоде. – Правда. А я думала…

– Так вы желаете поесть? – нетерпеливо спросил лакей, показывая всем видом, что у него полно дел, и он не намерен вести пустой разговор о голодных кошках. Ему, прежде всего, гвардейских офицеров надо накормить.

– Нет, спасибо, – поблагодарил я. – Нам надо пройти к дворцовой церкви…

– Я бы не отказалась от чашки чая, – вдруг объявила моя провожатая.

– Позвольте вашу шубку. Присаживайтесь за этот стол, – предложил лакей и умело приял меховую накидку, отодвинул стульчик, помог девочке присесть. – А вам? – обратился он ко мне. – Квас, чай, медовый сбитень? Пироги есть свежие, кулебяки с рыбой?

– Кваса и хлеба, – выбрал я.

– Будет исполнено, – и лакей удалился.

Я присел напротив странной спутницы. Её длинные реснички с маленькими серебряными капельками растаявших снежинок чуть подрагивали. В сером платьице с наглухо закры-

тыми плечами и высоким кружевным воротником, она вдруг показалась мне величественной, строгой. Да кто же она такая? Девочка поглядела на меня и загадочно улыбнулась:

– Как все странно? Какие удивительные приключения!

– Какие? – не понял я.

– Меня обычно опекают няньки, гувернантки, вечно следят за каждым моим шагом. А тут взяли и потеряли. – Она рассмеялась. – Вот им влетит! – Помрачнела. – И мне влетит. Ой! – вдруг встрепенулась она. – Надо было попросить лакея принести побольше хлеба!

– Зачем?

– Как, зачем? Накормить лошадей. Помните? Гусарских.

Мы бы спустились обратно и покормили их.

– Лошадям нельзя давать хлеб.

– Почему?

– У них начнутся колики. Их кормят зерном или сеном.

– А лакей не может раздобыть овса?

– Да не беспокойтесь вы так. Это же армейские лошади.

Их кормят досыта и в определённое время.

– Ну, хорошо, а караульным, хоть им что-нибудь вынести. Они же там, на морозе, под снегом.

– На то они и солдаты, чтобы призирать трудности.

Вот чудная, подумал я, и откуда она свалилась?

– Простите, наверное, я ничего не понимаю, – остыла она, часто хлопая ресницами. – Иногда мне бывает ужасно стыдно за свои слова или глупые поступки. Вроде хочешь сделать что-то хорошее, доброе, а оказывается – это никому не нужно.

– Не переживайте. И со мной такое случается. – Мне стало жалко её. Все величие разом улетучилось, и передо мной вновь сидела испуганная маленькая девочка.

Лакей принёс серебряный поднос. Он поставил перед моей спутницей чайную чашечку и спросил:

– Вам крепкий чай?

– Извините, я не буду пить из этой чашки, – возмущённо сказала она. – Вот видите, у неё на краю выщерблина. Это так некрасиво.

Лакей смутился.

– Сию минуту…, – и умчался. Пришёл вновь, и поставил перед капризной девочкой другую чашечку. Налил из одного чайничка дымящийся кипяток, из другого, поменьше, тёмную заварку. Рядом поставил хрустальный вазон с вишнёвым вареньем.

– Чай слишком горячий, – сказала девочка. – Не могли бы вы принести холодной воды?

– Конечно. – Лакей опять ушёл и вернулся с кувшином воды. Разбавил чай.

– Спасибо, – сказала она. – А варенье с косточками?

– С косточками, – подтвердил лакей.

– Я не люблю с косточками.

– Простите, мадмуазель, но без косточек у нас нет. Могу предложить чернику, перетёртую с сахаром или мёд.

– А вы из варенья вишенки уберите, оставьте один сироп.

– Сейчас сделаю, – безропотно согласился слуга и принялся ложечкой доставать из вазона ягоды и перекладывать на блюдце.

– Что это за пирог? – спросила девочка, указывая на треугольный кусок бисквита.

– Французский корж со сливочным кремом.

– Свежий?

– Конечно, мадемуазель. Вы же находитесь в царском дворце.

Наконец с вишенками было покончено. И в вазоне осталось ложки на три светло-красного сиропа.

– Я могу идти? – спросил лакей.

– Спасибо, – отпустила она его.

– Если ещё что-нибудь нужно – позовите. – И откланялся.

– Кошку не забудьте покормить, – напомнила ему капризница.

– Её-то, обязательно.

Я большими глотками выпил квас. С удовольствием съел кусок белого хлеба с острым сыром. А моя провожатая едва попробовала торт. К варенью даже не прикоснулась. Чаю сделала два глоточка и отодвинула чашечку.

– Все. Я наелась.

– Да вы же ничего толком не съели…

– Крем очень приторный, а чай с каким-то привкусом, – вновь начала она капризничать.

Я прибывал в растерянности. Кто же она? Что за кукла такая привередливая? Я обратил внимания до чего у неё нежные белые руки, как будто вылеплены из фарфора, с тонкими синими жилками. Кожа тонкая и прозрачная. Ноготки ровненькие, ухоженные.

Наконец мы пробрались к тронному залу. Народу собралось – не протолкнуться. Кавалеры в парадных костюмах, при орденах, при лентах. Дамы в парчовых дорогих платьях. Стоял удушающий запах ароматных масел, нюхательного табака и горячего свечного воска. Зал освещали яркие люстры. Толпа шумела, переговариваясь в полголоса, напоминая пчелиный улей.

– Простите, что сейчас происходит? – спросил я у высокого церемониймейстера в расшитой золотом красной ливрее. В руках он держал высокий скипетр, который венчал бронзовый двуглавый орёл.

– Присяга, – важно ответил он. – Поданные присягают новому императору.

– Вот, мы пришли, – сказал я девочке.

– Мне надо пробраться к трону, – сказала моя спутница.

– К трону? Но зачем?

Церемониймейстер взглянул в нашу сторону, стукнул скипетром об пол и громко объявил:

– Великая княжна Елена Павловна!

Толпа обернулась, расступилась и затихла. В образовавшемся коридоре, у дальней стены я увидел красный балдахин, под ним подиум, на котором стоял трон Российской империи. На троне восседал Павел Петрович в белом парадном мундире адмирала. Рядом, на троне поменьше сидела Мария Фёдоровна с младенцем на руках. Возле Павла Петровича стояли Великие князья: Александр и Константин в гвардейских парадных мундирах.

Я подумал, что и мне надо бы посторониться. За моей спиной стоит Великая княжна Елена Павловна. Бросил быстрый взгляд через плечо, но сзади никого не было. А моя провожатая вдруг приняла гордый вид и тихо обратилась ко мне:

– Подведите меня к трону.

– Идите же! Что встали, как столб? – не разжимая губ, прорычал на меня церемониймейстер.

И тут я сообразил, кто есть на самом деле моя спутница, эта капризная кукла. Я протянул руку. Великая княжна оперлась о мой локоть, и я повёл её к императору. А по обеим сторонам кавалеры и важные вельможи в парадных нарядных сюртуках склоняли головы. Дамы делали реверансы, шелестя парчовыми платьями. Когда мы оказались подле трона, я пропустил Великую княжну чуть вперёд и застыл по-военному. Девочка присела в глубоком реверансе, насколько ей позволяло её юное гибкое тело.

– А вот и наша Елена Прекрасная, – весело сказал Павел, обращаясь к Марии Фёдоровне. – А вы за неё переживали. Целёхонькая, живёхонькая, да ещё под руку с Парисом. Спасибо вам Добров, что позаботились о моей дочери. Который раз уже меня выручаете.

Тут из толпы придворных вынырнул Кутайсов, подхватил меня под локоть и, буквально, утащил в угол зала.

– Вы сдурели, Добров! – зашипел злобно он. – Какого чёрта вы являетесь на присягу к императору под руку с его дочерью? Посмотрите, как на вас глазеют все.

– Простите, но я же не знал, кто она.

– Не знали Елену Павловну? Издеваетесь?

– Клянусь! В первый раз её вижу. Увидел девушку в толпе… Она попросила ей помочь…

– Попросила помочь? И где вы её водили? Елену Павловну уже битый час по всему Петербургу ищут.

– Что вы разводите бурю в стакане? – навис над Кутайсовым высокий Панин. – Пропажу нашли, все закончилось благополучно. Идите, занимайтесь своими делами.

– Ах, вы мне будете указывать? – вскипел Кутайсов, но под холодным грозным взглядом Панина, удалился и затерялся среди толпы вельмож.

– Добров, вы, ей богу, странная личность, – к нам подошёл фон Пален. – Вскоре окажетесь в камергерах или на эшафоте.

– Не пугайте юношу, – попросил Панин. – Он и без того растерян. Посмотрите на него: бледный, как холст.

– А вы оглянитесь. Видите, как на нас пялятся. А Великая княжна Елена Павловна, та вообще глаз с Семёна не сводит.

Я помимо воли посмотрел в ту сторону, где находились младшие дети наследника, и тут же наткнулся на взгляд Елены. Она смотрела на меня с какой-то романтической тоской.

– Не лучше ли нам убраться, – предложил Никита Панин.

– Полностью с вами согласен, – кивнул фон Пален. – Я бы водки выпил и закусил чем-нибудь подходящим.

Мы втроём оказались в той же трапезной зале, где только что обедали я и Великая княжна, под видом капризной куклы. Туда же ворвался, словно ураган, де Рибас. За ним еле поспевали два ординарца. Один нёс шляпу и плащ, другой – широкую саблю.

– Эй, любезный! – окликнул де Рибас лакея, энергично поманив рукой, – щей, быстренько. Да наваристей. Кашу гречневую тащи с бараниной. И огурцов солёных в неё покроши. – Он плюхнулся на стул. – И водки!

– Простите, – сказал лакей, – но водку нынче подавать запрещено.

– Ты сдурел, что ли, не видишь, кто перед тобой? Я – вице-адмирал Иосиф де Рибас.

– Указ Его Величества, – развёл руками лакей. – Не желаете квасу?

– Неси квасу, коль такое дело, – вынужден был согласиться де Рибас. Увидев нас, пригласил за свой стол.

– Нет, вы слышали, господа, слышали? – возмущался он. Понизив голос, сказал: – Теперь в России даже вице-адмиралу запрещено пить водку.

– Вы же – испанец, – возразил фон Пален. – А испанцы любят вино.

– Да, испанец – согласился де Рибас. – Но я же – русский испанец. А все русские иностранцы пьют водку. Вон, Джакомо Кваренги встречали? Ещё тот любитель с утра хватануть. Если увидишь его большой нос цвета пурпурного заката – точно дерябнул стакан сутра.

Принесли квас и щи.

– А вы по какому делу в Петербурге? – спросил фон Пален у де Рибаса. – Из Причерноморья сюда путь неблизкий.

– Да тут, господа, невиданная подлость со мной приключилась, – выпрямился вице-адмирал. – Я честно тружусь на строительстве южных портов денно и нощно, рук не покладая. И все

на благо империи. Все для Великой России. И вдруг узнаю: Мордвинов, да Ростопчин кляузы на меня стали строчить, что якобы я ворую. Представляете, господа?

– А вы этого не делаете? – ехидно спросил Панин.

– Помилуйте, господа, мы же в России живём, – криво улыбнулся де Рибас. – Укажите на того, кто не ворует. Но! – он бросил ложку и поднял указательный перст к небу. – Пятьсот тыщь! Нет, вы слыхали? Пятьсот тыщь украл де Рибас! – он выпучил глаза и обвёл всех выразительным злобным взглядом. – Матушка наша, царство ей небесное, утвердила на пять лет всего три миллиона. Мне к сегодняшнему дню перечислили всего четыреста тысяч, и тех едва хватает. Я в долгах, как в шелках. Так кая я мог из этих четырёхсот украсть пятьсот? Свинство, господа. – И он вновь с жадностью накинулся на щи.

– Но вы отстояли правду? – осторожно спросил фон Пален.

– До того ли нынче, – хмыкнул вице-адмирал. – Тут сейчас такой шторм подымится, такой ураган…. Валить надо отсюда, да побыстрее. Вот, я сейчас поем – и сразу в карету. И вам советую не задерживаться здесь.

– Вы уверены? – Панин и фон Пален переглянулись.

– Посмотрите на меня, на старого гишпанского интригана. Я – и то – удираю, как старый корабль в тихую гавань. Пусть шторм утихнет, тогда расправлю свои рваные паруса.

Ели молча. Де Рибас быстро управился со щами, потом с кашей, поспешно вытер рот салфеткой и вскочил:

– Всего доброго, господа. Коль судьба закинет вас в южные края, всегда буду рад вас принять. – И поспешно удалился вместе с ординарцами.

В трапезной зале появился Аракчеев в новом мундире. Он походил на злого таракана. Чёрный короткий сюртук с золотыми шнурами и длинными фалами сзади, широкий офицерский шарф на поясе, белые лосины, высокие, до блеска начищенные, сапоги.

– Добров, к императору, – коротко скомандовал он.

Я вскочил из-за стола. Быстро вытер губы салфеткой.

– Послушайте, Алексей Андреевич, насчёт нас не было никаких распоряжений? – спросил, как бы, между прочим, фон Пален.

– А чего вы ждёте, господа? – удивился Аракчеев. – Что вас позовут на высокие должности? Боюсь вас разочаровать. В обществе и без того напряжённая обстановка. Павел Петрович выбрал мудрую тактику, решив не делать никаких перестановок. Зачем менять лошадей на переправе? А переправа нелёгкая. Вот, вытянут эти лошади воз, тогда и видно будет.

– А вы новая лошадь или старая? – постарался задеть его Панин.

– Я выполняю приказы – это моя работа, – невозмутимо ответил Аракчеев. – Видели де Рибаса? Он поступил умно. Наверное, уже Московскую заставу миновал. – И скомандовал: – Добров, за мной!

Я направился вслед за Аракчеевым, простившись с друзьями. Ко мне наперерез бросился лакей, бережно держа перед собой белую заячью шубку:

– Вот, забыли. Это же вы были с Великой княжной…

Аракчеев остановился, внимательно посмотрел на меня, на лакея, на шубку, вырвал её из рук слуги. Тот сразу же удалился.

– Добров, – сказал Аракчеев тихо, но твёрдо, – что вы себе позволяете?

– Но что я сделал такого дурного? – Меня уже начали раздражать необоснованные обвинения. Сначала Кутайсов отругал, теперь ещё Аракчеев. – Всего лишь проводил Елену Павловну. Я же не виноват, что она потерялась.

Я вам уже говорил: никогда не оправдывайтесь. Оправдания только унижают человека. Елена Павловна, – он потряс перед моим лицом шубкой, – уже замучила всех расспросами о вашей персоне.

– Но все же, покажите мою вину в этой истории, – потребовал я, а сам с трепетом подумал: О, боже! Она обо мне спрашивала.

– Виноваты в том, что слишком любезны. И не дуйтесь. Я вам добра желаю. Конечно, Елена Павловна мягкосердечная, приветливая и весьма привлекательная особа. Но не забывайте: она – Великая княжна и, к тому же, ещё очень юная. А, впрочем, что от вас скрывать? Из-за неё два молодых офицера, чуть старше вас, затеяли дуэль. Этим летом дело происходило. Хорошо, что оба отделались лёгкими ранами, но сосланы были под Оренбург. Не желаю вам той же участи.

– За дуэль? – удивился я.

– Не прикидывайтесь дурачком, Добров, – вновь начал злиться Аракчеев.

– Простите, – буркнул я. – Постараюсь вести себя более разумно.

Мы пришли к покоям усопшей императрицы. Спальная комната была наполнена дымом от кадила. Остро пахло ладаном. Перед покоями почти никого не было, но ещё стояла духота от присутствия многолюдной толпы. Императрицу уже облачили в белое атласное платье и уложили в постель. Голова покоилась в пуховых подушках. Через грудь и большой выпуклый живот, наискось возлежали орденские ленты. Перед небольшим аналоем дьякон читал Евангелие противным гнусавым голоском. Император стоял подле покойной и молился. Было ещё несколько человек, молчаливыми статуями застывшие у дверей.

Император закончил молиться, поклонился и вышел из спальной, направился в кабинет. Все последовали за ним. Через минуту дверь в кабинет отворилась. В проёме возник Кутайсов и приказал войти генерал-губернатору Петербурга, Архарову. Грузный невысокий генерал, лет пятидесяти пяти протопал в кабинет, звеня шпорами. Вскоре он вышел. Вид у него был весьма озабоченный. Вновь появился Кутайсов.

– Ростопчин, Фёдор Васильевич, – пригласил он высокого худого тридцатилетнего человека в строгом штатском платье. Заметил меня и Аракчеева:

– У кого шубку конфисковали? – зло посмеялся он.

– Не у вас? – с холодной улыбкой ответил Аракчеев.

– Добров, заходите и вы, – поманил он меня.

За столом сидел Павел Петрович и перебирал бумаги. Но это был уже не тот энергичный, нервный гатчинский генерал. Он как будто стал старше и величественнее. Движения его были тяжёлые, неторопливые, взгляд более суровый, немного туманный. Голос низкий с хрипотцой, как будто Павел Петрович слегка простудился. Перед ним стоял, вытянувшись в струнку, Ростопчин. Павел говорил ему:

– Понимаю, что ты устал. Я тоже устал, и мне совестно за это. Но потрудись, пожалуйста, съезди с Архаровым к графу Орлову и приведи его к присяге. Его не было нынче, когда все присягали мне. Завтра доложи мне, как у вас дело сделается. – Он заметил меня: – Кутайсов, его зачем позвали?

– Так вы же сами приказали вызвать Доброва. – А по какому делу? Напомните.

– Ну как же? Елена Павловна…

– Отставить! – рявкнул Павел Петрович. – Не до того сейчас. Ростопчин, возьмите этого юношу с собой.

– Позвольте поинтересоваться: зачем? – несмело спросил Ростопчин.

– Не хочу, чтобы вы с Архаровым снюхались. Добров за вами проследит.

Ростопчин открыл, было, рот, чтобы возразить, но тут же его захлопнул, сообразив, что спорить с императором в данную минуту опасно.

* * *

Тесная карета ехала медленно, трясясь по булыжной мостовой. В полном мраке, напротив меня расположился грузный старик Архаов, оперившись большими руками в кожаных перчатках на массивную трость. Рядом с генерал-губернатором Петербурга, словно кол проглотил,

сидел Ростопчин. Время подходило к полуночи. Ехали молча. Наконец Архаров нарушил молчание:

Странное нам дали поручение на ночь глядя, не правда ли?

Обращался он больше к Ростопчину, нежели ко мне.

– Я бы дорого дал, дабы не иметь сего поручения, – ответил Ростопчин. – Павел Петрович хочет, чтобы Орлов вспомнил двадцать восьмое июня шестьдесят второго.

– Убийство Петра Фёдоровича? – задумчиво пробубнил Архаров. – Так, Орлов его и прибил.

– Да что уж вы напраслину на графа наводите? – возмутился Ростопчин.

– Я, Фёдор Васильевич, старая ищейка. Я всех душегубов, всех воров в России-матушке знаю. В семьдесят четвёртом ловил смутьянов из шайки Емельки Пугачёва. Та ещё работёнка. Все притоны перевернул. Неделями из пыточной камеры не вылезал. Такого наслушался, да насмотрелся…. А потом шесть лет служил обер-полицмейстером в Москве. Все кражи, все разбои, все убийства через меня проходили. Бывает, дело до того запутанное, что и не понять, кто душегуб, а я взгляну на подозреваемых, и точно вижу: вот он – преступник. Вон он, – говорю. И – точно, падает на колени, кается.

– Да, слышал я о ваших методах допроса, – хмыкнул с презрением Ростопчин.

– Методы не важны, Фёдор Васильевич, важны результаты, – невозмутимо ответил Архаров. – Была б моя воля, я бы и Орлова заставил признаться в убийстве Петра Фёдоровича.

– Нет же, не убивал он. Я читал протокол вскрытия, – возмутился Ростопчин. – Да и вам наверняка попадался в руки документ. Там же ясно сказано: причиной смерти был приступ геморроидальных коликов, усилившихся от продолжительного употребления алкоголя, и сопровождавшихся поносом.

– Помню, помню: обнаружена выраженная дисфункция сердца, воспаление кишечника, были признаки апоплексии. Да что-то верится с трудом.

– Опомнитесь! Что вы такое говорите? – ужаснулся Ростопчин.

– Сейчас можно такое говорить, – уверенно ответил Архаров. – Раньше нельзя было, а сейчас время другое настало. Алексей Орлов его и убил. Вскрытие – вскрытием, да только мне как-то попали записи осмотра с места преступления. Язык у Петра Фёдоровича вывалился, как у придушенного, и кадык вдавлен был, лицо синее. Не слыхали об этих деталях?

– Признаться – нет.

– А ещё через мои руки прошли записи придворных медиков Кондоиди и Санчеса. Так вот, в этих самых записях ничего не говорится о плохом здоровье Петра Фёдоровича. Он переболел оспой и выздоровел. Плеврит у него однажды был – и все! Разве мог человек с дисфункцией сердца переболеть оспой? Да и от плеврита мог легко помереть. Нет, тут что-то не сходится.

– Вы думаете? Ну, а алкоголь? Частое чрезмерное употребление вина и водки может из здорового человека сделать больного за пару лет.

– А вы от кого-нибудь из окружения Петра Фёдоровича слышали, что он чрезмерно пил? Какую-нибудь историю или анекдот?

Ростопчин пожал плечами.

– В том-то и дело – выдумки все это, – сделал заключение Архаров. – Надо было оправдать преступление: мол, пьяница он был, хворал часто. Пиво английское он любил, согласен, но не злоупотреблял. Выдумки! Вот, сейчас все это и всплывёт.

Так за странной беседой доехали до нужного адреса на Васильевском острове. Ворота оказались заперты. Архаров принялся колотить своей тяжёлой тростью в дверь. Открыл сонный лакей.

– Камердинера графа разыщи, – приказал ему Архаров.

Вскоре появился камердинер, худой старик в больших растоптанных башмаках. Он сказал, что граф болен.

– Ничего не поделаешь, голубчик, – развёл руками Архаров. – Придётся будить. Доложи, что мы приехали по велению Его Величества.

Камердинер поклонился и пошёл будить графа. Архаров двинулся за ним.

– Николай Петрович, – попытался остановить его Ростопчин. – Куда же вы. Как-то неприлично…

– Ах, оставьте, – отмахнулся тот. – Быстрее дело сделаем, быстрее уедем отсюда.

В натопленной душной спальне неприятно пахло лекарствами. Окна наглухо закрыты тяжёлыми портьерами. На высокой кровати, кутаясь в пуховое одеяло, лежал граф Алексей Григорьевич и густо храпел. Камердинер растормошил его:

– Ваше сиятельство! Николай Петрович Архаров приехал.

Храп оборвался. Одеяло зашевелилось.

– Зачем? – простонал граф.

– Не знаю: он желает говорить с вами.

– Подай туфли и одежду какую. Тёплую дай. Тулуп дай.

Граф Орлов тяжело поднялся с постели. Лакей надел мягкие войлочные туфли на распухшие ноги старика, накинул ему на плечи тулуп. Хоть это был пожилой человек, но в нем все ещё чувствовалась мощь непобедимого в кулачных сходках Алехана Орлова. Уродливый шрам через все лицо делал его облик грозным, отвратительным. Тяжёлый взгляд из-под нависших седых бровей напоминал, что перед незваными гостями сам неустрашимый кавалергард и победитель Чесмы. Сам постаревший Посейдон предстал перед ними. Орлов, спросил сердито у Архарова:

– Зачем вы, милостивый государь, ко мне пожаловали?

Ночь на дворе.

Архаров моментально изменился. Из важного градоначальника превратился в угодливого просителя. Заискивающе улыбнулся и виноватым мягким голосом объяснил:

– Просим извинить за столь поздний визит. Но нас прислал к вам император. Велел привести вас к присяге.

– А императрицы разве уже нет? – Он поднял вверх глаза, и взгляд его наполнился тоской. Жёлтые старческие слезы потекли по небритым обвислым щекам. Он сказал, глубоко вздохнув: – Господи! Помяни её во царствии твоём! Вечная ей память!

Орлов-Чесменский посмотрел на гостей и с недоумением спросил:

– Но зачем сейчас? Я бы мог завтра приехать во дворец и присягнуть. Неужели государь не верит в мою преданность? Я верой и правдой служил его матери, служил отечеству. Разве кто может меня упрекнуть в нерадивости или трусости, или, не дай Бог, в предательстве?

– Воля государя не обсуждается, – напомнил ему Архаров, и сам испугался, что слишком пафосно произнёс последнюю фразу.

Граф опустил взгляд, задумался, тряхнул большой косматой головой. Решительно сказал:

– Хорошо, господа, я сейчас оденусь, и мы отправимся в церковь. Там, перед аналоем я дам присягу.

– Не стоит, – решил вмешаться Ростопчин. – Полночь уже. Храмы заперты. Присягу мы привезли с собой. Довольно будет приложить руку, и мы втроём засвидетельствуем, что вы совершили клятву в верности новому государю.

– Хорошо, но хотя бы прочту её перед образом, – согласился граф. – Пусть к вам троим Господь тоже будет свидетелем.

Слуга снял со стены образ и подал его графу. В другую руку всунул зажжённую свечу. Ростопчин раскрыл папку с присягой.

– Пусть сей отрок держит передо мной присягу, – попросил он, указав на меня.

– Не все ли равно? – удивился Ростопчин.

– Возможно, это вам покажется капризом старого дурня, но я так хочу. Я вижу, что он потомственный шляхтич, а мундир у него – солдатский. Я тоже носил солдатский мундир в его годах.

Я взял присягу и держал её перед графом, пока тот читал, подслеповато щурясь. Старик тяжело дышал. Часто прерывался. Иногда его покачивало, и я думал, что этот огромный, ширококостный старик вот-вот рухнет. Но Орлов прочитал клятву до конца и со свистящим вдохом перекрестился.

Мы спешно покинули дом графа Орлова. В душе у меня остался неприятный осадок, как будто мы незаслуженно унизили великого человека. Думаю, не у меня одного было неприятно на душе. Всю обратную дорогу Архаров жаловался, как его притесняли и унижали при царствии Екатерины Великой.

– Но позвольте, о каких притеснениях вы говорите? – Не выдержал Ростопчин. – Вы и орден Святой Анны получили, и генерал-губернатором Москвы служили, потом Новгородской и Тверской губерниями командовали, а сейчас вы – столичный губернатор. Вам грех жаловаться.

– Ах, что вы! Я к Павлу Петровичу давно душой прикипел. За это меня и одёргивали раньше. Но теперь я всем покажу, как надо служить императору.

Ростопчин вышел у своего дома на Миллионной. До Зимнего дворца не больше двухсот шагов, и я тоже вылез из тесной, душной кареты Архарова. Решил прогуляться по ночной улице. Ночь была удивительная. Повалил пушистый густой снег, укрывая улицы и дома белым нежным налётом. Архаров попрощался и поехал в другую сторону.

– Благодарю вас, что были с нами, – пожал мне руку Ростопчин. – Если б не вы, я бы не знаю, как выдержал общество этого старого сторожевого пса, Архарова.

– Да не такой он уж и нудный, – пожал я плечами. – Просто, боится потерять место и перед каждым показывает, как он предан новому императору.

– Да вы слышали, что он говорил? Если бы я его не знал, то мог бы подумать, что он был гоним за твёрдость духа и честь, – все возмущался Ростопчин. – А Павел Петрович ещё боялся, что я с ним снюхаюсь. Да не бывать этому! Кстати.

Семён…. Как вас…

– Иванович. Семён Иванович Добров.

– Вы не пропадайте, Семён Иванович. Вижу, вы человек, хоть и молодой, но весьма рассудительный и исполнительный. Если получу от нового императора хорошую должность, такие помощники мне просто необходимы будут.

– Спасибо, весьма польщён.

– Если во дворце негде будет остановиться на ночлег, не стесняйтесь: вот мой дом. В любое время – милости прошу.

Несмотря на поздний час, на Дворцовой площади было много солдат. Ярко горели костры. Плотники сооружали полосатые караульные будки со шлагбаумами, точно, как в Гатчине. Я заметил группу офицеров. Среди них узнал Великого князя Александра в мундире Семёновского полка. А с ним рядом Аракчеева.

– Добров, – окликнул Аракчеев. – Как все прошло?

– Распоряжение выполнено в точности, – отрапортовал я.

– К Павлу Петровичу сейчас не суйтесь: дело не столь важное, да и спит он, наверное, уже. И вам бы надо поспать. Подите в кавалерские покои, потребуйте, чтобы вам отвели спальную комнату и накормили. Если дневальный офицер будет артачиться, ссылайтесь на распоряжение военного коменданта Петербурга.

– Вас назначили военным комендантом? – обрадовался я.

– Представьте себе, – сухо подтвердил Аракчеев. Вдруг заметил, что мне зябко и спросил: – А почему вы без епанчи?

– У меня нет, – пожал я плечами.

– Так получите на вещевом складе. Добров, давайте уже, будьте самостоятельным. Вы давно не ребёнок, и нянек здесь нет.

Из снежной завесы вылетел всадник в синей форме курьера.

– Где можно найти полковника Аракчеева? – спросил он.

–Нет такого полковника, – ответил Великий князь Александр. – Есть генерал-майор Аракчеев.

* * *

Впервые за все пребывание в Петербурге мне удалось выспаться. А все дело в том, что мне отвели самый тёмный закуток. Свет из окон сюда не проникал. Возможно, раньше здесь был чулан, но чулан сухой и тёплый. Когда дежурный офицер утром поднимал всех к вахтпараду, ко мне в закуток не заглянул. Я же, утомлённый вчерашним днём, так крепко спал, что не услышал побудки. Впрочем, ничуть не расстроился, когда встал и не увидел никого в кавалерских покоях. Ни храпа, ни запаха сапог, ни табачного дыма. На кухне меня накормили перловой кашей с салом. После я почистил мундир, натёр дёгтем сапоги и отправился на Царицын луг, где проходил смотр войск.

Погода стояла ясная. Выпавший за ночь снег таял, превращаясь в огромные тёмные лужи. Ветер трепал верхушки голых деревьев. Смотр войск уже закончился. Колонны гренадёров и егерей расходились по казармам. Горожане, пришедшие поглазеть на парад, прогуливались по опустевшему плацу. Тут же кучковались офицеры и что-то горячо обсуждали. Среди одной такой группы офицеров я заметил высокую фигуру Панина.

– Это ужасно, – говорил ему гвардейский ротмистр в богато расшитом мундире. – Назвать семёновец болванами – неслыханное оскорбление! Семёновский полк – лучший гвардейский полк в России, а то и в мире. А он их – бабьи юбки.

– Думаю, Аракчеев вам не по зубам, – остудил его Никита Петрович. – Терпите.

– Но как такое стерпеть? – возмущался офицер.

– Вы же не сможете вызвать его на дуэль, даже всем полком. – Панин заметил меня. – Кстати, хочу вам представить Семёна Ивановича Доброва.

Офицеры пожимали мне руку, представлялись, но как-то сразу забыли о моем присутствии и принялись дальше обсуждать новые порядки, вводимые в войсках.

– Тут такое было, – тихо объяснил мне Панин. – Новоявленный император смотр учинил гвардейским полкам, да Семёновский полк оплошал. Строй – ни к черту. Экзерсисы выполняли прескверно. Аракчеев в сердцах и назвал их болванами. Вот, теперь господа офицеры возмущаются.

Подкатила открытая коляска, в которой сидел фон Пален, кутаясь в плащ, подбитый бобровым мехом, А рядом в собольей шубке и в такой же шляпке сидела прелестная юная девица, в которой я, с замиранием сердца, узнал…

– Фон Пален! – приветствовали его офицеры. – Поглядите, кто это с ним? Неужели этот ангел – маленькая Софи?

– Рад видеть вас, господа, – ответил фон Пален, сходя на мостовую и помогая ангелу выпорхнуть из коляски. Румяное личико Софьи искрилось счастьем и молодостью. Глаза сияли от радости. Губки расплылись в очаровательной улыбке, обнажая белые крепкие зубки. Молодые офицеры страстно целовали ей ручку, вынутую из лисьей муфточки. Но меня она даже не замечала. Так – скользнула взглядом.

– Моя дочь, Софья, – представлял фон Пален ангела офицерам.

– Добров, Семён, – дошла очередь до меня.

Софья вспыхнула, но ровным голосом проворковала:

– Очень приятно познакомиться.

– А я думал, вы уже знакомы, – как бы удивляясь, проронил фон Пален.

– Ну что вы, папа, откуда же я могу знать этого юношу? – искренне удивилась юная плутовка. – Вы сами знаете, как у нас строго в институте. А может быть, – она поморщила чистый лобик, как будто что-то вспоминая. – Вы не были у нас на Рождественском балу в прошлом году?

– Я вам напомню, – усмехнулся фон Панин. – Он был той ночью, когда вы, мадмуазель, взламывали буфет тётушки Элизабет.

Очаровательные глаза прелестной Софьи зло сузились.

Она с презрением посмотрела пристально на меня: – Вы, сударь, все разболтали?

– Он не виноват, – тут же заступился фон Пален.

– Папа, вы должны вызвать его на дуэль, – задышала она гневно.

– Мадмуазель Софи, кого вызвать на дуэль? Мы готовы хоть сию минуту ради вас изрубить в капусту любого, – тут же нашлись молодые гусары.

– Нет, господа! – жестом остановила их Софья. – Это дело семейное. Я лично прострелю ему сердце. Именно – прострелю! О камень, что в вашей груди, шпага сломается.

– Софья, прекратите, – строго сказал фон Пален. – Семён не виноват, что у вас отец – опытный шпион.

– Что я слышу? – удивлению и гневу Софьи не было предела. – И вы ещё его защищаете? Вы на его стороне?

Она фыркнула и обиженно отошла в сторону.

– Мне надо как-то извинится? – несмело спросил я у фон Палена.

– Пусть остынет, – посоветовал он. – Девичий гнев вспыхивает, как солома, горит ярко, но недолго.

– Господа, Мария Фёдоровна и великие княжны, – пронёсся шёпот, словно порыв ветра. Офицеры вытянулись, обротясь к проезжающей карете. Шесть лошадей белой масти, запряжённые цугом, влекли длинную раззолоченную карету императрицы Елизаветы с большими стеклянными окнами. За тонкими шёлковыми занавесками угадывались профили императрицы Марии Фёдоровны, фрейлин и дочерей. Кучер важный, в пёстрой ливреи, восседал на передке. Форейтор на правой передней лошади кричал на зевак, чтобы посторонились. На задке стояли двое рослых лакея.

Вдруг карета остановилась. Один из лакеев соскочил на землю и приоткрыл дверцу.

– Что это, господа? – заволновались офицеры. – Посмотрите, там же Елена Павловна. Как она очаровательна. Надо же! А как подросла! Как расцвела! Лакей направился к офицерам.

– Кто из вас будет Добров, господа? – спросил он.

Офицеры изумлённо переглядывались: кто тут среди них счастливчик?

– Кому я понадобился? – не своим голосом ответил я, сглотнув ком.

– Вас просит Великая княжна Елена Павловна.

Я направился к карете, а за спиной услышал удивлённый гул голосов. Елена Павловна сидела с краю на плюшевом диване. Я снял шляпу, поклонился Марии Фёдоровне. Та едва кивнула. Елена Павловна позволила поцеловать руку и, нагнувшись к моему уху, быстро сказала:

– Мне удалось уговорить папа. Вас пригласят на ужин.

– Позвольте узнать, за что такая честь? – спросил я, но лакей захлопнул дверцу перед моим носом, и карета покатила дальше, чуть не наехав задним колесом на носки моих сапог.

– Что же это такое? – насмешливо спросил один из гусар у Никиты Панина. – Вы говорили, что это ваш протеже, однако, он сам, кого хочешь, протежирует.

– Везунчик, – развёл руками Панин. – Он нам сейчас сам все расскажет.

Я уже прокручивал в голове, как объяснить эту странное происшествие, но вдруг передо мной возникла разгневанная Софья:

– Что это было? Ах вы…. Ах вы… предатель! – и бросилась к фон Палену. – Папа, я требую, чтобы ты срочно увёз меня отсюда. Я больше ни минуточки тут не останусь!

Она уселась в коляску и демонстративно отвернулась.

– О-го-го, – засмеялись офицеры. – А этого юношу надо принять в гусары. Срочно! Наш человек!

– Прошу прощения, господа, – сказал фон Пален. – Уезжаю в Ригу. Надеюсь вновь увидеться. – Отвёл меня в сторону и очень серьёзно сказал: – Будьте осторожны, прошу вас. С первых дней столько внимания к вашей персоне – не к добру, хоть вы и Добров. Если что случится, приезжайте ко мне в Курляндию. Буду всегда рад видеть вас. Помогу, чем смогу.

– Благодарю вас, – ответил я. – Мне очень жаль, что все так получилось…

– Вы об этом злом котёнке? – кивнул он в сторону Софьи. – Не переживайте. Девчонки в таком возрасте страшно ревнивы. Ну, все, прощайте.

Коляска покатила по раскисшему снегу. Я смотрел ей вслед. Чувствовал, как Софья хочет обернуться, но сдерживает себя из последних сил. И все же она не выдержала: бросила краткий взгляд через плечо. Щеки девушки блестели от слез, но она улыбнулась, как будто сверкнул лучик солнца сквозь облака. У меня отлегло от сердца.

– Я тоже вынужден покинуть Петербург, – сказал Панин. – Вот здесь письмо. – Он сунул мне в руку серый конверт. – К одному ростовщику. Он купит вам все необходимое. Деньги выплатите ему потом. Он многим обязан моему отцу. Я поручился за вас. Для меня – это пустяк.

– Премного благодарен, но может не стоит, – смутился я.

– Иначе вы не сможете нести службу, – объяснил Панин. – Да вы не переживайте. Спросите у любого офицера – все в долгах. Здесь – это нормально.

Служба

Посыльный приказал срочно явиться к Аракчееву. Я побежал в генштаб. Дежурный офицер провёл меня через приёмную полную народа в просторный кабинет с большими окнами. Паркет блестел, словно лёд на катке. По стенам портреты генералов. Аракчеев был не один. В кабинете ещё находился Великий князь Александр. Генерал сидел за небольшим массивным столом. Строгий чёрный мундир со стоячим алым воротником шёл к его грубому лицу с носом картофелиной и выпуклыми надбровными дугами. Он быстро писал и одновременно беседовал с Великим князем. Длинное перо летало по бумаге. Александр Павлович сидел рядом в мягком кресле. Синий мундир офицера Преображенского полка был изыскано украшен золотыми шнурами. Когда я вошёл, они что-то обсуждали. Что-то не совсем приятное.

– Добров, вам велено прибыть на ужин к императору, – встретил меня Аракчеев новостью. Встретил не очень приветливо. – Вы хоть понимаете, что это за мероприятие?

– Не могу знать, – растерялся я.

– Вот, незадача. Кто его пригласил? – раздражённо обратился Аракчеев к Александру. – Как его могли пригласить, если патент на звание и приказ на должность ещё не подписаны?

– Догадываюсь, что это интрижка моей сестрицы Елены, – предположил Александр Павлович.

– О, господи, Добров, ну что в вас нашла Елена Павловна? – вздохнул генерал.

– Не могу знать, – искренне ответил я.

– Ну, и как он предстанет перед обществом? – сокрушался Аракчеев. – Соберутся все министры, генералы, послы…. Нельзя же ему в солдатском сюртуке, без звания садиться за один стол с высшими чинами.

– Предлагаю возвести его в чин подпоручика срочным рескриптом, – предложил Александр.

– За какие такие заслуги? – возмутился Аракчеев.

Потом разжаловать. После ужина.

– Может, лучше ему ногу сломать или руку – вполне уважительная причина не появиться на ужине, – зло пошутил Аракчеев. – А мундир где он возьмёт?

– Могу предложить свой старый, – нашёлся Александр. – Мы с ним одной комплекции. – Александр грациозно поднялся, подошел вплотную ко мне. – Так и есть, – сделал он вывод.

– Ну, Добров, – погрозил Аракчеев перстом. – Чтобы вёл себя прилично. Не вздумай на еду набрасываться. И молчи. Все время молчи! Чавкать не вздумай. Коль будут что у тебя спрашивать… уж не знаю… дурачком прикинься. С Еленой Павловной держи себя соответственно, как с персоной царской фамилии.

– Дурачком прикидываться? – уточнил я.

– Не дерзите, молодой человек, – насупился Аракчеев. – Без вас дел невпроворот.

– Постараюсь оправдать ваше доверие, – пообещал я.

– Да, уж, постарайтесь!

* * *

Аракчеев шёл впереди в новом красном парадном сюртуке с золотыми шнурами. За ним Великие князья: Александр Павлович и чуть меньше ростом, Константин Павлович. Я шёл последним в тесном темно-зелёном мундире с длинными фалами. Все же сюртук оказался немного узковатым. Грудь сдавило и резало в подмышках, а рукава приходилось все время одёргивать, потому что они были коротки. Широкий офицерский шарф стягивал живот так, что вздохнуть представлялось с трудом. Белые узкие лосины обтягивали бедра, отчего чувствовал себя не совсем комфортно.

В Георгиевском зале собрался весь высший свет России. Но общество нынче выглядело скромно: строгие сюртуки, скромные сорочки без бантов. Дамы в платьях темных тонов. Неброские украшения. Скромные причёски. Вновь прибывшим лакеи тут же повязывали траурные атласные ленты на левое предплечье. К Аракчееву подошел озабоченный Архаров. Тихо заговорил:

Представляете, до сих пор нет указа о погребении императрицы.

– К чему такая спешка? – не понял Аракчеев.

– Ну, как же? – возмущённо зашипел генерал-губернатор. – А склеп подготовить? А надгробие сделать? А церемонию отрепетировать?

Церемониймейстер ударил жезлом об пол и объявил о приходе государя Всероссийского. Все тут же выстроились в живой коридор. Появился Павел в обычном своём скромном военном облачении. Его под руку держала Мария Фёдоровна. Только сейчас я заметил, что супруга была чуть ли не на полголовы выше императора. Платье скромное, немного старомодное. Лицо скрывала траурная вуаль. После царской четы следовали две девочки стройные и тонкие. Это были Великие княжны Александра Павловна, тринадцати лет отроду и двенадцатилетняя Елена Павловна. На них были надеты траурные платья из чёрного атласа, отчего их лица казались бледные обычного. Елена бегала взглядом по толпе, кого-то выискивая. Вытягивала шею, сбивалась с шага. Сестра её незаметно одёргивала. Вдруг Елена увидела меня, вспыхнула, словно солнце на восходе, и тут же опустила глаза.

Царская чета прошла в обеденный зал, откуда доносились ароматы изысканных блюд. Церемониймейстер пригласил гостей. Длинный стол, накрытый светлой скатертью, сиял от серебряных приборов. Белел дорогой фарфор. Искрились хрустальные фужеры. Император с императрицей восседали на высоких стульях во главе стола. По правую руку сели великие князья, по левую – великие княжны. Дамы и кавалеры рассаживались по местам, согласно билетикам, лежавшим возле приборов. Найти нужный билетик помогали лакеи. Грузный генерал лет семидесяти стоял возле великой княжны Елены Павловны и с недоумением разглядывал билетик. Он подносил его к левому глазу, разводил руками:

– Ничего не понимаю.

К нему тут же подошёл Кутайсов.

– Михаил Илларионович, что случилось?

– Меня всегда здесь садили, и в Гатчине я рядом с Еленой Павловной сидел, ухаживал за ней… – Так, присаживайтесь!

Не могу-с. Билетик не мой. Вот, полюбуйтесь: без герба, какой-то Добров.

Хоть разговор вёлся тихо, но Аракчеев услышал и тут же сердито засопел. Кутайсов потерял дар речи от такой наглости. Император Павел слышал все.

– Добров? – переспросил он.

– Он самый. Не понимаю, как это можно? – вспылил Кутайсов. – Кто посмел вместо директора шляхетского кадетского корпуса, вместо генерала посадить сюда… – он гневно задышал, отыскивая взглядом мою наглую персону.

Елена Павловна опустила голову и еле сдерживала слезы.

– Вы простите нас, Михаил Илларионович, – заговорил спокойно Павел. – Я провожу первый званый ужин в роли императора. Много новых лиц. К тому же – траур…. Вся эта суета…. Всякое могло быть: церемониймейстер билетики перепутал. Случайно. А может, с чьего-то уговора.

Слезы закапали на тарелку Елены Павловны.

– Сейчас мы исправим это недоразумение, – сказал Кутайсов решительно и уже хотел позвать церемониймейстера. Но Павел Петрович остановил его:

– Погодите, Кутайсов. – Обратился к генералу: – Михаил Илларионович, будьте добры только сегодня, уступите капризу одной совсем юной девицы. Обещаю, больше такого не повториться.

– О, если это касается дамы, да ещё юной, я с удовольствием уступлю своё место. Но где же мне сесть?

– Садитесь рядом. Вам подадут ещё один прибор и стул.

– Чего застыл, как истукан? – подтолкнул меня в спину Аракчеев.

Я под внимательными, изучающими взорами гостей и самого императора, подошел к указанному месту.

– Ага, – произнёс старый генерал, с интересом разглядывая меня: вот, оказывается каков этот наглец. Один глаз смотрел в упор, как с пушки разил, другой, с полузакрытый веком, как будто дремал. – Мой соперник. Что ж, прошу.

Я подавил в себе робость: будь, что будет! В чем мне себя упрекать? Я что ли это все затеял?

– Благодарю, – смело ответил генералу и сел. Тут же обратился к Елене Павловне: – Не желаете шампанского, ваше высочество?

О, нет, – испуганно ответила она, вся просияв, утирая кружевным платочком глаза. – Мне запрещают пока ещё…

– Налейте, – позволил Павел, внимательно следивший за нашей сценой, – но лишь половинку бокала.

Ужин начался шумно и совсем не был похож на траурный приём. Лакеи разносили блюда, наполняли фужеры чудесным вином. Как только генералу, место которого занял я, предлагали очередное блюдо, он отвечал:

– Немного положите, а вот, моему соседу, пожалуйста, побольше. Ешьте, ешьте, молодой человек, – это он говорил мне. – Вон, вы какой бледный и тощий. Кавалер Великой княжны должен выглядеть соответствующе.

Елена ела немного, словно птичка клевала. Вилочка у неё была тоненькая и ножечек маленький. Она старалась, как бы случайно, задеть меня локотком. Бросала быстрые робкие взгляды. Когда наши глаза встречались, её щеки розовели. Она была счастлива. А мне как-то

становилось не по себе, как будто я по злой ошибке судьбы попал в заколдованное королевство. Здесь могло случиться всякое. Казалось, опасности так и подстерегают на каждом шагу.

– Прошу внимания! – громко сказал церемониймейстер. Стук вилок и ножей тут же стих. Челюсти захлопнулись. Все устремили взор на императора. Павел выпрямился, горделиво вздёрнув подбородок, громко сказал:

– Я рад видеть у себя на приёме лучших людей России. Рад видеть послов иностранных держав. Великое горе постигло нашу страну. Императрица, Екатерина Великая, правящая от моего имени более тридцати лет, скончалась.

По залу прокатилась волна шёпота: «От его имени?» «Он так сказал?»

– Вы не ослышались, – подтвердил выше сказанное Павел. – По восшествию на трон, моя матушка обещала народу и гвардии управлять страной честно и справедливо, пока я, наследник, не достигну совершеннолетия. – Павел сделал паузу. В зале повисла гробовая тишина. Слышно было, как ветер гудит в каминных трубах. Все понимали: настают иные времена. Теперь все будет по-другому. Павел выждал паузу и твёрдым голосом продолжил: – Вы не заметили, господа, что с престолонаследием в России не все ладно? Самодержец Пётр Алексеевич не оставил нам закона о наследии. Это привело к множеству недоразумений опасных для страны. Гвардия назначает правителей, а не закон. Так было с моей бабкой, императрицей Елизаветой, когда всего лишь рота Преображенского полка возвела её на трон; и с моей матерью то же произошло. Пора прекратить военные перевороты. Чего доброго, и до смуты дойдёт. Я желаю издать указ, по которому власть в России должна переходить старшему наследнику мужского пола. Ибо так поступают во всех цивилизованных странах. Справедливо? – спросил он у гостей, и тут же сам ответил: – Более, чем! Но тогда возникнет вопрос: кто мне передал власть? Мать? Это – неправильно. Я желаю восстановить справедливость. Мой отец должен быть коронован, пусть даже посмертно и перезахоронен в царской усыпальнице. А я должен от него, а не от матери получить божественную власть.

В зале поднялся несмелый гул.

Павел встал, и все гости тут же поднялись. Царь удалился в соседний зал для приёмов. Церемониймейстер пригласил послов иностранных государств последовать за правителем.

– Вот это – оборот, вот это – дела, – тихо сказал мой сосед, Михаил Илларионович, обращаясь к Аракчееву. – Вы что-нибудь поняли?

– Чего же тут не понять? – коротко пожал он плечами. – Петра Фёдоровича будем короновать и перезахоранивать.

Сами же слышали.

– Но, прошу прощения, разве такое возможно? Тревожить покойника – нехорошо.

– Ради порядка в государстве и покойник должен потерпеть.

– Я, наверное, ужасно глупо поступила, – заговорила Елена Павловна. – Но я сама не понимаю, что со мной твориться. Вас, наверное, накажут?

– Я не боюсь никаких наказаний, – ответил смело я. – Ради вас готов на всё, на любые экзекуции.

– Вы – настоящий рыцарь, – задыхаясь от счастья, произнесла Елена Павловна и чуть не заплакала. Положила пальчики на мою руку.

– Элен, вы неприлично долго беседуете с этим молодым человеком, – сказала маленькая смуглая дама, чем-то похожая на итальянку.

Но я только сказала пару слов, – обиженно возразила Елена Павловна.

– И этого достаточно, чтобы на вас весь свет глазел с нездоровым любопытством.

Маленькая итальянка взяла под руку расстроенную Елену Павловну и повела прочь. Девочка оглядывалась. Из глаз её вновь брызнули слезы.

– Ох уж эта Нелидова, – сквозь зубы проговорил Кутайсов. – Змея подколодная. Отряхнул воображаемую пылинку с моего плеча. – А вы высоко поднимитесь, если кто подножку не поставит. Надо же, самого Кутузова сместили. – Он неприлично хихикнул.

– Наверное, мне нужно перед ним извиниться? – предположил я.

– Попробуйте. Но будьте осторожны. Кутузов крут характером.

Кутайсов указал на кривого генерал, беседовавшего с Архаровым и ещё парой стариков в военных мундирах. Я подошел к ним.

– Вы ко мне? – повернулся всем телом генерал. – Один глаз его живо бегал, другой спал.

– Я хотел извиниться за это недоразумение.

– Недоразумение? – негодующе произнёс Архаров, хмуря седые брови. – Это оскорбление. Вы хоть знаете, кто перед вами стоит, молодой человек?

– Тихо, тихо, – протестующе поднял широкую ладонь генерал. – Что вы уж прямо так с плеча рубите, Николай Петрович? Я принимаю извинение, тем более, вы тут виноваты только отчасти.

– Но надо найти, кто подменил билетики, и наказать, – горячился я.

– Тихо, тихо! – вновь поднял ладонь генерал. – Вы его не накажите, и я не посмею. Подмену сделал Кутайсов, черт бы его побрал. И сделал по просьбе Елены Павловны. А ради Елены Павловны я готов терпеть что угодно. Так что – забыли, юноша. Забыли!

– Но как же? – не понимал я.

– Забыли! – настойчиво повторил генерал и вновь повернулся к своим собеседникам. Продолжил прерванный разговор.

Послы покидали зал приёмов с озабоченными каменными лицами. Церемониймейстер объявил, что император приглашает всех военных чинов. Я подумал, что мне пора потихоньку исчезнуть, но Аракчеев схватил меня за руку, как только я направился к выходу.

– Куда, Добров? Вы разве не военный?

– Но у меня чин поручика.

– Не важно. Вы с сего дня мой адъютант.

– С чего такая честь? – удивился я.

– Покровитель у вас высокий. Сами знаете.

Мне стало до боли обидно.

– Но, Алексей Андреевич, мне стыдно, что за меня хлопочет двенадцатилетняя девчонка, – вспылил я!

– Цыц! – пригрозил Аракчеев. – Да как вы смеете! – зашипел он, сжигая меня своим волчьим взглядом. – Какая она вам – девчонка? Великая княжна – запомните! Её высочество! Уж коли вляпались, так держитесь достойно до конца.

Я покорно пошёл за Аракчеевым в зал для приёмов.

Генералы, полковники, прочие высшие чины выстроились в две шеренги, лицом друг к другу, образовав коридор, по которому широким шагом прохаживался Павел Петрович.

– Я намерен, господа, произвести серьёзные изменения в армии, – решительно произнёс император. – Прежде всего, мне надлежит инспектировать флот и гвардию, провести реорганизацию артиллерии. Татищев, Николай Алексеевич.

– Я, Ваше Величество, – ответил подтянутый седой генерал.

– Что у нас по Преображенскому полку?

– Все в порядке!

– Сколько числится рядового состава?

–Три тысячи, пятьсот сорок четыре единицы офицеров и рядового состава.

– Сколько офицеров? – переспросил Павел и уточнил вопрос: – Я имею в виду всех вместе взятых: кто в строю, в отпусках, в лазаретах и тех недорослей, что приписаны с колыбели к вашему полку.

– Не могу знать, – ответил генерал. – Имею сведения только о действующих офицерах.

А я вам скажу. У меня эти сведения есть. – Ему подали бумагу. – Так, вот, в вашем полку числится более шести тысяч офицеров. И это при трёх с половиной тысячах рядовых. Ответьте: что сие безобразие значит?

Генерал побагровел. Его пышные усы шевелились, как у рака, щеки раздувались, но ответить он ничего не мог.

– И так, господа, в каждом полку. Повелеваю призвать всех офицеров, числящихся в учебных отпусках, и учинить экзамен. Кто не выдержит, вон со службы, а кто выдержит – пусть служат, здесь, в войсках. – Он подошел вплотную к генералу Татищеву, оглядел его мундир. – У вас есть здесь ординарцы?

– Так, точно!

– Позвать немедля! – приказал император церемониймейстеру.

Через минуту вошли два офицера. Павел обошёл их кругом, внимательно осмотрел со всех сторон. Мундиры их соответствовали званию адъютантов: шнуры с серебряной нитью, изящные вышивки канителью, пуговицы с хрустальными вставками, воротники с собольим пушком.

– Сколько стоит сей колет? Сколько вам он обошёлся? – спросил Павел у первого офицера.

– Двести рублей, ваше императорское величество.

– А вам во сколько? – спросил у второго.

– Двести пятьдесят, ваше императорское величество.

– И что, вот в таком петушином наряде удобно воевать? Все вот эти золотые вышивки способствуют поднятию боевого духа? Где он? – Павел резко обернулся. – Добров, подите сюда.

Я строевым шагом вышел на середину зала.

– Ну-с, – Павел оглядел мой мундир, вернее, мундир Александра Павловича, дёрнул рукав, проверяя на прочность. – Кутайсов, скажите, сколько стоит сей сюртук?

– Рублей двадцать, – ответил гардеробмейстер. – Возможно, на пуговицы уйдёт рубля два.

– Двадцать два рубля, – подвёл итог Павел. – А чем он хуже вот этих, за двести? – Брезгливо, пальцем указал на адъютантов. – Не блестит и не сверкает? Отныне я требую, господа, навести порядок в войсках. Никаких золотых вышивок, никаких муфт, никаких шуб и золотых побрякушек. Оружие, если оно не наградное – должно выглядеть, как оружие, а не как женская брошь. Скромность – одна из добродетелей воина христова. Вскоре вы получите новый войсковой устав, который надлежит исполнять в строгом соответствии.

Адъютантов отпустили, и те побыстрее удалились из зала.

– Далее! – Император ходил вдоль строя высших офицеров прусским шагом, сам не осознавая того, чётко ставил ногу. – Что за бардак творится в Кронштадте? Почему флотские офицеры разгуливают по Петербургу, не имея разрешения на отпуск? Едучи сюда, я увидел пьяную ватагу в коляске, в самом непотребном виде, да ещё с куртизанками. Я требую, чтобы флагманы и капитаны равно и офицеры от своих команд не отлучались и не ездили из Кронштадта в Петербург, а из Петербурга в Кронштадт, равно и в другие порты, не испросив дозволения. Устав должен соблюдаться неукоснительно. На то он и устав. Следующее! – Павел остановился и внимательно оглядел помрачневших офицеров. – Известно мне, что у высших чинов в домах городских и загородных содержится немало матросов и солдат в качестве прислуги. Так, вот, господа, солдаты и матросы призваны защищать государство, а не ублажать ваши потребности. Немедля отправить всех в расположение частей. Коль вам нужна прислуга – нанимайте, а солдат и матрос – человек казённый. И вот ещё что: самое главное. Будут инспектироваться все рекрутские наборы. За каждое злоупотребление ответственные подвергнутся суровым наказаниям. Мне известны случаи, когда рекрутов за выкуп определяли, как немощных, негодных

к строевой службе. Учтите, наказывать за мздоимство буду строго. За всякого же бежавшего рекрута взыскивать с офицера двухнедельное жалованье. Если же окажется умерших рекрут со ста более одного, то и за таковых излишних взыскивать с офицеров двухнедельное жалованье. Теперь о форме. Мне докладывали, что некоторые высшие морские чины до того обнаглели, что один из них появляется на шканцах в шлафроке, розовом галстуке и в белом ночном колпаке. Что вы на это скажете? – Подошел он к высокому, грузному адмиралу и заглянул к нему в лицо снизу-вверх. Адмирал побледнел и еле выдавил из себя что-то подобное: «Исправим сие безобразие».

Для чего вам мундир, господа? – продолжал Павел, вновь прохаживаясь прусским шагом вдоль шеренги. – Форма одежды офицеров, знаки различия всегда считались выражением чести и достоинства. Вы забыли об этом? Отныне все военные чины обязаны появляться в расположении своих полков или же в иных местах только в мундире со знаками отличия, соответствующие его званию, роду войск и полка. Не желаете носить мундир, неудобно, некрасиво – вон, в отставку!

– А что у нас творится в портах? Мне поступил доклад с верфей: весь дубовый лес, поставленный в прошлом году – сгнил. А нынешние поставки не годятся для постройки хороших кораблей. Отныне вменяю в обязанности Адмиралтейств-коллегии надзор за корабельным лесом. Продажу древесины за границу осуществлять только по высочайшему моему соизволению. Так же я хочу ввести новые правила хранения кораблей на зимовке. Я считаю неправильным хранения кораблей не разгруженными с артиллерией и запасами. Отныне военные суда должны тщательно готовиться к зимовке: мачты снимать, палубы крыть крышами, запасы убирать в магазины, артиллерию сгружать в арсеналы. Командир корабля обязывается отныне наблюдать за работами по постройке, тимберовке и мелкому ремонту. Вскоре я по каждому пункту издам указ. Но армия и флот должна быть готовы к реформам.

Офицеров отпустили. Мрачные и тихие они вытекли из зала. Павел лишь попросил остаться Аракчеева и, почему-то, меня.

– Как думаете, Алексей Андреевич, много будет недовольных новым армейским уставом? – спросил царь.

– Много, – прямо ответил Аракчеев.

– Как поступить?

– Надо как-то обезвредить гвардию. Гвардия опасна. Вашу матушку усадила на трон гвардия. Елизавете хватило одной роты Преображенского полка, чтобы свергнуть Анну Иоанновну.

– Предлагаете распустить гвардию? Но это – невозможно. Как же я без гвардии? Надо действовать хитрее. – Павел задумался. – А каков состав нашей Гатчинской армии?

– Две тысячи, пятьсот человек личного состава: два мушкетёрских батальона, два гренадерских, один артиллерийский, егерская рота. Из кавалерии – три полка: гусарский, драгунский и жандармский.

– Мало, – недовольно качнул головой Павел. – Давайте сделаем так, Алексей Андреевич, в гвардейские полки: Семёновский и Преображенский введём в состав по тысяче человек из Гатчинской армии. А в Измайловский – оставшиеся пятьсот. Офицеры-гатчинцы останутся при своих званиях. С должностями надо разобраться, чтобы никто не был обижен. Как вы находите такой манёвр?

– Вполне мудрый, – согласился Аракчеев. – Гатчинцы преданы вам, и не позволят устроить бунт или, упаси Господь, заговор.

– Вот и – отлично. Позаботьтесь об этом. Что у нас осталось?

– Осталась только тайная экспедиция. Огромные архивы, скрытая агентура, большое влияние в ведомствах и даже в армии.

– Закрыть немедля! Архивы изъять. Все бумаги, относительно слежки за мной и моей семьи доставить мне.

– Будет исполнено!

– Добров, – неожиданно обратился Павел ко мне. – Сегодня вышел неприятный казус за ужином. Я понимаю, что вы не виноваты, но впредь, будьте умней. Мне не нравится нынешнее поведение моей дочери. Она никогда так не поступала, была тихой и скромной. Ей всего двенадцать…. Уже двенадцать, – задумчиво произнёс он. – Наверное, наступает период девичьей дури. А вы в чине поручика, гвардеец. Так что, прошу вас впредь не терять головы. – Он сделал несколько широких шагов, остановился. – Но не для этого я вас позвал, поручик Добров. У меня к вам важное задание. Завтра вечером состоится одна величайшая церемония. В вашу обязанность вверяется пригласить, нет, доставить на эту церемонию графа Алексея Орлова-Чесменского.

При этих словах Аракчеев вскинул голову. Лицо его сделалось серьёзным.

– Ваше Величество, – осторожно сказал генерал.

– Я знаю, что делаю, – остановил его Павел. – Идите, Добров. Исполняйте. Орлова. Сюда. Живым. Заартачится, разрешаю применить силу. Возьмите эскадрон жандармов.

– Нет, постойте. Никаких жандармов. Уговорите его, Добров. Вас он послушается.

* * *

Вот так просто: уговорите Орлова-Чесменского. Кто такой граф Орлов? Герой Чесменской битвы, величайший государственный деятель, граф, в конце концов.… Кто такой я? Никому не известный мальчишка, только что прибывший на службу, в чужом мундире и старых отцовских сапогах.

Я не помнил, как оказался на улице. Свирепый ветер затеял метель. Мороз тут же пробрался под одежду. Казённая епанча из армейского сукна – слабая защита от непогоды. Нелёгкое задание мне дали. Одно дело, тогда с Архаровым и Ростопчиным к присяге графа привести. А теперь одному, этого самого графа сюда притащить. И каким образом я это сделает? Вот так, войду в дом великого Орлова-Чесменского и прикажу ему собираться и следовать за собой? А он возьмёт и выгонит меня к чертям. Кого ему бояться? Императора? У него заслуг перед Россией столько! И орденов больше, чем у меня пуговиц на сюртуке. И как мне тогда быть? Призвать эскадрон жандармов? Они и пальцем не посмеют тронуть великого Орлова-Чесменского.

Ну, почему так тяжко служба началась? – посетовал я.

У моста, перекинутого на Васильевский остров, стояла полосатая будка. Рядом пылал костёр, раздуваемый порывами ветра. В будке угадывался профиль караульного солдата. Он стоял неподвижно, приставив к ноге длинную фузею с примкнутым трёхгранным штыком.

«Ему тоже нелегко, – подумал я. – А ну-ка постой на морозе часок-другой. Да потом ещё на развод караула…. А разве офицерам, что разводят часовых легко? Всю ночь и весь день по постам ходить, да проверять…. А разве Аракчееву легко? Ох, ему-то в первую голову достаётся, да за всем уследить надо…. И императору – не сладко. Император один против всех. Даже меня не наказал за ужин – ин до того ему… Он о России печётся, а я тут вздыхаю о своей судьбе нелёгкой», – устыдился я собственной слабости и решительно направился через мост, на Васильевский остров. Будь – что будет.

Дверь открыл все тот же старый лакей в напудренном парике и малиновой ливреи с серебряными пуговицами.

– Граф после пяти не принимает, – ответил лакей вежливо, но с некоторой пренебрежительностью.

– Передайте графу, что прибыл я по полномочию Его императорского высочества, – настаивал я.

– Прошу, – тут же впустил меня слуга, услышав, от кого посланник. – Немедленно доложу графу.

Вскоре он вернулся и провёл меня на второй этаж в кабинет графа. Алексей Орлов сидел в мягком кресле подле камина. На нём был персидский тёплый халат. Ноги укрыты пледом. Он напоминал старого медведя. Лицо его казалось неживым, фиолетовым, на котором бледной полосой выделялся шрам. Я все ещё робел, но стараясь говорить твёрдо. Отрапортовал, что прибыл с поручением от императора.

– Ах, это вы, – сказал он тяжело. Из горла при каждом вдохе вырывался шуршащий свист. – С чем на этот раз пожаловали?

Я передал ему конверт, что получил для графа в канцелярии. Безбородко сказал, вручая депешу: «Кабы не помер граф Алексей, прочитав сие». Орлов взял широкой трясущейся рукой письмо. Надломил сургучовую печать.

– Захарушка! – крикнул он.

Тут же из-за двери вынырнул лакей.

– Что изволите?

– Самовар ещё не остыл?

– Горячий.

– Предложи гостю чаю с пряниками и сыром, пока я читаю.

– Сию минуту, – поклонился лакей и тут же исчез за дверью.

Алексей Орлов развернул бумагу и принялся читать. По мере чтения, глаза его округлялись, мохнатые седые брови поползли вверх, челюсть отвисла.

– Это что же он удумал? – сказал он и громко воскликнул: – Господи, вразуми: что творится?

Он стал неистово креститься, захрипел, схватился за грудь и начал валиться набок. Я попытался поддержать его. Тут же вбежали слуги, принялись хлопотать. Домашний доктор, маленький носатый немец кричал:

– Zerstreuen! Bestehen!

Совал графу под нос флакончик с нюхательной солью.

– Все! Все! Подите! – замахал Орлов руками, будто медведь от наседавших собак. Когда вся челядь удалилась, старик недоверчиво посмотрел на меня. – Почему он вас прислал, а на фельдъегеря?

– Попросил лично сопроводить вашу персону в Зимний дворец.

– Господи, что с Россией станет? Да! – он задумчиво закусил нижнюю мясистую губу. – Пожалуй, фельдъегерского почтальона я бы за такое послание вытолкал в шею, а вам, почему-то, не смею перечить. Можете мной повелевать. Повелевать генералом-аншефом, грозой османов. Нынче от моего могущества осталась одна золотая пыль. Ах, – махнул он рукой. – В ваши годы трудно понять стариков. Подождите меня внизу. Я оденусь и велю закладывать карету. Господи! – вновь запричитал он. – Что удумал! Что удумал! И как он это сделает? Ну, скажите, каким образом он желает получить корону из рук покойника?

Больше получаса я ожидал в нижнем зале. Лакей три раза приносил мне чай с всякими сладостями. Предлагал холодную закуску, но я из скромности отказался. Наконец появился Орлов, огромный, важный, в напудренном парике и в белом парадном мундире. Синяя лента Андрея Первозванного легла через его могучее плечо. Слева ордена золотыми и серебряными звёздами теснились на груди. Лакеи накинули на плечи графа лисью шубу, подали шляпу.

– Я готов, – обречённо сказал Алексей Орлов.

Карета, запряжённая четвёркой высоких стройных коней светлой масти, уже стояла у дверей.

– Моего завода кони, – похвастался граф. – Как Барон ведёт себя? – Спросил он у кучера.

– Кусается, – ответил кучер, снимая шляпу. – Но нынче стал строже: не рвётся зря. Ходит в шаг с остальными в упряжи.

Граф Орлов-Чесменский втиснулся в карету и расположился на мягком диване, обтянутым индийским муслином. На против предложил сесть мне. Рядом со мной устроился носатый лекарь с пузатым саквояжем.

– При нем можете говорить спокойно, – сказал Орлов, указывая на лекаря. – Он по-русски ни черта не понимает. – Заметил, как я осторожно сажусь на диван, с удивлением осматриваю богатую обстановку, объяснил: – Карета старинная. Уж сколько ей лет – не помню. Из Голландии, помниться, выписывал. Просторная! Правда, обивку раз десять менял. Да! Молод был. Не чуете, как вином пахнет? – Граф неприлично хихикнул. – Уж сколько в ней вина пролито…

– Пока только чувствую запах от вашего лекаря, – ответил шуткой я.

– А, – безнадёжно махнул рукой граф. – От этого суслика вечно касторкой воняет. Так на то он и врач. Чем от него ещё должно пахнуть? А в этой карете я чуть ли не всю Россию изъездил. Уж сколько в ней шампанского выпито…. А сколько дамских нарядов изорвано…. Да вы не думайте плохого…. А, впрочем, все мы такие – русские шляхтичи: коль надо голову сложить за отчизну – пожалуйста, не жалко, а коль где своровать можно – так своруем по-полной. А уж если погулять – так сам черт – брат. Эх! – вздохнул он с надрывом. – Никогда в России порядка не будет. Как не старался Пётр Великий шляхтичей к европейской культуре приручить – ничего у него не вышло. И у Павла не получится. – Он косо, недоверчиво посмотрел на меня. – Надеюсь, этот разговор останется между нами?

– Не сомневайтесь, – заверил я его. – Но почему именно со мной вы заводите такие разговоры.

– Мне о вас фон Пален говорил, как о благородном и твёрдом человеке…. А мне нынче и поговорить не с кем. Не то, чтобы я боюсь… Чего мне бояться? Нет. Тут другое дело: когда я был в фаворе, так все вокруг в друзья старались записаться, а как в отставку вышел, так друзья сволочные стали, злопамятные. Я ненавидел Григория Потемкина, а теперь вдруг понял, что он был такая же сволочь, как и я, и в то же время – добрейшей души человек, смельчак.

– Но вы же одержали такую великую для России победу, – возразил я.

– Ах, вы про Чесменскую баталию? Да, было дело. Но честно признаюсь, глядя с горы прожитых лет: если бы не адмирал Спиридов, Григорий Андреевич – не видать нам победы. Хоть и не любили мы друг друга: ох, как крепко бранились. Но теперь понимаю: дурак я был. А он до чего опытный флотоводец, отважный какой. Перед Хиосским сражением, помню, как мы сильно ругались. Григорий Андреевич все мне новую тактику боя навязывал. Под прямым углом, говорит, в кардебаталию надо атаковать, да с ближней дистанции бить. Я же ему толкую: куда в кардебаталию, у нас кораблей в два раза меньше, за острова надо уходить…. Распетушились с ним в пух и прах. Да я наутро ему и говорю: Черт с тобой, командуй! Ох, как надел он парадный мундир, да на линейном корабле «Евстафии» рванул в самый центр турецкого строя…

Граф от воспоминаний зарозовел лицом. Выпрямился.

– Эй, месье Штицбер, микстуру давай! – потребовал он у доктора.

– О, найн, найн! – испуганно замахал руками лекарь.

– Давай, говорю! Граф требует! – грозно прорычал Орлов.

Лекарь пожал плечами и нехотя полез в саквояж. Достал небольшую бутылочку коньяка и серебряные рюмочки. Недовольно покачал головой.

– Вы же говорили, он не понимает по-русски, – удивился я.

– Определённые команды – понимает. Я его выдрессировал, – усмехнулся Орлов. – Эх, где мои двадцать лет, бесшабашные, беззаботные!

Заставил нас с доктора выпить вместе с ним коньяку. Закусили засахаренными дольками лимона.

– Я тебе сейчас про Чесменскую баталию расскажу. Ты прости, но с этой болезнью дома сижу целые дни. А бывшие друзья – форменная сволочь. Забегают только денег занять, да нажраться. И поговорить не с кем.

– С удовольствием послушаю, – выразил готовность я. – Много читал о сей славной виктории, но, чтобы так, из первых уст, да от самого командующего – даже не мечтал.

– Вот, вот! – разошёлся граф. От выпитого коньяка на носу и щеках проявились бардовые жилки. Шрам ещё больше побелел. – А было-то все не так, как пишут эти мерзкие канцелярские крысы. В то время война с Турцией шла в полном разгаре. Румянцеву нелегко приходилось за Дунаем. А мой брат, Григорий предложил императрице дерзкий план: отправить флот из Кронштадта вокруг Европы, чтобы зайти к Туркам в тыл и прорваться к Константинополю. Безумная идея. Представить себе трудно: вокруг всей Европы! Корабли не опробованы, матросы большей частью не обучены, офицеры в море толком не ходили. А тут в такую даль.

– Но Спиридов был опытным флотоводцем, – попытался возразить я.

– Спиридов – да! – согласился Орлов. – Тот с пятнадцати лет в гардемаринах служил. На Каспии был под началом Нагаева. Потом в Кронштадт переведён уже мичманом. В семилетней войне участвовал. Дослужился до Адмирала. А назови в его эскадре ещё хотя бы пару опытных капитанов – нет таких. То-то, эскадра как вышла из Кронштадта, так из пятнадцати больших судов до Англии только пять дошло, остальные чинить пришлось. Матросы болеть стали от воды протухшей, да от пищи испорченной. Пока до Средиземного моря дошли, больше ста человек умерло и пять сотен в трюмах лежали еле живые. Но не эта главная опасность. Боялись, что французская или испанская флотилия нападёт. Им-то что: атакуют – и в порты. А нашим кораблям приткнуться некуда.

– Но не напали же.

– Англия помогла. Дипломаты политикой крутили, что шулера за карточным столом. Попробуй-ка в их интригах разобраться – сам чёрт ногу сломит. Я-то императрицей в Палермо был направлен. Якобы на лечение. А сам тем временем готовил восстание в Греции. Я бы не возглавил флот. Какой из меня флотоводец? Вот, на коне, да с палашом в атаку кидаться, каре крушить – это я могу. Но Спиридов крепко поссорился с командующим второй эскадрой, англичанином Эльфинстоном. Спиридов, он какой? Как увидит турецкий штандарт, так сразу бросается на него, словно гончая за зайцем, и плевать ему, что пушек у него меньше, да паруса рваные. А Эльфинстон в бой не вступит, пока все не обдумает, не проверит каждую пушку, пуговицы не начистит. Вот и пришлось мне по приказу императрицы возглавить эскадру, чтобы разногласия двух адмиралов унять. А на корабли я взглянул – Господи помилуй! Матросы худющие, на одних сухарях червивых просиживали. Паруса штопаные-перештопанные, борта гнилые. Хорошо, хоть цехмейстер артиллерии толковый попался, бригадир Ганнибал, Иван Абрамович. Ой, проворный был малый, курчавый, чумазый, что турок, но порядок от матросов требовал железный. Пушки все начищены, салом смазаны, в крюйт-камерах ядрышко к ядрышку.

– А моряки сильно устали от перехода?

– В бой рвались, черти. Голодные, больные, тощие, злые, турок им подавай. Османов мы настигли у острова Хиоса. Я взглянул в трубу подзорную – мать честная! – да там их не меньше шестидесяти вымпелов. У нас кораблей раза в два меньше. Я собрал Спиридова, Эльфистона, Грейга. Что делать? Силы неравные. А нам отступать некуда. За спиной портов нет, чтобы укрыться. Только вперёд, очертя голову. Спиридов и предложил атаковать турок под прямым углом тремя звеньями, прямо в кардебаталию. Не по правилам – говорю. Надо авангардный бой завязать, потом кардебаталию атаковать. А Спиридов своё гнёт. В авангардном, говорит, все фрегаты потеряем. Пушек у нас меньше. Ругались мы с ним, ругались, призвали в помощь Грейга и Эльфистона. Грейг согласился: идея интересная. Эльфистон пожал плечами, мол – и так плохо, и так не очень.

Ввязались мы в бой. Турки ядрами швыряют, пытаются мачты нам снести, да ванты порвать, Борта трещат, что скорлупа ореховая. А мы их брандскугелями зажигательными оплевали. Спиридов на линейном «Евстафии» сцепился с флагманским «Реал-Мустафа». Линейный «Европа» поддержал огнём. Ганнибал, чертяга эдакий, как дал залп брандскугелями. Что он в ядра зажигательные набивал – одному ему известно, да только вспыхнул ярким пламенем «Реал-Мустафу». Турки пушки побросали – и в воду попрыгали. Корабль пылает, заряды рвутся. Головёшки во все стороны летят. «Евстафии» уйти бы надо, а тут, как назло ветер стих. И корабль Спиридова течением понесло прямо на горящих турок. Грот-мачта с «Реал-Мустафы» рухнула, да на палубу «Ефстафию». Видать искры попали в крюйт-камеру. Бабахнуло так, что корабль надвое разорвало. Я за голову схватился. Там же брат мой, Фёдор был, призовую команду возглавлял.

– Погиб? – ужаснулся я.

– Выжил, черт. Почти вся команда сгорела или утонула, а его Бог миловал. Спиридов выжил. Так я же тогда не знал. Мне кричат: – Вон, капитан Круз плывёт на куске мачты. Его вытащили. Он весь изранен, обгорел: ни ресниц, ни бровей, штаны сгорели, вся задница в пузырях, но жив, слава Богу. А тут следом за «Евстафией» «Реал Мустафа» грохнул так, что у меня шляпу снесло. Турки испугались. Флагман-то их потоплен. Давай рубить якоря и в бухту удирать под прикрытие береговых батарей. Я приказал раненых подбирать. Все Фёдора кликаю, расспрашиваю спасённых: не видал ли кто его. Гляжу, шлюпка пришвартовалась, в ней Спиридов весь чумазый, мундир его парадный – в клочья, без шляпы, без парика, лысина красная от ожогов, а с ним и брат мой, видом не лучше. У меня от сердца отлегло. «Федька, – кричу, – ты не ранен?» А он мне, черт горелый, отвечает: – «Яичницы хочу. Проголодался». Всего пятьдесят человек спаслось, а четыре сотни сгинуло. Но туркам мы показали, кто такие русские моряки.

Победу-то мы одержали, но сил у турок все же больше. Что дальше делать. Эльфистон предложил запереть турецкие корабли в гавани и ни в коем случае не выпускать. А гавань Чесменская небольшая, османским посудинам не развернуться. Но и атаковать их сложно. Пушек у них больше, да ещё береговые батареи. А у нас зарядов – на один бой. И брать больше негде. Ганнибал, Иван Абрамович – светлая голова – предложил соорудить брандеры, да пустить в самую кардебаталию турок.

Четыре гребных судна набили горючкой. Солому в масле, в дёгте мочили и по трюму разбрасывали, а сверху порохом посыпали. Вызвал я смельчаков, кто бы не побоялся на брандерах подплыть под неприятельским огнём и запалить вражеские корабли. Чуть ли не все матросы и офицеры просились. Спиридов отобрал самых надёжных. Всю операцию доверили провести адмиралу Грейгу.

Ночь выдалась лунная. Но, знаешь, как там, в южных морях? Хоть луна светит – а темень непроглядная. Спиридов на «Европе» и ещё несколько кораблей в первом часу сблизились с турецкой эскадрой и вступили в артиллерийскую дуэль. В это время наши брандеры на всех парусах ринулись к неприятелю. Казус такой вышел. Лейтенант Ильин брандер свой к линейному кораблю подвёл, а турки подумали, что это перебежчики. Кричат: «Русский сдавайся!» Бортами сцепились, наши в шлюпку – и вон во всю прыть. А брандер как полыхнул! Оказалось, турки готовились к завтрашнему сражению, да крюйт-камеры набили зарядами под завязку. Взорвался один корабль. А от разлетевшихся головёшек занялись соседние корабли. Мы в три часа уже прекратили канонаду. Толку-то. Вся гавань полыхала. Грей даже приказал отвести корабли, чтобы самим не загореться. К утру флот Гассан-паши выгорел полностью. И береговой гарнизон бежал, оставив укрепления. Вот так все было. Наглостью и отвагой победили, а не силой.

Карета остановилась. Стужа была лютая. Несмотря на поздний час окна Зимнего светились. Даже люстры горели. У парадной лестницы толпилось множество вельмож в дорогих шубах.

– Что случилось? – спросил Орлов у одного из вельмож. – Почему нас собрали в столь поздний час?

– Понятия не имею, Алексей Григорьевич, – пожал плечами тот. – Такие слухи по городу носятся.

– Какие же?

– Говорят, император Павел приказал вскрыть могилу своего отца.

– Да для чего же это? О Господи! – Он перекрестился.

– Господа, его императорское величество приглашает всех в Большой тронный зал, – раздался сверху призыв церемониймейстера.

Большой тронный зал казался огромным из-за высокого потолка и множества люстр. Белые колонны с позолоченными ордерами, белый потолок с золочёными бордюрами. Под красным балдахином стоял трон императора Российской державы. Зал заполнили военные и гражданские всех чинов и званий. Церемониймейстер объявил о выходе императора, и все тут же склонили головы. Павел быстрым шагом вышел из бокового прохода, сопровождаемый свитой, устроился на троне, кратко поприветствовал собравшихся. Все приготовились слушать. Император внимательным взглядом окинул толпу. Напряжённые черты его обезьяньего лица разгладились, когда он увидел графа Орлова.

– Я, законный наследник, – громко произнёс он. – Не могу получить корону Российской империи от матери своей, так, как она по закону считается регентшей. Отец мой,

Карл Пётр Ульрих Гольштейн-Готторпский, крещённый в Петра Фёдоровича, упокоился, не будучи коронованным. Чтобы восстановить справедливость, повелеваю короновать усопшего Петра Фёдоровича по всем законам Российской империи и перезахоронить его, как положено коронованным особам, в усыпальнице Петропавловского собора вместе с супругой его, Екатериной Алексеевной. Нынче я приказал подготовить торжественное шествие в Александро-Невскую лавру. Процессия принесёт царские регалии, дабы совершить обряд коронования. Затем прах уже императора Петра будет перенесён в Зимний дворец, а далее – в Петропавловский собор.

Павел поднялся, и все склонили головы. Он ушёл, и зал зашумел. К Орлову протиснулся Аракчеев.

– Алексей Григорьевич, – каменным голосом сказал генерал-губернатор. – Вы все же пришли.

– Объясните толком, что произошло? – взмолился Орлов.

– Вы разве не расслышали? Гроб с телом Петра Фёдоровича вынут из склепа и поставлен сейчас в Благовещенской церкви Лавры. Состоится коронование останков.

– Но это же неслыханное кощунство! – возмутился Орлов. – Помазать на царствие мёртвого! Что за причуды сатаны?

– Я бы на вашем месте не употреблял столь дерзкие выражения. Тем более, вам доверена особая миссия.

– Мне? Какая же? – отшатнулся Орлов.

– Вы понесёте корону.

– О, Господи, – Граф Чесменский схватился за грудь и поспешил выйти из зала.

– Удивительно, что вам удалось его привести, – похвалил меня Аракчеев.

– Граф полностью доверился мне, – ответил я.

– Надеюсь, дорогой он не хвастался, каким был героем при Чесме?

– Немного.

Аракчеев презрительно хмыкнул.

– А что бы было, если бы граф не приехал? – спросил я.

– Как не подчинившегося приказу императора, я был бы вынужден его арестовать и заточить в Петропавловскую крепость. Вы, Добров, спасли его честь, а может, и жизнь. Ох, не любит его Павел Петрович лютой ненавистью.

Мороз к ночи крепчал, да ещё откуда-то приплыл густой туман и накрыл город липкой матовой дымкой. Больше тридцати карет, обитых траурной чёрной материей, двигались медленно, словно крались. Лошади, тащившие кареты, так же были укрыты чёрной тканью. Их сопровождали лакеи с факелами, одетые в черные епанчи. Широкополые шляпы – тоже черные. Процессия ползла от Зимнего по Невской перспективе. Несмотря на поздний час и сильный мороз, на улице собралось много народу поглазеть на шествие. Люди кутались в тулупы, крестились. Пар от их дыхания смешивался с туманом. И никто не смел громко говорить. Все перешёптывались. Молчаливая толпа провожала молчаливую процессию, которая будто направлялась в ад.

Граф Орлов-Чесменский, огромный старик, сидел в карете, держа на коленях бархатную подушку, на которой покоилась корона Российской Империи. Он вздрагивал от рыданий, мычал, хлюпал носом. Иногда шёпотом приговаривал: «Обидно! Какой стыд! Ох, наказание за грехи мои!».

Я сидел напротив него и не знал, куда деться от стыда. В этот момент мне казалось: нет ничего противнее, как смотреть на плачущего старика, слушать его нудные причитания. Об этом человеке я слышал множество историй правдивых и много небылиц. Но даже если отбросить половину вранья, что приписывали этому лихому и грозному человеку, все равно подвигов хватило бы на десяток генералов. И теперь на этого героя жалко было смотреть. А ведь он когда-то со своими братьями управлял страной. Теперь я вижу его больного, рыдающего и жалкого. Не терпелось: когда же мы прибудем на место, и я избавлюсь от этого дурацкого поручения.

Я ногтем соскрёб наледь с окна кареты и вгляделся в ночную мглу. Свет от факелов выхватывал из темноты белый пятна. Эти пятна – лица зевак. Как будто лики их стёрты. Не видно глаз – только тёмные впадины; у них нет ртов, лишь пар струится из щелей. А может, все они мертвы? И процессия уже в аду? Мы не заметили, как прошли врата преисподней?

Но вот, наконец, колеса застучали по деревянному мосту. Процессия въехала в лавру.

В Благовещенском храме на высоком постаменте покоился гроб, обитый золотым глазетом. Гроб был закрыт. Шесть кавалергардов в парадных мундирах стояли в карауле подле гроба. В голове – два капитана гвардии. Почётным караулом командовал отставной генерал от кавалерии, вновь вызванный Павлом на службу, граф, Иван Петрович Салтыков. Он был облачен в парадный конногвардейский мундир малинового цвета, при орденах, с Андреевской лентой через плечо.

Павел подошел к Салтыкову и тихо спросил, указывая на гроб:

– Что там?

– Лучше не заглядывать, – поморщился Салтыков.

– Но, хоть что-то уцелело?

– Шляпа, ботфорты, перчатки. Тело…. Но, сами посудите, долее тридцати лет в земле.

– Да. Конечно, – быстро кивнул Павел и прошёл к Царским вратам.

Алексей Орлов протянул ему корону на бархатной подушечке.

– Почему вы так дрожите, граф? – строго спросил Павел, принимая реликвию. – Вам холодно или страшно.

– Я ничего не боюсь, – гордо ответил Орлов.

– Даже кары божьей? – удивился Павел и, не дождавшись ответа, направился с короной ко гробу.

Коронование усопшего началось.

Всю ночь мы провели в лавре. Всю ночь шла служба. Сменялись священники, читавшие молитвы, сменялся почётный караул у гроба. Наутро князь Репнин, командовавший войсками, выстроил гвардейские полки шпалерами от самой Александро-Невской лавры до Зимнего дворца. На длинных трёхгранных штыках развивались черные ленточки. Предстояла печальная процессия переноса останков императора Петра. Перед самым выносом гроба произошла заминка. Павел спросил у Салтыкова, в чем причина? Ему ответили, что графа Орлова нигде не могут найти. А он должен нести корону. Император пришёл в ярость.

– Добров! – крикнул Аракчеев, пылая от гнева. – Вам велено было следить за графом. Даю вам пять минут на поиски, иначе будете высечены.

Все кинулись искать Орлова. Нашли его в тёмном углу церкви. Он стоял на коленях и горячо молился. Когда его попытались поднять, он разрыдался. Под руки вывели его из храма и поставили во главе процессии. Всунули в руки всё ту же бархатную подушку с короной. Павел подъехал к нему на белом коне.

– Вы, как обиженный ребёнок где-то пряталась, да ещё плакали?

Я герой Чесменской баталии, – с гордостью ответил граф.

– Я это помню, – спокойно сказал Павел. – Как-нибудь приглашу вас, и вы мне расскажите о сем славном подвиге вашем. А ещё поведаете мне во всех подробностях о последних минутах жизни моего отца. Сейчас же, чтобы вам не было столь совестно, я поддержу вас, сойду с коня и пойду пешим за гробом императора вместе со своими сыновьями. А вы шагайте впереди, с короной. Империя доверяет вам эту честь.

Колокола лавры пробили одиннадцать часов утра, затем заиграли погребальный перезвон. Из главных ворот двинулась процессия. Граф Александр Орлов, тяжело ступая, шёл первым, неся корону. За ним князь Фёдор Барятинский и Пётр Пассек несли на подушках поменьше царские регалии и награды покойного императора. Катафалк влекли шесть черных коня, запряжённых цугом. За катафалком шёл Павел и Великие князья, после придворные: мужчины с траурными лентами и женщины в черных шляпах с чёрной вуалью. После следовали полки конной гвардии со штандартами императора. С крепости палили пушки. Колокольни городских церквей беспрестанно звонили.

Я шёл в последних рядах. За мной шпалеры солдат смыкались и следовали за процессией. Я видел бледные лица зевак. Они взирали со страхом и ужасом на происходящее, крестились, клали поклоны. Часто слышал в толпе приглушенный вопросы: что же теперь будет? А не антихрист ли восстал?

Гроб с останками Петра поставили рядом с гробом Екатерины. Я не смог попасть во дворец из-за столпотворения. Перед сиятельными покойниками долго велась служба. Дым от кадил плотным облаком висел под потолком. К вечеру служба окончилась. Кареты еле протискивались к парадному входу дворца. Придворные стали разъезжаться. Для чинов высокого ранга подавали кареты прямо к подъезду, нижнего ранга – дальше на площади.

– Чья карета? – спросил майор Преображенского полка, стоявший на страже.

– Графа Орлова-Чесменского, – ответил кучер.

– На площадь езжай, – приказал майор. – Так Графа Орлова…

Кому сказал – на площадь. Не мешайся! – прикрикнул майор.

Кучер повернул коней.

Меня возмутило поведение майора.

– Позвольте поинтересоваться, по чьему приказу вы не пускаете карету графа Орлова-Чесменского.

– А вам какое дело, поручик? – грубо ответил майор.

– Прямое. Я отвечаю за графа.

– Тогда с жалобой идите к генералу Аракчееву. И не мешайтесь.

Майор пропускал следующую карету.

– Куда прёшь? – останавливал кучера, взглянув на герб, кричал: – Проезжай.

Я увидел, как из парадного входа дворца появился граф Орлов. Беспомощно оглядываясь, он, наконец, увидел свою карету, остановившуюся шагов за сорок, постоял в нерешительности, после неуклюже, припадая на больную ногу, пошёл через площадь. Офицеры и вельможи, завидев графа, отворачивались или старались отойти прочь. Он тяжело дышал, ноги скользили на обледенелой мостовой. Шуба его распахнулась, обнажая ордена на мундире. Я не в силах был наблюдать эту жалкую картину и подбежал к графу.

– Обопритесь на моё плечо.

– Что? – с удивлением посмотрел на меня граф. – Юноша, вы же не знаете, что предлагаете. Поберегите своё имя. – Я все прекрасно понимаю. Обопритесь.

У всех на виду я довёл графа до кареты. Усаживаясь на диван, граф поблагодарил меня и пригласил как-нибудь заглянуть к нему на чай.

– Орлов-Чесменский всегда долги отдаёт, – сказал он напоследок.

* * *

В тот же вечер Аракчеев вызвал меня к себе. Генерал сидел в своём кабинете с алыми шторами за письменным столом, корпел над бумагами.

– Не вздумайте ничего брать у графа Орлова. Упаси вас бог появляться в его доме, – встретил он меня.

– Позвольте спросить, к чему такая строгость?

Он – подлец. Рано или поздно вытрет о вас ноги.

– Он герой Чесменской баталии, – напомнил я, – и дворянин.

– Наплёл уже вам про своё геройство? Вся его заслуга в морском предприятии заключалась в том, что он заткнул дурака Эльфистона и доверил командование эскадрой Спиридову. Если бы сделал наоборот – кто знает, как все дело обернулось бы. А шрам, что уродует его лицо, он получил не в героических сражениях, а в кабацкой драке.

– Но, он больной.

– Кто? Орлов? – громко усмехнулся Аракчеев. – Вы слишком доверчивы, друг мой. Он – волк в овечьей шкуре. Уж поверьте мне, я всю эту сволочь: Орловых, Зубовых, Салтыковых… хорошо знаю. Для них вы, я или ещё какой-нибудь честный шляхтич – так, хуже лакея. Ну, хватит об этом. – Он отложил перо. – Завтра прошу вас быть готовым встать рано утром и по первому зову прибыть к дежурному офицеру.

Посыльный от Аракчеева поднял меня в четыре утра. Небольшая квартирка на набережной Мойки, которую я снимал, за ночь промерзала, словно склеп. Хозяйка экономила на дровах и топила только вечером и утром. Я втиснул ноги в ледяные сапоги, надел холодный сюртук, накинул плащ, пропахший дымом караульных костров. Хотел выпить воды, но в оловянной кружке вчерашний чай покрылся корочкой льда.

– Пошевеливайтесь, – торопил посыльный. – Хорошо, что вам бриться не надо, грубо намекал он на моё юношеское лицо, ещё не поросшее щетиной.

Посыльный приехал верхом и привёл осёдланную лошадь для меня. Я послушно вышел вслед за ним на мороз. Раннее утреннее небо усыпали звезды. Город спал. Даже фитильки уличных фонарей, казалось, дремали, еле-еле освещая заснеженную мостовую.

На Дворцовой площади нас ждал Аракчеев с двумя офицерами.

– Долго копаемся, – сдала мне замечание Аракчеев. – Привыкайте: вас могут потребовать в любую минуту, и вы должны прибыть немедля.

Конюхи вывели любимого белого коня Павла Петровича Помпона. Седло высокое, пёстрый персидский чепрак.

Мы будем сопровождать императора? – поинтересовался я. – Так рано?

– Четыре утра – его любимый час, – ответил Аракчеев. – Отправляемся инспектировать ведомства.

Вскоре появился сам Император, бодрый и свежий.

– Хорошая погодка, господа! – весело сказал он, усаживаясь в седло. – Ах, сколько звёзд в небе! И морозец славный. Ну-с, приступим! – и тронул коня.

В лесном ведомстве светилось только одно окно.

– Нам сюда, – сказал Павел, указывая на серый мрачный фасад.

Я соскочил с лошади и принялся стучать в высокую двустворчатую дверь.

– Сильнее, сильнее! – требовал император.

– Кто там? – грозно окликнул привратник.

– Открывай! Император с ревизией, – крикнул я.

– Я, вот, тебе сейчас кочергой промеж глаз как дам, – угрожающе пробасил привратник, откидывая засов.

– Отпирай, дурак, пока самого на конюшню не отправили, – прикрикнул Аракчеев.

Створка распахнулась. Выглянул высокий бородатый мужик. Увидев, кто перед ними, грохнулся на колени и перекрестился.

– В сторону, дуралей, – отпихнул его Аракчеев, освобождая дорогу Павлу.

В тёмном просторном зале стояли письменные столы, штук двадцать. На них чернильные приборы и стопки бумаг. Только за одним из столов сидел лысоватый чиновник с густыми баками и что-то старательно писал. В подсвечнике теплился огарок сальной свечи. Услышав шаги, чиновник оторвался от дела, подслеповато прищурился, оглядывая нежданных посетителей. Тут же выскочил из-за стола и поклонился чуть ли не до пола.

– Знаешь, кто перед тобой? – надвинулся на него Аракчеев.

– Как же, как же! – пролепетал чиновник, не помня себя от волнения. – У меня же портрет на столе в рамочке стоит…

– Полно те вам, Алексей Андреевич, – сказал Павел, и спросил у чиновника: – Вы кто?

Так я же, Чернов, младший инспектор, – и он подобострастно поцеловал протянутую руку императора.

– Почему один?

– Так я ж всегда так рано прихожу. Работы много. Пока акты переберёшь, пока отчёты для начальства сделаешь, а там уже на пристани надо бежать…

– А чем вы занимаетесь в этом ведомстве? – Павел прошёлся меж столами, поднял какой-то документ, принялся читать.

– Так я ж…

– Ваше Величество! – прорычал Аракчеев.

– Я, Ваше Величество, младший инспектор. Принимаю лес. Сортирую: какой в домовое строительство, какой в корабельное, что вообще – на дрова…. Пишу отчёты старшему инспектору…

– И хорошо вы разбираетесь в древесине?

– Да, уж двадцать три года в ведомстве. Сначала на заготовках работал учётчиком, потом приёмщиком на складах адмиралтейства, лет пять назад сюда перевели… Могу определить, в этом ли году дерево срублено, или лежало где год. Когда срубили: зимой или летом?

– А разница какая? – оборотился к нему Павел.

– Так, как же. Зимняя древесина – она лучше. Сохнет быстрее. И не так её коробит. А летняя – сырая: дерево соком наполнено…

– А это место вашего начальника? – указал Павел на стол, выделяющийся своей массивной богатой резьбой. И приборы на нем стояли более дорогие, серебряные. Кресло высокое с мягким сиденьем.

– Да-с, – кивнул младший инспектор Чернов. – Ивана Фёдоровича.

– И этот Иван Фёдорович…

– Кошельков, – с уважением добавил младший инспектор.

– Давно на этом месте Кошельков?

– Уже лет пять.

– И во сколько он приходит на рабочее место?

– Когда в девять, когда в десять…

– Где этот дурак – привратник? – обернулся Павел к Аракчееву.

Побежал оповестить начальство. Скоро все сюда сбегутся.

– Вот что, Чернов, – сказал Павел. – Садитесь-ка вы за этот стол.

– Это…. Это как? – растерялся младший инспектор.

– Я вас назначаю старшим инспектором, а этого, как его, Кошелькова – на ваше место определяю.

Младший инспектор Чернов остолбенел. Если бы не тусклый свет от одной единственной свечи, мы бы увидели, как побледнело его лицо и даже лысина.

– Вы что, не понимаете, что вам приказывает император? – рыкнул Аракчеев. – Марш на указанную должность.

Слушаюсь, ваше величество! – ожил Чернов и бросился к резному столу с серебряным чернильным прибором.

– Вот и хорошо, – удовлетворённо кивнул Павел. – Зажигайте свечу, начинайте работать, а мы подождём ваших сослуживцев. – И император присел за соседний стол.

Вскоре в прихожей раздался шум. Толпа чиновников ворвалась в кабинет. Их возглавлял упитанный, толстомордый человек в лисьей шубе. Он сорвал треугольную шляпу. Небольшой парик с буклями был одет задом наперёд. Словно рог на лбу торчала косичка. Он грохнулся на колени перед императором. Все последовали за ним.

– Кошельков? – вопрошал Павел.

– Так точно-с, Ваше Величество, старший инспектор, – пробурчал он. Нижняя челюсть его тряслась от страха.

– Чего замерли? – крикнул на чиновников Аракчеев. – Быстро за свои столы! Приступить к повседневной работе.

Тут же заскрипели стулья, зачиркали кресала. Огоньки свечей заплясали над столами. В зале стало светло. Один Кошельков остался стоять на коленях, не зная, что ему делать, ведь на его месте сидел подчинённый.

– А вам теперь туда – указал Павел на свободный стол. – В древесине разбираетесь? Шубу можете не снимать, вам скоро на пристань, лес принимать.

– Не губите, Ваше Величество, не губите! – Кошельков на коленях подполз к Павлу и принялся целовать его руки. – Пятеро детей…. Накажите! Готов снести любые экзекуции…

– Я же вас не в Сибирь посылаю, а понижаю в должности, – удивился Павел. – Ну, желаешь, так могу и в Сибирь.

Чиновник потерял сознание и повалился на пол.

– Экий слабенький, – брезгливо усмехнулся Павел и поднялся. Обратился к Чернову: – А начальник ваш где?

Чернов вскочил, чуть не опрокинув громоздкий стул.

– Вон, там, в конце дверь, его кабинета, Ивана Акимовича Бережков. Только кабинет заперт. У него там важные бумаги, сейф… Он велит строго настрого дверь запирать.

– Так отоприте, – приказал Павел. – Где это привратник.

Бородач вприпрыжку ринулся к кабинету со связкой ключей. Чернов угодливо распахнул дверь. Дубовые панели украшали стены. Книжные полки заставлены деловыми переплётами. Огромный стол с кривыми резными ножками был затянут зелёным сукном. Тут же на столе поменьше стоял самовар и фарфоровые приборы для чая.

– Убрать! – тут же скомандовал Павел, указывая на самовар. Бородатый привратник подхватил весь чайный стол и вынес из кабинета.

– Хорошо устроился, – зло произнёс Павел, осматривая дорогую обстановку. – Ну, и когда является ваш начальник?

– Обычно, к обеду приезжает, подписывает бумаги, пьёт чай и отъезжает.

– Пьёт чай, – хмыкнул Павел Петрович. – А вы, Чернов, дворянин? – спросил он неожиданно.

Да-с, ваше величество, – замялся чиновник. – Но мы бедные. У меня именьице под Псковом, да всего тридцать душ…

Из зала раздались охи и стоны.

– Пришёл в себя? – крикнул Павел. – На первый раз прощаю вас, Кошельков. В следующий раз отправлю в Сибирь – уже точно. Садитесь и работайте. Да, на своё прежнее место. Вот дурень!

– А мне-с на своё старое? – осторожно спросил Чернов и сразу как-то осунулся.

– А вы – сюда, – указал Павел на резное кресло с подлокотниками. – Не справитесь, я и вас в Сибирь.

Чернов потерял дар речи, и принялся громко икать. Павел резко развернулся и пошёл прочь размашистым уверенным шагом. Чиновник кинулся вслед за ним со слезами благодарности. Хотел пасть на колени и расцеловать руки… Аракчеев поймал его за шиворот железной хваткой.

Куда? Не сметь! Сегодня ко мне лично с докладом, – грозно сказал Чернову Аракчеев. – И этого, своего Ивана Акимовича Бережкова – с собой. Понял?

– Ик! Так! Ик! Точно-с! Ик!

– Воды выпей, – посоветовал Аракчеев и двинулся за императором.

Ветер стих. Подковы звонко отстукивали по промёрзшим булыжникам мостовой. Невский был пустынный. Сугробы возвышались грязными горками у стен домов. В окнах только кое-где зажигались свечи. В фонарях уже выгорало масло, и они тухли.

Навстречу тащились сани. Лошадёнка еле перебирала ногами. В санях покоилась огромная дубовая бочка с медными широкими ободами. Рядом шёл бородатый мужик в длинном овчинном тулупе, подпоясанным широким кушаком, в барашковой шапке и валенках. Он горланил песню и поторапливал клячу. В тусклом свете фонарей мужик разглядел перед собой великолепных всадников. Прекратил петь, воскликнул:

– Ой, ты, Господи! – сорвал с себя шапку, обнажая длинные кудри. – Тпрру! – дёрнул лошадь. – Да стой, ты, шалава. – Поклонился до самой земли.

– Что везёшь, бедовый? – спросил Павел. – Квас?

– Квас! – закивал он. – У купца Тимофеева беру. Да у Апраксиных рядов продаю.

– А налей-ка, – потребовал Павел.

– Ой, да я сейчас! – Мужик бросился к саням, зашуршал в телеге сеном, вынул деревянный ящик. – У меня для важных господ кружка серебряная есть.

– Ты сдурел? – усмехнулся Павел. – На таком морозе губы примёрзнут.

– Ай, и то, верно! – спохватился мужик. – Но у меня деревянная есть, новая. – Он бросил ящик прямо на дорогу, открыл его и достал кружку в штоф объёмом, крутанул кран на бочке. С журчанием хлынул квас, и вокруг разнёсся кислый хлебный аромат.

Прошу, государь! – с поклоном подал мужик кружку.

Но первым взял Аракчеев, попробовал.

– Хорош! – Протянул Павлу.

Павел Петрович маленькими глоточками отпил немного.

– А вкус с детства помню, – с грустью сказал он. – Мы как-то перед Рождеством с Паниным в санках катились и, вот, так, у бочки остановились с Тимофеевским квасом… Мне лет шесть или семь было…. Сколько прошло – жуть, а вкус до сих пор помню. – Он отпил ещё

несколько глотков. Отдал кружку мужику. – Хорош! – сказал Аракчееву. – Распорядитесь, чтобы каждую субботу, к обеду от Тимофеева привозили свежего квасу бочонок.

Аракчеев кинул продавцу пятак. Он лихо поймал медяк и крикнул:

– Только, ваше благородие, вы учтите, купец Тимофеев квас за ассигнации не продаёт. Ему только серебро давай.

Павел осадил коня. Животное недовольно всхрапнуло.

Император повернулся в седле:

– Это почему?

– Так он же зерно покупает самое лучшее. Из плохого зерна ни квас, ни пиво доброго не приготовишь. А хорошее зерно за ассигнации не продают. Бумага – она и есть – бумага. Серебро – другое дело. Серебро всегда в цене.

– Бумага, говоришь? – задумался Павел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.